

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Военный коммунизм в России: власть и массы. С. А. Павлюченков
Введение.

Что за неумение узнавать свой собственный идеал в иных и неожиданных формах; не в тех, к которым приучила их заблаговременная теория!

К. Леонтьев

«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», – так, в стиле германской мистической традиции, К. Маркс и Ф. Энгельс начинали писать свой знаменитый «Манифест коммунистической партии», призванный открыто и ясно изложить перед всем миром взгляды и цели коммунистов.

В XIX веке «призрак» коммунизма являлся народам во времена революций и мятежей, проступал черной типографской краской на страницах социально-политических трактатов и незримо витал в колоннадах европейских парламентов. «Призрак» то приближался к черте, за которой началось бы его материальное воплощение, то вновь удалялся в свое обиталище идей. В XX веке истощенная минувшими революциями Европа уже не сохранила живительной силы, достаточной для материализации «призрака», новые благодатные почвы открылись ему в восточной стороне, на просторах огромной Российской империи. 1917 год вошел в историю как начальный рубеж того периода, который получил название «военный коммунизм» или просто: военный коммунизм – без кавычек.

Существенна ли здесь разница – писать в кавычках или без оных? Очевидно, существенна, если обратить внимание на то постоянство, с которым иные устанавливали кавычки, а другие с не меньшим упорством их снимали. На первый взгляд получается какая-то клоунада, которая только ставит в затруднительное положение строгих редакторов и дотошных библиографов. Но в действительности вопрос о кавычках в названии «военный коммунизм» принципиален, ибо их присутствие призвано указывать на переносный смысл употребления термина «коммунизм», дескать, та политика и та система, которая господствовала в России в 1917–1920 годах, лишь по некоторым внешним формальным признакам напоминает действительные коммунистические принципы, а по сути они были вызваны войной и проводились в экстремальных условиях разрухи, голода, эпидемических заболеваний и тому подобное.

Как понятно, подобная аргументация в защиту кавычек принадлежит приверженцам коммунистической идеи, причем приверженцам дремучего, ортодоксального толка. Разумеется, не могут они позволить оставаться «коммунизму» в тесном соседстве с бесспорно отрицательными явлениями в общественной жизни, не соорудив ему прочной ограды из кавычек. Их оппоненты, как правило, из либеральной среды, напротив, стремятся раскавычиванием подчеркнуть органическую взаимосвязь истинного коммунизма с гражданской войной и ее ужасами, дабы устрашать этим пугалом народы – мол, вот чем чревата прививка «коммунизма» в сознание добродетельных граждан свободного общества.

Благодаря политическим пристрастиям эта игра со сменой вывесок давно приобрела нечестный характер, поскольку коммунизму, как идее, как общественной доктрине, как и любому другому явлению, присущ принцип историзма, то есть развития и изменения во времени. Сейчас так же нелепо обвинять коммунистов в стремлении вернуть тоталитаризм в Россию, как, скажем, дико подозревать, что демократическая партия США вынашивает планы восстановления рабовладения в Америке (что, как известно, до гражданской войны в Северной Америке составляло ее фундаментальный принцип).

Отмежевываясь от современных политических спекуляций с понятием коммунизма и в первую очередь учитывая его исторический характер, установим, что в исследовании периода 1917–1920 годов важно иметь в виду, какое конкретное содержание носила идея коммунизма в то время, как именно она преломлялась в доктрине и политике послереволюционного большевизма.

Когда в начале 1920-х годов термин «военный коммунизм» стал активно входить в общественно-политический лексикон, большевики, Ленин употребляли его нередко без кавычек. Им нечего было стесняться из-за понесенных за три года миллионов человеческих жертв, ведь это были жертвы неизбежные на пути общества к своему бесклассовому и несомненно светлому будущему. Лидеры большевизма, в отличие от своих поздних апологетов, не прятали стыдливо политику первых лет своей власти за ограду кавычек и откровенно заявляли о верности ее основным положениям: уничтожению частной собственности,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org ликвидации эксплуататорских классов, установлению государственного планового хозяйства и прочее. Те годы рождали поэзию в душе революционера, их называли героическим периодом русской революции, попыткой штурмом воплотить чаемые общественные принципы, которая потерпела неудачу по причине досадной отсталости России и несовершенства социальной структуры ее общества. Для большевиков, как приверженцев марксизма, те основы, которые они хотели утвердить политикой «военного коммунизма», были истинным коммунизмом.

Политика «военного коммунизма» складывалась из принудительного изъятия продуктов крестьянского труда, внедрения милитаризированной трудовой повинности в промышленность и вытеснении всего многообразия общественных связей всеобщим государственным регулированием и централизованным обменом. Все это вело к социально-экономической нивелировке, разумеется по низшему уровню жизни, и приведению всех граждан в одну шеренгу перед самодержавным государственным колоссом. Исключительную роль при такой системе стало играть государственное насилие над личностью, над целыми общественными классами. Конечно же, она оказалась весьма далека от тех благородных и гуманных намерений, с которыми в свое время ранние социалисты и коммунисты брались за перо или призывали к оружию. Но все же у этой системы имелись глубокие специфические черты, которые позволяли считать ее при жизни как имеющую тесное родство с коммунистической, а после ее кончины в 1921 году – называть таковой, хотя бы и в кавычках.

В своей программе большевики, как коммунистическая партия, исходили из одного безусловного базисного пункта, лаконично сформулированного основоположниками в «Манифесте коммунистической партии»:

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Теория марксизма акцентировала внимание на негативных свойствах общества, основанного на частной собственности и рыночных отношениях, проецировала его неизбежную гибель в результате развития внутренних противоречий. Коммунизм, возникший как теоретическое отрицание частной собственности и товарных отношений, связывал освобождение человечества от их разрушительных, негативных свойств с решительным уничтожением частной собственности.

Понимание Лениным этого отправного пункта марксистского коммунизма не вызывает сомнений. До революции он говорил:

«Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства... Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить» [1].

И гораздо позже, после революции и гражданской войны, уже во время новой экономической политики, он повторяет:

«Свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами» [2].

Но коль скоро сохраняется общественное разделение труда и частный характер процесса производства, то остается и необходимость обмена. А если предприятия и их объединения теряют статус частной собственности и разрушается рыночная система, то что должно прийти взамен? Третьего не дано – альтернативой свободному рыночному обмену может быть только централизованный обмен, централизованное распределение и регулирование. Все остальные варианты могут представлять собой лишь совмещение, комбинацию этих двух принципов в различных пропорциях. Вообще в «чистом» виде эти принципы, как и любые другие, существуют только в теории, любое общество многоукладно и разнообразно. Поэтому проблема конкретного знания заключается в изучении соотношения различных структур и выделении господствующего звена, доминирующей социально-экономической тенденции.

Задача последовательного воплощения централизованного обмена и распределения под силу только самому могущественному институту, созданному обществом, то есть – государству. Следовательно, проблема последовательного отрицания частной собственности логически перемещается в плоскость установления единой государственной собственности как необходимого условия для централизованного регулирования хозяйства и обмена продуктов производства. Отсюда вытекает огосударствление экономики, которое тянет за собой огосударствление и регламентацию всей общественной жизни в целом.

Мерой воплощения коммунизма в жизнь могут служить самые разнообразные понятия, впитанные коммунистическим идеалом, такие, как счастье, благополучие, равенство людей и прочее. В условиях чрезвычайной идеологической разногласности и путаницы случается, что в качестве основного критерия берется уровень материальной обеспеченности людей, и тогда с самым серьезным видом начинают доказывать, что в развитых странах Запада – Швейцарии, Скандинавии, США – уже давно процветает социализм и чуть ли не коммунизм. Последователи христианского учения за меру коммунизма, очевидно, приняли бы шкалу нравственных ценностей и со своей стороны были бы вынуждены признать, что сейчас до него далеко, как до звезды. Однако сторонники марксизма, каковыми являлись большевики, во главу угла обязаны были ставить характер материальных, прежде всего экономических, отношений и поэтому, опускаясь на землю, не могли избежать того вывода, что коммунизм, как система общественных отношений, как отрицание частной собственности, находит свое последовательное воплощение в централизации, во всеобъемлющей государственной собственности. Все остальные формы собственности, которые блуждают в сознании социальных преобразователей под названиями коллективной, кооперативной, муниципальной и прочая, располагаются на дороге от частной собственности к государственной или наоборот.

Любое общественное явление, не имеющее перед собой достаточных препятствий, имеет тенденцию доходить до абсурда, до преступления. Сталинская идея о том, что классовая борьба возрастает по мере продвижения общества к коммунизму, – не просто выдумка диктатора, призванная служить обоснованием массового террора. Она имеет под собой глубокие основания в системе общественных интересов. Сталин, как и Ленин, отождествлял движение к коммунизму с развитием государственной собственности и регулирования. Под его руководством государство наиболее далеко продвинулось в утверждении своей собственности и централизации экономики, тем самым затронув потайные основы, на которых покоится частная собственность и свободный обмен. Начиная с 1917 года государство последовательно уничтожило помещичью, капиталистическую и, после НЭповского перерыва, мелкую крестьянскую собственность, тем самым превратив граждан в однородную массу работников, занятых на государственном производстве. Уничтожив рынок вещей, оно уничтожило и рынок рабочей силы, теперь рабочая масса могла быть приведена в действие только через систему трудовой повинности и государственного принуждения. Для этого государство должно было вторгнуться в сферу прав отдельного человека на самого себя, на его способность к труду, его рабочие руки и его более или менее разумную голову.

Посягая на тело и мысль человека, государство очень скоро обнаружило вязкое сопротивление всей огромной трудящейся массы, от колхозников до интеллигенции. Сопротивление и апатию к труду пытались преодолеть не путем поиска компромисса между государственными интересами и интересом отдельного работника в свободном труде и материальной обеспеченности, а усилением принуждения и откровенным террором. Апофеозом и логическим завершением социально-экономической политики государственного абсолютизма явилось создание обширной системы ГУЛАГа, проще – системы рабского труда.

Мы снимаем кавычки со слов военный коммунизм, поскольку он был истинным коммунизмом большевиков. Другой вопрос то, что этот «призрак», возникший в испарениях европейских трущоб, крещенный Марксом и воплотившийся в материальную оболочку России в XX веке, не обнаружил своих пленительных черт, а, наоборот, продемонстрировал, насколько он непривлекателен и даже страшен в действительности.

На такой возвышенной ноте следовало бы, наверное, поставить точку лет пять-шесть назад, но эти пройденные годы действительно диктуют продолжение. Маятник исторического сознания общества достиг наивысшей точки отрицания революции, и законы тяготения влекут его обратно, к «почве». Переживаемые неурядицы заставляют вновь обращаться к отринутому было навсегда опыту большевизма и с вниманием относиться к проблеме закономерности и объективности революционной диктатуры.

Социальные революции – явления сложные и противоречивые, подвижник любого мировоззрения сможет отыскать там и кумиры для поклонения, и объекты для ненависти. В минувший период образованное общество сконцентрировалось на подсчете многочисленных жертв, сознательные граждане погрузились в морализаторство, немало любясь своим отражением в «слезинке ребенка». Вновь атрибутом большого интеллекта стали вопросы: «Что делать?», «Кто

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org виноват?» и еще: «Надо ли было браться за оружие?» Конечно, нужно быть уже совершенно бессердечным, чтобы отнять у нашей интеллигенции право на ее священную жвачку. Но и нужно понимать, что это не имеет никакого отношения к научному историческому знанию. Для науки единственную ценность представляет открытие и изучение тех объективных закономерностей, течение которых совершается помимо человеческой воли и при приближении к которым быстро обгорают крылышки у всякого идеального фантазирования и легковесного морализаторства. Для науки, как стремления к объективному знанию, единственно имеет значение вопрос: почему так, а не иначе?

Как верно заметил Маркс, судить о революционной эпохе по ее сознанию так же неверно, как и судить об отдельном человеке по тому, что он сам о себе думает. Сознательные цели, которые ставит перед собой революция, могут быть и, скорее всего, бывают мифическими, не отражающими ничего, кроме особенностей движущих сил данной революции. Употребив всю энергию в советский период на доказательство значения революции 1917 года как перехода человечества к высшей общественной формации, а в последние годы – на фантазирование и самобичевание, ныне мы ничего конкретного о реальных процессах сказать не можем, помимо того, что объективно революция явилась следствием и разрешением застарелых социально-экономических противоречий российского общества и обновлением его обветшавшей государственности во вполне привычном России катастрофическом стиле.

В обыденном представлении революция запечатлена чередой бедствий, хаосом власти, жертвами и лишениями для народа. Но в контексте эпохи революция – это проявление жизнеспособности нации, ее внутренней силы, а возникшая в ходе ее система военного коммунизма – демонстрация мобилизационной мощи национального государства. Не всем народам дано испытать революционный путь и проявить волю в преодолении застоя и разложения, пройти через лишения революционного периода к преобразованию жизни на новых началах. Что можно в историческом плане возразить против «сильного и бесстрашного процесса развития»? – по выражению Константина Леонтьева.

Революция, несмотря на свои огромные издержки, составила славу российской истории XX века и определила ход мировой. Нередко отрицание нашей революции жидется на противопоставлении ее некоему мировому «общечеловеческому» опыту цивилизованного развития. Это противопоставление ложно, все человечество коллективно шло к русской революции, и ее результаты, как в свое время революции французской, принадлежат всему человечеству и повлияли на цивилизацию теми или иными способами, продвинув ее далеко вперед по пути гармонизации общественных отношений. Не только потомки революционных поколений, но и все человечество обязано отдать должное российским первопроходцам. С ними было так, как в тех случаях, когда кто-то вначале с надрывом и нечеловеческими усилиями берет труднопреодолимый барьер, высоту, чтобы потом там свободно расхаживали все остальные.

Разумеется, речь идет не о пресловутом переходе от низшей формации к высшей, от капитализма к коммунизму. Глобальная гипотеза Маркса и его единомышленников о том, что общество без частной собственности, построенное на принципах централизованного управления и распределения, есть высшая форма по отношению к обществу рыночного типа, оказалась необоснованна. Особых преимуществ (как и недостатков) в централизованном обществе по сравнению с таковым, основанным на принципах свободного обмена, не обнаружилось. Обнаружилось лишь то, что общества с преобладающим началом того или иного, свободного обмена или централизованного распределения, сосуществуют параллельно, как в новейшее время, так и во время предыдущих исторических этапов.

Советский коммунизм и западный капитализм, по всей видимости, являлись двумя различными модификациями единой индустриальной стадии развития цивилизации. Одна выросла из вольностей западноевропейских цехов и укреплялась в условиях городских *communities*, другая – вызревала из крепостных мануфактур Петра. Обе, на протяжении XIX и XX веков, последовательно обнаружили вред и бесперспективность своих крайних форм.

Так называемый коммунизм естественно возник в России из ее традиционного государственного крепостничества, из казенной и частной промышленности, вскормленной на тяжелых государственных налогах на средние и беднейшие слои населения. Только такая страна, как Россия, имела на заре века необходимые исторические предпосылки и подготовленную почву для проведения широкомасштабного опыта по качественному усилению, сознательного,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org государственного начала в управлении обществом и глубокому проникновению в процессы социального развития. Никакая иная страна не могла бы предоставить в руки социальным революционерам и первопроходцам столь мощные рычаги власти над массами. Советский коммунизм – это колоссальное усилие человечества в последовательном освоении вершин управления обществом. В исторически конкретных формах этот прорыв осуществлялся с большим напряжением и нагрузкой на идеологические факторы. Именно идеологи присвоили государственному регулированию жесткие системные; формационные рамки коммунизма. Если бы марксизм не сумел превратить себя в идеологию миллионов, идеологию классовой борьбы и диктатуры пролетариата, то его формационная теория осталась бы в истории XIX века всего лишь как очередная, более или менее оригинальная научная система, каковых тогда, в ученой Германии возникало множество и которые вызвали интерес только у узкого круга образованной публики. Формационная теория общественного развития приобрела свое планетарное звучание и историческое значение, поскольку смогла трансформироваться в идеологию, мировоззрение активного действия миллионов. Об этом можно судить по тому, как на глазах угасла ее научная значимость после того, когда была разрушена и отброшена советская коммунистическая идеология, превратившаяся под занавес в окаменелое доктринерство.

Умирая, марксистская идеология сняла с методов государственного регулирования оковы фундаментализма и идеологической непримиримости. Государственное принуждение и регулирование уже не создает систем и не воздвигает формаций. Оно осталось везде, но без претензий на торжество разума и всеобщее счастье человечества. Оно стало тем, чем должно быть и чем в принципе всегда и было – эффективным инструментом управления и развития общества. С помощью коммунистов человечество испытало его в наиболее жестком режиме, проверило предел возможностей и уверенно использует его в решении проблем экономического развития и смягчения социальных противоречий. Как сказано в Писании: и познаешь ты истину и сделает истина тебя свободным. Коммунизм был познан обществом и перестал довлеть над ним в качестве некоего фетиша, стал доступным инструментом власти. Это только в начале пути познания прозелиты-коммунисты абсолютизировали методы «пролетарского» государства до значимости ключей к вечному блаженству человечества, а буржуазные противники энергично доказывали их противоестественность и негуманность. Достигнутые обществом возможности в манипулировании, произвольном сочетании свободного рынка и централизованного распределения стерли их антагонизм. Обретенная свобода размывала жесткие границы коммунизма и капитализма и вновь вернула их в лоно единой формации. Но такой степени свободы нужно было еще достичь, дойти до нее изо всех сил, и военный коммунизм в России явился на этом пути самым первым, самым рискованным и болезненным шагом.

Приступая к нашему исследованию политики и важнейших сторон социальной истории военного коммунизма, вспомним слова гениального сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина: «История не возвращается назад и не затем поднимает завесу прошлого, чтобы рекомендовать его идеалы будущим векам, но затем, чтобы засвидетельствовать, что идеалы эти окончательно исчерпали свое содержание и что вновь вызывать их к жизни нет никакой надобности».

Глава I. Военный коммунизм: идея или необходимость. Вехи историографии

Надо признать, что прикосновение к отечественной историографии военного коммунизма невольно заставляет бледнеть от «ужаса перед многокнижностью». В советские времена недостатка внимания со стороны историков, экономистов, идеологов и прочих представителей гуманитарных дисциплин к славному периоду 1917–1921 годов не было. В одном только библиографическом указателе «Народное хозяйство СССР в 1917–1920 гг.», изданном еще в 1967 году, отмечено немногим менее 10 тысяч книжных и журнальных единиц на русском языке. Чтобы получить приблизительное представление о всем количестве литературы, имеющей прямое или косвенное отношение к истории военного коммунизма, следует указанную цифру удвоить, а то и утроить, принципиальной разницы здесь не будет. Помочь выбраться из такого обвала печатной продукции может лишь только чрезвычайно избирательный подход в обозрении самых общих и важных тенденций формирования историографии военного коммунизма.

Заслуги советской историографии в изучении интересующего нас периода бесспорно велики, и в некоторых аспектах он описан сверх разумного детально. Тут мы имеем дело с феноменом Святого писания, когда в силу

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org принципа неисчерпаемости любого объекта познания каждое положение и слово становятся источником бесчисленных вариаций и толкований. Недостатки обнаруживаются в концептуальном осмыслении военного коммунизма, поскольку советская историография по внешним причинам не смела преодолеть барьер идеологических запретов и развивалась в строго очерченном русле официальной государственной идеологии. Только после кардинальных перемен к общественной жизни на рубеже 80–90-х годов появилась возможность продвинуть историографию на качественно иной уровень осмысления явления военного коммунизма и дополнить необходимыми элементами описательного характера и фактическими данными, например, относительно террора, социальной природы контрреволюции и большевистской диктатуры и т. п. Социальная сторона истории военного коммунизма в советской историографии оказалась наиболее ущербной, поскольку ее пытались возводить на ошибочной, с научной точки зрения, теории диктатуры пролетариата и именно здесь чрезвычайно строго карались малейшие отступления от официальной идеологии. Факты тщательно сортировались, отбирались и подгонялись под заданные выводы. Поэтому, несмотря на очевидную перегруженность каталожных ящиков библиотек по тематике первых лет Советской власти, в них еще осталось место для фундаментальных работ по социальной истории военного коммунизма.

Но прежде всего общественное историческое сознание в настоящее время испытывает потребность в постижении военного коммунизма в контексте всей нашей истории и вынесении каких-то принципиальных суждений. Основные точки зрения на происхождение и сущность военного коммунизма сложились уже в 20-х годах и в основе могут быть сведены к двум. Одна подчеркивает связь военного коммунизма с гражданской войной и его исключительную «вынужденность» в течение всего периода существования. Вторая, в принципе не отвергая первую, имеет, однако, ярко выраженное стремление видеть в политике военного коммунизма попытку т. н. непосредственного перехода к социализму или, точнее, к производству и распределению «по-коммунистически», как формулировал сам Ленин.

Несмотря на отсутствие кардинальной разницы, взгляды 20-х годов на военный коммунизм имеют несравненно более широкий диапазон, нежели аналогичная дискуссия, тянувшаяся с конца 50-х по начало 90-х годов. Для людей того времени этот период еще не совсем отошел в историю, он оставался частью их жизни и был наполнен собственными переживаниями и впечатлениями, что призывало к откровенности и «покаянию». Уже в мае 1921 года на X партийной конференции И. М. Варейкис в прениях по докладу В. П. Милютина заявил, что Милютин «оправдывает всю экономическую политику, которая все время летела в галоп, во всех областях, вплоть до национализации последнего кузнеца в деревне. Может, это оправдывается военным периодом? Военный период – это такой Макар, которого т. Ленин придумал, на которого вешают всех собак и на которого сыплются все шишки. Несомненно, ряд ошибок сделан в области экономической политики: очень поспешили, не оценили хода Октябрьской революции и общую международную ситуацию» [3].

В свою очередь сам Ленин осенью 1921 года с дистанции полугодичного опыта новой экономической политики начинает критически анализировать некоторые аспекты идеологии и практики военного коммунизма. «Мы, – говорил он, – зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно экономический союз рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы победить врага... но на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений» [4].

«Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране-жизнь показала нашу ошибку» [5].

Но параллельно с оценками, признающими, что политика военного коммунизма проводилась не только под давлением внешних обстоятельств, но и в соответствии с какими-то принципиальными идеями, возрождаются и усиливают свое звучание мотивы, знакомые уже по официальной пропаганде времен гражданской войны и пытающиеся сконцентрировать все внимание на внешних причинах мероприятий военного коммунизма, которые в 30-х годах утверждаются уже в качестве единственно правильной точки зрения.

Одним из первых представителей этого направления, ограничивавшего значение военного коммунизма до простой необходимости, был К. Б. Радек, который в декабре 1921 года в статье «Пути русской революции», открыто полемизируя с

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Лениным, писал о военном коммунизме лишь как о системе мероприятий, направленных к успешному завершению вооруженной борьбы[6]. Однако попервоначально соображения Радека, не имевшего непосредственного отношения ни к военной, ни к хозяйственной работе в период гражданской войны, не нашли широкого отклика в среде партийных и государственных деятелей, многие из которых на собственном опыте знали, как дорого обошлись в свое время иллюзии о возможности «велениями государства» перейти к коммунистическим отношениям. Большинство авторов на волне быстро распространившегося в период НЭПа равнодушного или даже презрительного отношения к «старой экономической политике»[7] предпочитали безжалостно указывать помимо прочих и на идеологические, и политические корни военно-коммунистической политики. В этом ряду можно назвать работы А. Айхенвальда, Д. Кузовкова, М. Покровского, Н. Попова, Л. Троцкого, И. Флеровского, Е. Ярославского и др. [8].

Более того, некоторые из руководящих деятелей в годы НЭПа не упускали возможности с торжеством подчеркнуть свой личный оппортунизм по отношению к экономической политике в период гражданской войны, благодаря чему появился хотя и небольшой и субъективный, но весьма ценный материал по истории идейной борьбы в руководстве партии и государства за переход к новой экономической политике. Например, Ю. Ларин (М. А. Лурье) на X партконференции и позднее в печати неоднократно вспоминал случай с резолюцией III съезда Совнархозов о переходе к налогу и товарообмену в отношениях с крестьянством, инициатором которой он был[9].

Л. Троцкий уже на X съезде РКП(б) в ходе дискуссии о профсоюзах пытался использовать факт своих предложений о переходе к налоговой системе еще в начале 1920 года и отвергнутых тогда большинством ЦК[10]. Вообще Троцкий придавал этому факту большое значение и впоследствии неоднократно выдвигал его как аргумент превосходства в полемике со своими политическими противниками, а также для собственного утешения, уже будучи в изгнании[11].

Троцкий справедливо полагал, что изменение продовольственной политики было бы своевременней не весной 1921 года под давлением порожденного ею кризиса, а годом ранее, и, как ни странно может показаться на первый взгляд, мнение Троцкого согласовывалось с точкой зрения Сталина, который в 1924 году на XII конференции партии также говорил:

«Разве мы не опоздали с отменой продразверстки? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов, для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно? Разве сам Ильич не признавал, что мы на этом фронте потерпели более серьезное поражение, чем любое поражение на фронтах Деникина и Колчака?»[12].

Впоследствии в «Кратком курсе истории ВКП(б)» Сталин счел нужным отказаться от такого взгляда, но в начале 20-х годов он не был случайным. Его позиция в борьбе идей вокруг экономической политики в период военного коммунизма требует изучения, которое вполне может преподнести некоторые сюрпризы.

Из ряда известных работ следует выделить книгу Л. Н. Крицмана «Героический период великой русской революции», вышедшую в 1925 году и долго сохранявшую актуальность в своих наблюдениях и выводах. Любопытно его определение военного коммунизма как первого грандиозного опыта «пролетарско-натурального» хозяйства, опыта первых шагов к социализму. Военный коммунизм, считал Крицман, «в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса; это – хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями – предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее»[13]. Как правило, это определение вызывало у советских историков протест, но опыт свидетельствует в пользу Крицмана относительно понимания военного коммунизма как прообраза грядущего, как предвестника становления всеобъемлющей системы государственного абсолютизма. Время только нам указывает внести небольшую поправку и избавиться от определения Крицмана от некоторого утопизма, заменив словосочетание «пролетарско-натуральное» на «государственно-натуральное», и тогда все становится на свои места.

К концу 20-х годов в литературе становится заметным приближение перемен. Э. И. Квиринг в своих «Очерках развития промышленности СССР», полемизируя с Крицманом, подчеркивал, что политика военного коммунизма была навязана пролетариату, вынуждена войной и разорением[14]. Заявление Квиринга привлекает внимание прежде всего потому, что не кто иной, как он сам в начале 1920 года стал возмутителем спокойствия на Украине, проведя на Екатеринославской городской партконференции постановление о легализации

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org свободной торговли хлебом, очевидно, не полагая в то время хлебную монополию столь вынужденной и необходимой[15].

Подобные метаморфозы заметны и на примере других авторов, в частности Е. Ярославского. В вышедшем под его редакцией в 1929 году IV томе «Истории ВКП(б)» резкой критике была подвергнута известная нам точка зрения Радека и утверждалось, что система военного коммунизма помимо прочего «была штурмом остатков капитализма, была попыткой непосредственного перехода к социализму»[16]. Тем не менее в своих последующих многочисленных трудах по истории партии Ярославский ничтоже сумняшеся переходит на позиции Радека.

В 30–40-е годы, в связи с происходившим тогда процессом абсолютизации государственной власти и насаждения в общественном сознании соответствующего абсолютизму историко-философского обоснования, объективное исследование проблем истории военного коммунизма оказалось вообще невозможным. В «опалу» угодили даже некоторые ленинские документы, и чрезмерная пытливость в изучении наследия вождя стала просто небезопасной.

Историография 50–60-х годов не внесла качественных перемен в понимании внутренних противоречий военного коммунизма, но, несмотря на сохранившийся консерватизм принципиальных установок, эти годы были отмечены появлением нескольких крупных работ советских историков[17] и возобновлением дискуссии о природе военного коммунизма на страницах исторических журналов, продолжавшейся и в 70-е и в 80-е годы. Только если в 50-х годах ее начало вызвал возрожденный ленинский тезис о том, что военный коммунизм был не просто суммой вынужденных войной мер, но и попыткой непосредственного перехода к коммунистическим отношениям, к социализму[18], то в начале 70-х атаку повели его противники, отрицавшие за политикой военного коммунизма что бы то ни было, кроме объективной необходимости[19]. В 70-е годы уже явно ощущался недостаток прилива свежих научных сил. Дискуссию продолжают в основном старые авторы, по большей части повторяя и дополняя свою аргументацию 60-х годов.

Но в 80-е годы на базе этой длительной дискуссии появились работы более глубоко и объективно, чем прежде, отражавшие военный коммунизм и вводившие в научный оборот много нового материала[20]. Военный коммунизм рассматривался в них уже не как система правительственных мероприятий, установок и иллюзий, но как всеобщее явление, как период, где правительственная политика составляет лишь элемент целого. Такой подход позволил отчасти стереть каинову печать «Краткого курса» с истории идейной борьбы в партии, которая перешла из области антиленинизма и провокаций политических изменников в сферу закономерного и органически вплеталась в общие противоречия периода. Содержательность работ 80-х годов существенно притупила остроту той неизбежной грани между всей предыдущей историографией и ее новой волной, которая стала захлестывать отечественную историческую науку после окончательного устранения регламентирующих рамок развитием горбачевской «гласности».

Однако растворение откровенного и грубого внешнего давления на историков оказалось для них не столь сладостным, как когда-то мечталось. Последнее пятилетие ясно продемонстрировало, в чем широкая общественность видит для себя пользу и назначение истории. Оказалось – прав Ленин, который в 1919 году на VIII съезде партии говорил, что в историю следует углубиться лишь настолько, насколько это необходимо для решения насущных проблем. На рубеже 80–90-х годов историки сыграли свою роль, способствуя разрушению авторитарной идеологии, и ныне забыты «до востребования». В условиях, когда общество выясняет свои приоритеты не с помощью аргументированной полемики, а методами грубой силы и безыскусного вранья, ученые оказались не у дел. Масс-медиа отработали ряд бесхитростных стереотипов для управления общественным сознанием: революция, большевизм, Ленин – плохо; предпринимательство, демократия, религия – хорошо. И сколько бы теперь историки ни взывали горе, это бесполезно до тех пор, пока власть вновь не станет настолько монолитной и авторитарной, что в ее трещины могло бы проникать только лезвие тонкой, научно аргументированной критики. А пока историк как тот мужик-крестьянин весной 1918 года – отсутствие попечительства власти и полная свобода творчества. Только коммунист тогда строил новые хоромы и богател на спекуляции продовольствием, а историк сейчас даже за самую виртуозную научную спекуляцию не «поднесут». Но в этом есть и нечто хорошее: появилась возможность, как во время Великого поста стряхнуть с себя наслоения, нагроможденные эпохой идеологических битв и притеснений.

В последние годы резко сократилось число работ по проблематике военного коммунизма, в том числе и потому, что отдельные толстые исторические журналы в видах увеличения подписчиков, под лозунгом, что ранее из истории была изъята личность, как диогены в поисках человека, устремились персонификацию исторического процесса, отодвинув на второй план принципиальные теоретические вопросы. Это уже что-то знакомое по летописцам: сбросили с раската двух граждан – Степку да Ивашку, потом шарахнулись к реке и утопили еще двух граждан – Порфишку да другого Ивашку.

А в историографии военного коммунизма продолжает доминировать количество спорных вопросов, начиная с, казалось бы, элементарных – определения его хронологических рамок. Советским историкам было проще, они хранили в себе директиву считать политику военного коммунизма вынужденной, начавшейся в 1918 году иностранной интервенцией и развязанной капиталом гражданской войны. Отсюда уже совершенно гладко, без насилия вытекало соответствующее толкование малопривлекательной продовольственной диктатуры, карточной системы, преследования торговли, милитаризации промышленного труда и прочее. Отказ от политики военного коммунизма увязывался единственно с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству. В этих дозволенных рамках и можно было маневрировать. От советской историографии мы унаследовали целую вереницу дат предположительного начала военного коммунизма в России, которые как походной колонной выступают с весны 1918 года: май 1918 года[21]; конец июня[22]; осень[23]; конец 1918 года[24]; январь 1919 года[25]; начало 1920 года[26]. Но с тех пор, когда естественным течением вещей было отменено значение октябрьских событий семнадцатого года как нового Пришествия, как главного рубежа в истории человечества на пути к обществу свободы и справедливости, когда это явление более отчетливо локализовалось во времени и пространстве и стал понятен его ограниченный характер, рассыпался и тот краеугольный камень, на котором стояла отечественная историография. Теперь она повисла, цепляясь за идеалы, навеянные сегодняшним днем, и, сознавая их нестабильность, лихорадочно ищет почву под ногами.

Померк ореол Октября как революционного перехода общества от низшей формации к высшей, как грани, безвозвратно отделившей политику и строй Советской республики от самодержавной России. В политике царизма и Временного правительства явственно проступили общие черты с военным коммунизмом большевиков: 1915 год – первые мероприятия по ограничению рынка сельхозпродуктов; 1916 год – объявление продразверстки; 1917-й – хлебная монополия, начало национализации промышленных предприятий и банков; 1918 год – введение продовольственной диктатуры, национализация крупной и средней промышленности, торговли; 1919-й – утверждение продразверстки, огосударствление кооперации; 1920-й – милитаризация промышленного труда, попытки государственного принуждения в сельхозпроизводстве, сужение сферы денежных расчетов. Разногласица среди исследователей по начальной дате военного коммунизма, усилилась и конца ей не видно.

В книге В. Мау «Реформы и догмы. 1914–1929» подробно освещены как практические мероприятия досоветского периода, так и сопутствовавшие им острые дискуссии по поводу планов всеобъемлющего государственного регулирования экономики. Материалы, использованные в исследовании, вынуждают автора, несмотря на его очевидное стремление завязать разговор о негативных последствиях внедрения госрегулирования, сделать вывод, что военный коммунизм был подготовлен всем предшествующим развитием российского хозяйства[27].

Известный исследователь периода В. П. Дмитренко предлагает считать началом военного коммунизма, «видимо, летние месяцы 1918 года», когда «разрозненные меры начинают „выстраиваться“ в ряд, соподчиняться, находя друг в друге и обоснование, и логическое развитие. Первый крупный раскол между силами революции, усугубленный интервенцией и выступлениями контрреволюции, определил этот исторический рубеж. Дальше процесс пошел лавинообразно, захватывая постепенно все отрасли хозяйства и регионы страны»[28]. У другого автора, И. Б. Берхина, все еще основательней и непонятней: «Исходя из времени законодательного утверждения и проведения ее основополагающих элементов, мы примерно можем датировать начальный рубеж этой политики концом 1918 – началом 1919 года, конечный – мартом 1921 года. Таким образом, к политике „военного коммунизма“ относится экономическая политика не всего периода гражданской войны», – заключает он[29]. Подобная трактовка оставляет за рамками политики военного коммунизма такие очевидные ее

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org мероприятия, как введение продовольственной диктатуры (13.5.1918), национализация индустриальной промышленности (28.6.1918), обобществление торговли (21.11.1918). Если это не военный коммунизм, то что же?

Единичность, изолированность подобных точек зрения избавляет от необходимости их детального разбора. По-прежнему наиболее популярным среди отечественных историков остается майско-июньский период 1918 года с его законодательством по продовольственной диктатуре, и на первый взгляд это кажется наиболее обоснованным. Но вопрос о начальной дате политики военного коммунизма в значительной степени носит теоретический характер, а если мы обращаемся к теории, то должны понимать вещи и явления в принципе, в самой основе, относя «лавинообразность» признаков уже на второй план. В этом случае плохо помогают видимые ориентиры национализации и проддиктатуры, которые стоят в ряду количественных показателей. Требуется качественный индикатор, который бы ясно указал грань между истинно вынужденными войной действиями царского и Временного правительств и собственно политикой военного коммунизма. Мероприятия по ограничению частной собственности и рынка приобрели статус военного коммунизма тогда, когда из политики, вынужденной внешними условиями, превратились в принцип общественного строительства. А это произошло автоматически сразу после захвата власти большевиками в 1917 году.

Главные факты, свидетельствующие о начале реализации большевистским руководством своих военно-коммунистических установок, общеизвестны: положение о рабочем контроле (14.11.1917), развязавшее стихийную национализацию промышленности; национализация банков (14.12.1917); первый опыт введения политики продовольственной диктатуры в феврале 1918 года. Все это типичные символы военного коммунизма. Другое дело, что в смольнинский период большевики еще не приобрели опыта и возможностей для воплощения своих замыслов в полной мере и каждый раз вынуждены были откатываться назад, как в случае с ленинским проектом огосударствления кооперации, стыдливо опубликованным за подписью Шлихтера 1 февраля 1918 года.

Главным и единственным аргументом, выдвигаемым против соображений об изначальном военно-коммунистическом направлении политики большевиков, остается ноумен «Очередных задач Советской власти», написанных Лениным в марте – апреле 1918 года. Помимо прочего, в глазах исследователей несколько страниц этой брошюры, установки которых ни минуты не проводились в жизнь, перевешивают все остальные обстоятельства. В памятные годы заката идеологии КПСС, когда происходил напряженный поиск заслуг Ленина перед эволюцией, наряду с культом НЭПа развилась нездоровая абсолютизация значения компромиссных аспектов «Очередных задач» весны восемнадцатого года. Так, Дмитренко предположил «величайшую заслугу Ленина» в том, что он уже на начальном этапе революции, весной 1918 года, осознал необходимость опоры на созданные капитализмом формы хозяйства, необходимость взять все ценное, что создало человечество [30]. Появление такого странного гибрида из ленинских прозрений первой советской весны и фразеологии 1920 года можно объяснить только тем, что выход статьи имел место в тот период, когда еще не закончилось всеобщее увлечение поисками и обретением «общечеловеческих» ценностей.

В. П. Булдаков и В. В. Кабанов тоже обнаружили, что весной 1918 года «определились черты политики, близкой к НЭповской» [31], правда без указания, в чем конкретно, кроме понятного расхода типографской краски. Более убедительно в их статье выглядит ссылка на ленинский проект программы партии, написанный в начале марта, и закономерный вопрос:

«Что же это, если не идеальный вариант „распределительного социализма“, который легко трансформировался в „военный коммунизм“... Налицо план тотальной регламентации всей общественной жизни» [32]. Вот именно. То же самое справедливо и в отношении всего весеннего периода 1918 года и не стоит утруждать себя отыскиванием конституционализма там, где, в сущности, существует лишь принцип свободного сечения, как писал Салтыков-Щедрин.

Недоразумения по поводу весенней политики большевистского руководства, связанные с ноуменальным существованием «Очередных задач Советской власти», способны к бесконечному воспроизведению в том случае, если их положения будут и впредь произвольно вырывать из контекста общего плана революционных преобразований, разработанных Лениным после переезда советского правительства в Москву. Пресловутая брошюра, помимо затверженных всеми

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org соображений о необходимости временного компромисса с буржуазией, содержала уничижительную характеристику преобладавшего в России мелкокрестьянского экономического уклада и нацеливала на его дискриминацию под лозунгом борьбы с мелкобуржуазной стихией.

«Очередные задачи» были опубликованы в центральных газетах 28 апреля, а на следующий день Ленин более развернуто изложил свои установки в программной речи на заседании ВЦИК, которая уже откровенно была обращена против крестьянства:

«Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они – враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу» [33].

Приостановка атак и на крупный капитал, попытки ослабления социальной напряженности в городе и организация вооруженного похода в деревню – это органически неразрывные части ленинского плана весны восемнадцатого года, и нет нужды далее детально объяснять, почему провалилось и то, и другое. Для чего в свое время советской историографии требовалось это культивирование «Очередных задач» в особую статью начального периода большевистской власти?

В том числе и для обоснования принципиального тезиса о том, что неприглядный военный коммунизм был вызван к жизни гражданской войной, а не наоборот, и в конечном счете переложить всю ответственность за войну на контрреволюцию. Между тем, как представляется, дело обстояло иначе. Вначале политика так называемой красной гвардейской атаки на капитал, развалившая городскую экономику и подорвавшая региональные связи, затем затея вооруженного похода в деревню создали массовую социальную и обширную территориальную базу для развития контрреволюции и спровоцировали, вывели вяло текущую гражданскую смуту на качественно новый виток широкомасштабной фронтовой войны.

Отзвуки советской концепции весьма сильны и в современной историографии. Ю. А. Поляков неодобрительно пишет, что в ряде статей, опубликованных в 1988–1989 годах, настойчиво проводится мысль о скоропалительной, преднамеренной ломке существовавших ранее отношений, о том, что сразу после Октября была осуществлена всеобъемлющая национализация экономики, введен военный коммунизм, власть государства распространена на все отрасли народного хозяйства, что привело к его разрушению.

«Иными словами, экономика России была принесена в жертву экспериментам... Эти утверждения тенденциозны и противоречат фактам» [34].

Нет, осмелимся утверждать мы, не противоречат. Истине противоречит лишь та терминология, которой изложена эта точка зрения. Речь должна идти конечно же не об «экспериментах», а о классовых и политических целях большевиков и методах их достижения. Н. Е. Дементьев, анализируя на конкретных фактах земельную и продовольственную политику Советской власти в 1917–1918 годах, приходит к выводу, что «продовольственная политика Советской власти и методы ее осуществления уже в первые месяцы после Октября 1917 г. имели самое непосредственное отношение к гражданской войне» [35]. Напротив, давно знакомым нежеланием признавать факты, противоречащие их концепции, продолжают выделяться сторонники большевистской традиции в историографии. В статье П. Шевоцукова «Гражданская война. Взгляд через десятилетия» утверждается, что «отнюдь не следование доктрине, а безжалостный прагматизм лежал в основе тогдашней политики большевиков». Хлеб можно было взять у кулаков и зажиточных крестьян, «причем только силой и опираясь на массовую поддержку крестьянской бедноты».

«Дело в том, – поясняет автор, – что деньги обесценивались, а товарных запасов не существовало» [36].

Как очевидно, взгляд с этой точки зрения и через десятилетия абсолютно не изменился по сравнению с официальной версией большевистской пропаганды, звучавшей с публичных трибун в 1918 году. Самому советскому правительству было прекрасно известно о наличии товарного фонда. Как явствует из обширной записки Наркомпрода в Совнарком в марте 1918 года, после развала армии освободились «огромные запасы всяких товаров, во многих случаях уже гниющих без всякой пользы, в таможах и портах накопилось много сельскохозяйственных орудий». По оценке продовольственников, даже части этих запасов было достаточно, чтобы до лета выкачать из деревни большую часть прошлогоднего урожая [37]. Тогда же по указке СНК была предпринята

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org попытка организации широкомасштабного товарообмена с деревней, которая благополучно провалилась, поскольку, как впоследствии признавал ее непосредственный руководитель М. И. Фрумкин:

«Вся постановка товарообмена исключала возможность проведения государством товарообменных операций» [38].
Большевики в первую очередь интересовало не развитие экономических отношений, а развитие социальной революции в деревне.

Заметным явлением в историографии на рубеже 80–90-х годов стал авторский дуэт Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, который энергично воздействовал на ход дискуссий по истории первых лет Советской власти, и если не увлекал за собой весь исторический цех, то уж точно, что втягивал его в дискуссионный и исследовательский водоворот. Живость языка, полемическая форма изложения, а также принадлежность к так называемому «альтернативному» направлению способствовали должному отражению в их работах динамичных общественных процессов периода военного коммунизма, метаморфоз большевистской политики и социальных колебаний эпохи революции и гражданской войны: попытки большевистского правительства отойти от тотального огосударствления хозяйственной жизни в конце 1918 – начале 1919 года; «новые возможности» в начале 1920 года и инерция бюрократической машины; заслуживает внимания нечастая в то время среди профессиональных историков трактовка бюрократии как особой социальной силы, препятствовавшей своевременному переходу общества к новой экономической политике [39].

Однако эти авторы творили в «социалистической клетке», несмотря на то, что ее стенки они постарались раздвинуть максимально широко. Сейчас уже утрачен смысл занимавших их поисков «деформаций» социализма или социалистических «альтернатив» реальному историческому опыту. Вопрос стоит ребром: насколько в настоящее время для науки пригодна старая формационная теория с ее понятиями социализма и капитализма и что должно прийти взамен? И хотя у всей мировой общественной науки пока нет сил, чтобы опрокинуть этот вопрос с ребра, ясно, что продолжать говорить о «деформациях» «военного коммунизма» [40] с точки зрения какой-то идеальной социалистической теории – бесцельно и искать альтернативу уже прошедшим событиям – бесполезно.

В непосредственной связи с альтернативистскими увлечениями авторов находится их толкование некоторых спорных вопросов истории военного коммунизма. Бордюгов и Козлов не миновали «ловушки» «Очередных задач» и даже категоричнее, чем все остальные, утверждали, что «весной 1918 г. (вплоть до начала чехословацкого мятежа и создания комбедов) большевики стояли накануне НЭПа, а вовсе не „военного коммунизма“» [41]. Якобы «мирная передышка весны 1918 г., заключение Брестского мира позволили сделать первый черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной действительности» [42].

На наш взгляд, авторы чересчур поспешно расправились с противоречащими этой точки зрения аргументами: «Тенденция распространения уравнилельных „военно-коммунистических“ мер из сферы потребления в сферу производства, по сути, блокируется установкой Ленина на восстановление сдельных форм оплаты труда». Идея поголовного объединения населения в потребительские коммуны «блокируется достигнутым весной 1918 года компромиссом с руководителями кооперации» [43]. Ленинский проект партийной программы, в котором предполагалось «тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни», перечеркивается вопросом:

«Надо ли преувеличивать значение такого рода программ?» [44].
Справедливо сказано, но тогда возникает другой вопрос: а надо ли преувеличивать значение программ другого рода? Линию, выработанную в отношении буржуазии, Ленин неразрывно сочетал с экстремизмом в отношении крестьянства, который железно «заблокировал» все компромиссные предположения. Товарообмен весны 1918 года Бордюгов и Козлов оценивают как «меру весьма далекую от будущей продовольственной разверстки» [45], но упомянутый Фрумкин сам квалифицировал свое детище «как попытку государства использовать снабжение товарами крестьянства в целом для усиления заготовок в принудительном порядке» [46]. То есть тем, чем в более рельефном варианте и характеризовалась подразверстка.

Бордюгов и Козлов слишком великодушно выдают индульгенцию Ленину:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org «Совсем не большевики виноваты в сохранении „военно-коммунистических“ тенденций в недрах советского общества весны 1918 г. В том была виновата война и надвигавшийся на страну голод» [47]. «Ведь еще 29 апреля 1918 г., – пишут они, – когда Ленин выступал во ВЦИК с докладом об очередных задачах Советской власти, ни о какой продовольственной диктатуре речи не было» [48]. По версии авторов, она срочно стала в повестку дня после взятия немцами и гайдамаками Ростова и перекрытия каналов продовольствия с Северного Кавказа.

Это не так. Речь была, и держал ее главный разработчик продовольственных декретов, неперемный участник заседания Совнаркома, А. И. Свидерский. Уже 27 апреля в выступлении на сессии московских продовольственников он сообщил о серии готовящихся проектов по организации крестьянской бедноты и продовольственных отрядов [49].

В чем безусловно правы Бордюгов и Козлов, так это в том, что остановить гражданскую войну было нельзя [50]. Порожденная социальными противоречиями царизма и войной разруха рано или поздно толкнула бы город на деревню. Объективно революция была призвана вывести страну из кризисного тупика, но история совершает свои необходимые движения, усеивая путь миллионами человеческих жертв. Человеку, будь он даже историк, трудно это принять, это вызывает протест и желание поспорить с историей, найти альтернативу. Мы солидарны с авторами в том, что как бы ни было трудно, но историку следует отмежевываться от политика, идеолога, моралиста. Необходимо уходить от позиций, которые благодетельны, но бесперспективны с научной точки зрения. Вместе с тем долгом исторической науки была и остается объективная оценка роли личности в истории, особенно тех, кто, как первые христианские пастыри, призывали людей идти на смерть с улыбкой на лице, обещая вечное блаженство в будущей жизни.

В качестве характерной черты новейшей историографии военного коммунизма должно отметить, что 99.9 %, исследователей периода соглашаются, что в основе большевистской политики имела не только вынужденная разрухой и войной необходимость, но присутствовали и доктринальные корни [51]. «Ригоризм организаторов советской продовольственной политики (они не останавливались и перед угрозой перенесения гражданской войны в деревню), думается, объяснялся их идеологической ориентацией», – пишет Ю. А. Давыдов [52].

«Не отрицая отчасти вынужденного характера „военного коммунизма“, – полагает С. В. Леонов, – следует признать, что во многом эта политика была обусловлена приобретенной большевиками верой в могущество государственного принуждения, в то, что именно велениями пролетарского государства можно непосредственно перейти к социализму и коммунистическому распределению» [53].

Особенно обращают на себя внимание современные высказывания такого автора, как Е. Г. Гимпельсон. В одной из статей 1986 года он строго спрашивал: где, в каких документах партии, выступлениях Ленина периода гражданской войны говорится о планах ускоренного перехода к коммунистическому производству и распределению? [54]. Тогда многие простодушно стали искать и указывать страницы в синих и красных книжках, но теперь оказалось, что то была шутка. Вопрос носил риторический характер, и ответ на него дал сам автор (почти десять лет спустя). В недавно вышедшей книге «Формирование советской политической системы», которая представляет собой свод работ по проблеме, опубликованных им за последние годы, Гимпельсон заявляет, что лидеры большевизма, «оказавшись во главе государства... возомнили, что в состоянии „ускорить постепенность“ и путем скачка „спрямить“ путь в будущее, сразу вводя элементы „антибуржуазного“ характера». Это нашло отражение в написанном Лениным в декабре 1917 года проекте декрета о потребительских коммунах и практически претворялось в так называемой красногвардейской атаке на капитал [55].

Однако незачем останавливаться на достигнутом. Кому, как не историкам, известно, что застой губителен. К примеру, в уже упоминавшейся работе Булдакова и Кабанова можно прочесть:

«Несомненно, что „военный коммунизм“ вознесся на волне утопий, этих неперемных спутников революционных потрясений» [56]. Конечно, отрадно видеть, что существуют еще идеалисты, во всяком случае, люди способные полагать идеи самостоятельным основанием для общественного движения. Между тем признания идей и разоблачения утопий на сей день

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org недостаточно. Уже несколько лет назад, еще перестроечная публика требовала теплой, живой крови вместо борьбы с призраками. А историки все продолжают носить на выставку веру, утопию, фантазию, идею и т. п. Давно пора под большевистское и вообще бюрократическое «экспериментаторство» и утопии подвести прочное материальное основание.

В основании политики военного коммунизма одной из причин ее бурного развития были еще не осознанные до конца, но вполне материальные интересы нового государственного аппарата, новой касты государственных управленцев [57]. Ленин когда-то сказал по адресу царизма, что каким бы прогнившим ни был режим, каким бы шатким он ни казался со всех сторон, все равно он держится на чьем-то классовом интересе. Смотри, кому это выгодно, учил Ленин. Кажется, нет ничего сложного в мысли, что советский строй являлся системой, скрепленной прежде всего классовым интересом стратифицированного слоя государственного чиновничества и развившейся в режим государственного абсолютизма. Этого никто не отрицает в отношении застойных времен, но, вероятно, революционный кумач имеет свойство закрывать глаза и уши исследователям на очевидные вещи.

Новый класс создавал свое абсолютное господство в обществе через установление всеобъемлющей централизованной системы, и на определенном этапе этот процесс сопрягался с объективной потребностью страны в ликвидации революционной анархии и восстановлении государственности. Вопросам становления системы государственного абсолютизма посвящена работа С. В. Леонова, в которой автор делает вывод:

«Октябрьская революция, представлявшаяся большевикам как путь к подлинной демократии, как антибюрократический переворот, оказалась на деле дорогой к диктатуре, к установлению бюрократической системы еще более мощной, чем в царской России» [58].

Вывод, конечно, не нов, но на общем фоне разливавшегося в недавние времена осуждения тоталитарной системы статья Леонова выгодно отличается тем, что детально показывает эволюцию Ленина и большевиков во взглядах на государство и формы его устройства после социальной революции в связи с условиями и реальной практикой государственного строительства – от иллюзий в отношении фабзавкомов и самоуправления к воплощению установки на передачу функции власти партийному аппарату.

Но погружение в объективные условия возымело и обратный эффект. Причины установления бюрократической системы автор усматривает во внешних условиях: хозяйственном кризисе, обострении социальных противоречий, низком культурном уровне масс и т. п. Под подобным выводом с радостью подписался бы любой прошлый и ныне здравствующий бюрократ. Применительно к истории революции было бы существенней проанализировать то, как характер и идеология ленинской партии органически наложились на историческую специфику российского общества, издавна культивировавшего авторитарные формы правления. В иных случаях автор не рискует быть в определениях смелее своих персонажей и утверждает, что к 1919 году в стране сложилась платформа политического устройства, которая получила название «диктатура партии». Да с этим бы поспорил не только какой-нибудь «децист», сам Ленин характеризовал сложившуюся форму власти как «олигархию». О том, что партия как таковая не имела отношения к власти, говорит хотя бы пресловутый вопрос о «верхах и низах» в партии на упоминаемой в статье IX конференции РКП (б).

Формирование советской политической системы оставалось главным предметом исследования Е. Г. Гимпельсона. И это понятно, ведь ранее, поясняет он, «в исторических работах господствовала тенденция изображать реальные процессы таким образом, будто бы они полностью были тождественны принятому закону» [59]. А ныне времена другие, сейчас можно сказать, что «идея „диктатуры пролетариата“ предполагала, что субъектом власти является рабочий класс. На деле таковым он не являлся. Он даже не влиял на избрание партийных органов, особенно центральных, и не мог контролировать их деятельность» [60].

Насколько быстро времена меняются, можно убедиться по тому, что автор на сей день уже успел пересмотреть свои самые недавние утверждения. Так, в статье Гимпельсона за 1989 год еще читаем, что советское государство создавалось на основе фундаментальных ленинских принципов: полновластие Советов, всемерное участие трудящихся в управлении, союз рабочего класса и крестьянства; конституция 1918 года зафиксировала политическое равноправие граждан и т. п. [61], Однако в его недавно вышедшей книге от указанной

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
гармонии не осталось и следа.

Далее, в статье 1989 года говорится, что процесс становления однопартийной системы развивался естественным путем. Партия большевиков с самого начала предлагала мелкобуржуазным партиям сотрудничество на советской платформе, однако те предпочли вместе с открытой контрреволюцией вести войну против Советской власти. Факты говорят о том, поясняет Гимпельсон, что не любые формы выступления «антисоциалистической оппозиции», а вооруженные – определили ее судьбу, да к тому же в момент исключения правых эсеров и меньшевиков из Советов в июне 1918 года их там и оставалось-то немного.

«Разуверившись в этих партиях, трудящиеся редко отдавали им предпочтение» [62].

В книге же факты у Гимпельсона начинают говорить по-другому: в крупных городах, промышленных центрах эти партии продолжали иметь значительное количество голосов в Советах (следуют цифры), но, «опираясь на государственный аппарат, большевики систематически подавляли своих социалистических оппонентов» [63]. Кроме этого, своей книгой автор совершенно запутывает читателя относительно характера меньшевиков и эсеров – кто они, эти хамелеоны: «антисоциалистическая оппозиция» или «социалистические оппоненты»? Но оставим досадные неловкости, в конце концов все подлежит развитию, в том числе и научные взгляды.

Обращаясь к экономическим проблемам по истории военного коммунизма, приходится признать, что здесь самая примечательная работа за последнее время принадлежит американскому исследователю Л. Ли – «Хлеб и власть в России, 1914–1921» [64]. Избранная точка зрения позволяет автору проникнуть в суть социально-экономических противоречий периода. Анализируется двойственный характер продовольственной политики большевиков, выделяются формы продовольственной диктатуры. Используемое в книге понятие «retreat to farmerstka» (отступление к разверстке) свидетельствует о том, что для западных исследователей разверстка вышла из образа некоего ужасного коммунистического жупела и они начинают тонко понимать нюансы продовольственной политики военного коммунизма.

Отечественных же исследователей наша либерально-революционная современность будоражила заявками по части изучения состояния рынка в условиях жесткого государственного регулирования экономики при военном коммунизме. Вопросы кооперации, кооперативного рынка затрагиваются в упомянутой монографии Гимпельсона и статье С. В. Веселова, в которых прорисовывается картина поэтапного огосударствления кооперации и превращения ее в механизм государственной распределительной системы. Эпизоды кооперативной политики большевиков, нашедшие отражение в статье Веселова, лишние раз подчеркивают правильность той точки зрения, что военно-коммунистические мероприятия, не всегда успешные, соввласть стала предпринимать в первые же недели своего существования [65].

В статье Л. И. Суворовой о рыночной экономике в период военного коммунизма [66] сделана попытка разграничить сферы частного (легального) и черного (нелегального) рынков. Однако, эта попытка ровным счетом ни к чему не привела. Кстати, такой же бесплодной она была и для своего времени, поскольку, как признает и сам автор, частный рынок фактически трансформировался в черный и «разграничить сферы деятельности частного и „черного“ рынков достаточно сложно» [67]. Да, прибавим, и не нужно, как не нужно это было советским чиновникам в ту пору. В их терминологии отсутствовало подобное тонкое разделение легального и нелегального рынков, он попросту носил название «вольного рынка». Публикация Суворовой пестрит пробелами в фактической информации. К примеру, утверждается, что декретивное ограничение государственной сферы рынка привело к тому, что исчезли рынок капитала, рынок средств производства и т. п. «Товарный рынок приобрел чисто потребительский характер», то есть охватывал только продовольствие и ширпотреб [68].

По этому поводу невозможно использовать все многочисленные аргументы в доказательство того, насколько глубоко заблуждается автор статьи. Приведем лишь слова наркома юстиции Крыленко, возглавлявшего в 1920 году специальную комиссию ВЦИК по борьбе со спекуляцией. Выступая на одном из пленумов ВЦИК, он говорил, что Сухаревка – это не примитивная форма торговли, как считают некоторые товарищи. «Это есть не что иное, как возродившаяся вновь частно-капиталистическая торговля со всеми ее основными признаками, т. е. с крупным массовым предложением, с крупным оптовым спросом и с большой,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org великолепно развитой агентурой, как по сбыту, так и по заготовке... Товары, предлагаемые на Сухаревке, – мануфактура, машины, станки, электрические принадлежности, бумага, ткань... Если мы посмотрим, что нелегальная агентура или легальная агентура существует в бесконечном количестве кооперативных организаций и упродкомов, то мы поймем, что здесь все формы, на которых раньше существовал капиталистический товарооборот» [69]. Чекистские источники могли бы предоставить богатую информацию относительно того, что во время гражданской войны на советской территории жил полнокровной жизнью рынок земельных угодий, строений, предприятий, ценных бумаг и прочего. К примеру, в июне 1919 года, в период военных успехов контрреволюции, ВЧК отмечала, что уже около месяца в Москве и Петрограде идет усиленная покупка всего национализированного. Владельцы национализированных домов продают их под расписку и получают за это наличными крупные суммы.

«То же самое наблюдается со всеми имениями, фабриками и т. п.» [70]. Неточны сведения Суворовой относительно того, что Ленин считал эмиссию мерой вынужденной и временной, что «правительство пыталось остановить инфляцию путем прекращения денежной эмиссии» [71]. Пытаться – то оно пыталось, но конечная цель финансовой политики Совнаркому представлялась иной, нежели укрепление денежной системы. «Наша цель как-нибудь удержать нашу денежную систему от абсолютного обесценивания не только в центре, но и на окраинах, пока не наступит момент, когда можно будет без них (денег) обойтись», – говорил наркомфин Крестинский в июне 1920 года.

«После ряда разговоров с Владимиром Ильичем я пришел к убеждению, что не нужно делать экспериментов, а есть выход один: в аннулировании денежной системы вообще» [72].

В более узком, специфическом плане проблемы рынка в период военного коммунизма рассматривает А. Ю. Давыдов [73]. В его статье традиционно подчеркивается огромная роль мешочничества в снабжении продовольствием населения городов и потребляющих регионов Советской России. В отношении самой военно-коммунистической политики автор категоричен. Он считает, что попытки замены торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов вели к тому, что с мешочничеством сражались с ожесточением и упорством «даже тогда, когда бессмысленность этой борьбы становилась очевидной» [74].

В череде публикаций по тематике военного коммунизма особняком стоит объемистая монография ростовского историка Н. С. Присяжного «Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.)». По представлению самого автора: «В основу исследования положен историко-экономический анализ военного коммунизма на примере деятельности системы ЧУСО» (Чрезвычайного уполномоченного СТО по снабжению Красной армии и флота – Чусоснабарм) [75]. Впечатляет значительный объем впервые возделанного архивного материала, положенного в основу книги, где, по существу, фундаментально разработана оригинальная тема – история становления и функционирования органов чрезвычайного снабжения, которая до сего времени попадала в поле зрения историков периода лишь эпизодически и незначительно. Работы, подобные книге Присяжного, способны надолго сохранять свое научное значение, хотя бы в силу редкого по объему использованного фактического материала.

Однако трудно согласиться с сознательным отказом автора от поиска принципиальных обобщений по вопросам истории военного коммунизма [76]. Это ослабляет его позиции. Он, конечно, увлечен новым материалом, открывшимся в процессе исследования, но нельзя сводить всю проблематику военного коммунизма и его экономики только к чрезвычайным органам снабжения, которые являлись лишь частью системы. Военный коммунизм был «военным» не потому, что осуществлялся в армии и смежных структурах, а потому, что возник и прогрессировал в условиях войны по всему спектру социально-экономических отношений в обществе.

Социальные аспекты истории российского военного коммунизма, к сожалению, продолжают пока почти целиком находиться в компетенции зарубежных исследователей. Заметно, что они перемещаются из узкой сферы высокой государственной политики и становятся «ближе к человеку». Запад, как всегда, практически выполняет выпестованные у нас человеколюбивые лозунги, в то время как Россия неизменно берется за реализацию инородного экстремизма. В последнее время за рубежом появились интересные работы, посвященные как комплексному изучению социальной динамики революционного периода, так и конкретным общественным слоям и группам [77]. Особое,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org конечно, внимание западных исследователей привлекает русское крестьянство в связи с его самобытностью, численностью и сыгранной им ролью в революции. О. Файджес в книге «Крестьянская Россия, гражданская война: Поволжье в революции, 1917–1921» анализирует развитие ситуации в поволжской деревне, которая, как известно, в течение войны послужила базой для противоборствующих сил и режимов, а все в итоге завершилось для нее беспрецедентным по масштабам голодом[78]. Оригинальным представляется подход Б. Патенауда, который продолжает тему идеальных корней специфики российской истории в статье, название которой можно вольно перевести как

«Крестьянин в русской душе: утопическая сущность военного коммунизма»[79]. Но, как видно, самих русских загадки собственной души пока занимают гораздо меньше по сравнению с более осязаемыми основаниями отечественной истории. В понимании сути политики и системы военного коммунизма не меньшее значение, чем вопросы, касающиеся ее происхождения, имеет проблема отказа от политики военного коммунизма и переход к НЭПу. Вокруг нее в свое время кипели нешуточные страсти, ломались копья и рубились головы осмеливавшимся увязывать переход к новой экономической политике с чем-либо иным, кроме дальновидного решения Ленина и партии, принятого непосредственно после окончания гражданской войны с буржуазно-помещичьей контрреволюцией. В 1989 году В. З. Дробижев осторожно обращал внимание на то, что «подавляющее большинство исследователей не дают ответа на вопрос о природе и особенностях „механизма“ перехода от политики „военного коммунизма“ к НЭПу. Как правило, источник перестройки экономической политики историки находят в факторах внешнего по отношению к самой экономической политике порядка, а не в уровне соответствия или несоответствия механизма хозяйствования задачам и условиям экономического строительства»[80].

Историки и не давали ответа, поскольку в тогдашнем руководстве КПСС одним из наиболее расхожих аргументов в идеологическом обосновании перестройки фигурировал тезис о добровольной и предусмотрительной инициативе ленинского ЦК по введению в стране НЭПа. В конце 80-х годов многим историкам была памятна статья Е. Бугаева «Странная позиция», опубликованная в 1984 году в «Коммунисте» по поводу публикации Е. А. Амбарцумова «Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 года и путей выхода из него» в журнале «Вопросы истории»[81]. Амбарцумов предпринял попытку указать источник кризиса в политике большевистского руководства – «в непригодности старых методов, прежней концепции развития, в неумении быстро перестроиться применительно к новой обстановке»[82]. «Коммунист» выразил негодование: главное в кризисе 1921 года – заговор контрреволюции, «при чем здесь политические кризисы при социализме»![83]

Надо ли говорить, какое значение в то время имела критика в главном, теоретическом издании ЦК КПСС, когда было твердо указано, что вопрос о причинах и обстоятельствах перехода к НЭПу «давно и всесторонне рассмотрен и решен теорией и общественной практикой»[84]. Однако, как сейчас видно, насчет и теории, и особенно общественной практики сказано было явно преждевременно. После некоторого застоя в разработке темы стали опять пробиваться новые тенденции. Вопросам предпосылок и условий перехода к НЭПу с точки зрения борьбы партийных «низов» против аппаратно-бюрократической прослойки в РКП(б), окостеневшей во время военного коммунизма, была посвящена коллективная статья Г. А. Бордюгова, Е. А. Котеленец, А. М. Подщеколдина и Н. С. Симонова

«От какого „единства“ мы отказываемся?»[85].

В числе прочих появилась и наша статья «С чего начинался НЭП», которая преследовала цель подчеркнуть, что переход к новой экономической политике стал возможен только в результате широкого общественно-политического давления на большевистское руководство, причем со стороны не только крестьянства и рабочих, но и определенной части партии и госаппарата. Были затронуты проходившие в течение 1920 года в партийно-государственной среде дискуссии о необходимости изменения крестьянской политики партии и выделена позиция Ленина, которая свидетельствовала о том, что именно он на протяжении долгого времени являлся главным противником НЭПа и только в начале 1921 года резко изменил свою позицию. Эта точка зрения получила развитие в других публикациях автора[86].

В начале 90-х годов, в связи с переломом в общественно-политической жизни страны, ученые приобрели возможность без оговорок и реверансов писать о том, что весной 1921 года потребовался глубокий социально-политический и экономический кризис, угроза потери власти, чтобы большевистское

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org руководство осознало неизбежность поворота в политике[87]. С другой стороны, печально, что этот далеко не оригинальный вывод остается как бы в ряду последних достижений отечественной исторической мысли по периоду военного коммунизма в России. Для западных исследователей это давно пройденный этап, и внимание к нему в настоящее время пробуждается лишь в связи с потребностью детализации некоторых аспектов перехода к НЭПу.

В частности, Р. Гиммер задался целью уточнить взгляды Сталина на переход от военного коммунизма к новой экономической политике[88], но избрал чересчур прямолинейный подход к его личности – ему кажутся недобросовестными публичные заявления Сталина, содержащие безусловное одобрение перемен в политике партии в начале 1921 года. Автор слишком упрощенно приближает сталинскую революцию сверху 30-х годов к его позиции в период военного коммунизма и полагает, что в годы войны Сталин являлся ревностным проводником принципов военного коммунизма, а НЭП всегда был ему не по душе.

На самом же деле в течение всей гражданской войны Сталин находился в лагере непримиримых противников продовольственной диктатуры. Он отнюдь не был дилетантом в области отношений с крестьянством после партийных поручений по хлебозаготовкам в Поволжье в 1918 году и на Украине в 1919 году, но, как обычно, оставался немногословен и лишь иногда раздражался настоящей грубой бранью в адрес наркома Цюрупы, его аппарата и всей продовольственной диктатуры Наркомпрода в целом. Это в свое время отчетливо зафиксировалось – начиная с детского восприятия Сталина сыном Цюрупы[89] и заканчивая протоколом пленума ЦК в апреле 1919 года[90].

Случай со Сталиным касается не только его одного. Любопытно, как, например, тот же Бухарин из знаменосца военного коммунизма через несколько лет вплотился в свое знаменитое «Обогащайтесь!», а Сталин, напротив, из НЭПовца времен гражданской войны – во вдохновителя «революции сверху». Таких ярких примеров мы могли бы нацелить предостаточно, чтобы иметь право поставить вопрос о существовании закона некоей парадоксальной трансформации идей и личностей в эпоху революции.

Отечественным историкам в свою очередь свойствен своеобразный «синдром», который получил отчетливое выражение в книге Присяжного. Он заключается в принципиальном нежелании прикасаться к вопросам теории. Наблюдается откровенный или бессознательный уход историков от общетеоретических и идеологических вопросов, что объясняется понятным нежеланием вставать под хоругви или косвенно играть на руку современным политическим течениям. Происходит переключение внимания в сторону углубления и детализации известных аспектов истории периода, расширение их фактологической базы, и это своеобразное «схимничество» приносит плоды. Например, появились интересные публикации по знаменательным событиям заключительного этапа военного коммунизма и кризиса начала 1921 года – так называемой антоновщине и Кронштадтскому мятежу. Публикации вовлекают в научный оборот архивный материал, который либо существенно подкрепляет сделанные раньше выводы и предположения, либо открывает неизвестные грани истории этих явлений.

Выделилась группа исследователей, активно разрабатывающих вообще «тамбовскую» тематику (С. А. Есиков, В. В. Канищев, Л. Г. Протасов). В ее распоряжении – богатые местные архивы. На их основе изданы работы, существенно расширяющие новый взгляд на историю антоновского восстания, а также развивающие тему в плане изучения последствий и отзвуков антоновщины в период НЭПа[91]. Весьма интересна публикация, посвященная организации и деятельности Союза трудового крестьянства в Тамбовской губернии в 1920–1921 годах, которая впервые предметно исследовала его происхождение и роль. Исследования тамбовских и московских историков фундаментально закреплены в сборнике документов

«Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.»[92]. Заметной работой в этом ряду стала серия документов, опубликованная в журнале «Вопросы истории» под заголовком «Кронштадтская трагедия 1921 года»[93]. Она включает в себя материалы из президентского архива и архива госбезопасности, которые раскрывают затухающие ранее детали подготовки к штурму крепости, настроения в штурмовавших частях Красной армии, а также репрессий в отношении побежденных мятежников.

Обособленно от господствующего направления в исследованиях Кронштадтского мятежа стоит любопытная публикация Ю. А. Щетинова «За кулисами Кронштадтского восстания 1921 г.»[94], в центре внимания которой – порядком

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org забытая тема о роли антибольшевистских политических сил в подготовке и развитии мятежа. Приводя эмигрантские источники, автор доказывает, что еще рано «списывать» эту роль в архив лишь как пропагандистское оружие коммунистического режима. Высказывается также предположение о том, что версия о поголовном участии в восстании населения острова – это дело чекистских рук, которым было необходимо обосновать проводимые репрессии и устранить их свидетелей[95].

Статья Щетинова – больше, чем статья о мятеже, здесь чувствуется знамение какого-то нового этапа в историографии, наступающего «на пятки» уходящему этапу «белых пятен», «разоблачительства» и исторических альтернатив. Автор указывает на слабость мятежников, на противоречия в их среде и наперекор всем любителям фантазировать о том, что бы было если бы мятежники победили, доказывает, что они не имели будущего и их поражение закономерно.

Описав за последние годы какой-то романтически-легкомысленный круг, исследователи вновь возвращаются к постижению закономерностей общественного развития. В целом же следует признать, что либеральные потрясения последних лет оказались не столь страшны для историографии, сложившейся в советское время. Думается, что коммунизм «военный» получит свое окончательное толкование в зависимости от того, какую нишу в истории, истории России в частности, займет коммунизм «как таковой», который еще не сказал своего последнего слова. Историческая мысль замерла в ожидании, ожидании как новых фундаментальных открытий в обществоведении, так и нового этапа в самом общественном развитии.

Глава II. Метаморфозы большевистской политики

Все на свете можно сделать лучше или хуже...

Сальвадор Дали

Военный социализм и военный коммунизм

Как подчеркивалось, по проблемам военного коммунизма в России среди исследователей издавна существует множество разногласий, выразившихся в самых противоречивых оценках на страницах политических изданий и исторической литературы. Это было и остается связанным прежде всего с особой принципиальностью вопросов данного периода, из толкования которых неизбежно вытекает и интерпретация советской истории России в целом. Во главе всего комплекса проблем стоит дилемма: что первичнее? Или военный коммунизм явился неизбежным следствием развязанной гражданской войны, или же, напротив, гражданская война оказалась результатом первых шагов политики военного коммунизма? От выбора точки зрения зависит очень многое, в том числе и определение хронологических рамок периода военного коммунизма. Если благодаря знаменательному X съезду РКП (б), состоявшемуся в марте 1921 года, дискуссий по финальному рубежу эпохи военного коммунизма почти не наблюдается, то по начальной вехе периода существует большое разнообразие мнений. Идеологически это обусловлено тем, как исследователь склонен решать поставленный выше вопрос о причинно-следственной связи, и далее от того, какой признак политики и системы военного коммунизма ставится во главу угла, берется за основу хронологии.

По понятным причинам представители советской историографии изначально стремились выписать военному коммунизму более позднее свидетельство о рождении. Некоторые вели отсчет с начала 1920 года, т. е. с появления планов хозяйственного строительства на основе принуждения и милитаризации труда. Другие склонны напрямую связывать хронологию военного коммунизма с введением в январе 1919 года знаменитой продовольственной разверстки. Третьи указывают на 28 июня 1918 года – момент принятия декрета Совнаркома о национализации крупной промышленности. Постепенно наиболее популярной у советских историков датой утвердился май 1918 года, время провозглашения политики продовольственной диктатуры. Есть и иные точки зрения, менее известные.

Однако все это многообразие взглядов послушно укладывается в общую схему военного коммунизма как следствия начавшейся интервенции и гражданской войны. Сторонники противоположной позиции решительно перешагивают за рубеж 1918 года и непосредственно связывают начало политики военного коммунизма с приходом партии большевиков к власти. Несмотря на принципиальные различия, спор этот можно считать в значительной степени принадлежащим прошлому. Обе точки зрения, по сути, произошли из одного корня – из признания Октябрьской революции и Советской власти качественно новым явлением в истории России, в

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org истории всего человечества. Различие лишь в постановке плюса или минуса к этому общему мнению. Сторонники Октября считали его началом новой эры в развитии человечества, переходом из «царства необходимости в царство свободы». Противники – нарушением всех естественных норм общежития, началом образования тоталитарной системы, построенной на репрессиях, физическом и духовном терроре.

Уходящие в прошлое политические и идеологические страсти уступают место более взвешенному взгляду на события в России в начале XX века. С увеличивающейся исторической дистанции революционные события принимают более «скромный», более частный характер, как события, которые находятся в русле российской исторической традиции и очередной раз подчеркивают присущую ей импульсивность, катастрофичность развития. В основе своей режим государственного абсолютизма советского типа мало чем отличается от режима абсолютной монархии в России, описанной, скажем, французским аристократом де Кюстином в XIX веке. Время само уже воздвигло памятник над общей могилой «белых» и «красных», позволив исторической науке в значительной степени освободиться от политических пристрастий, господствовавших в российском обществе в начале XX столетия. Как сейчас, на исходе XX века, понятно – советский период нашей истории – это не «коммунистический эксперимент», здесь в наиболее обнаженной форме предстала авторитарная традиция русского общества. Об эксперименте можно говорить лишь в том смысле, что влиятельные общественные силы (бюрократия) попытались, вместо кратковременной эксплуатации системы государственного абсолютизма с целью укрепления расшатанного Российского государства, представить ее в качестве «столбовой дороги» всего человеческого общества.

В вопросе о начале политики военного коммунизма выделяется утверждение историка-меньшевика Н. Н. Суханова, который считал, что военный коммунизм был провозглашен сразу после февральской революции с объявлением государственной хлебной монополии[96]. Включенное в уже известный перечень дат, оно ясно указывает на существование некоего глубинного однородного процесса, имевшего место как до, так и после Октябрьской революции, и подтверждает мысль Ф. Энгельса о том, что «hard and fast lines (абсолютно резкие разграничительные линии) несовместимы с теорией развития»[97].

Одряхлевшее романовское самодержавие рухнуло в феврале 1917 года по одной и самой общей причине, заключавшейся в том, что ни до первой мировой войны, ни тем более во время войны оно не сумело справиться с инерцией огромного российского организма, сплотить и направить социально-экономический потенциал общества на преодоление внутренних противоречий и отражение натиска внешнего врага.

Глобальные проблемы зачастую начинают распутываться с самых банальных частных. Февральские события начались женским криком: «Хлеба! Хлеба!» Временные продовольственные перебои и оказались той апельсиновой коркой, на которой поскользнулся царский режим. Вступая в империалистическую войну, российское общество и правительство рассчитывали, что с продовольствием затруднений не будет. Страна лидировала среди мировых экспортеров зерна, и прекращение экспорта на время войны сулило хлебное изобилие и дешевизну продовольствия. Однако подобные расчеты оказались далеко не верны, уже в конце 1914 года заготовка продовольствия для армии столкнулась с серьезными затруднениями. Первоначально эти затруднения имели чисто спекулятивное происхождение. Помещики, другие крупные держатели хлеба, придерживая запасы, искусственно взвинчивали цены и получали большие прибыли, но по мере втягивания России в войну трудности со снабжением принимали все более основательный характер.

В силу общественного разделения труда, стоимость сельскохозяйственной продукции непосредственным образом зависела от уровня развития и структуры отечественной промышленности. В цене пуда хлеба, вывезенного на рынок, фокусировалась вся система социально-экономических связей страны. Несмотря на то, что в 1915–1916 годах доля промышленности в общей валовой продукции России достигла наивысшего уровня, промышленность была главным образом ориентирована на военные нужды, техническая оснащенность сельского труда резко ухудшилась. При сокращении выпуска техники и инвентаря и закономерном росте цен на них соответственно возросла трудоемкость и себестоимость сельскохозяйственной продукции. Длительная война самым губительным образом отразилась на балансе народного хозяйства, где значительная его часть, вынужденная работать на потребности фронта, была выключена из процесса общественного воспроизводства, в то же время оставаясь крупным потребителем

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org сырья, продовольствия и изделий легкой промышленности. Поэтому цены на потребительские товары, продовольствие и сырье, подхлестываемые сознательной спекуляцией, транспортными затруднениями и т. п. бедами военного времени быстро поползли вверх.

Дисбаланс экономики и связанные с ним негативные явления были присущи всем странам, втянутым в империалистическую войну. Правительства воюющих держав пытались кредитными эмиссиями направить экономический обмен по нужным каналам, однако увеличение денежной массы грозило в кратчайший срок развалить всю финансово-денежную систему государств, поэтому основным инструментом борьбы с экономическим развалом стало государственное принудительное регулирование хозяйственных отношений.

В России это регулирование в первую очередь коснулось сельского хозяйства. Уже 17 февраля 1915 года вышел указ, предоставлявший право командующим военных округов запрещать вывоз продовольственных продуктов из производящих местностей, утверждать обязательные цены на эти продукты и применять реквизицию в отношении тех, кто упорствовал в их сдаче для нужд армии. Но означенные меры в конечном счете лишь привели к росту спекуляции и дороговизны, поэтому в течение 1915–1916 годов последовал еще ряд конкретных мероприятий по ограничению рынка, организации планового снабжения и ужесточения контроля над ценообразованием сельскохозяйственной продукции, которые также не принесли желаемых результатов. Эти годы представляли собой целую эпопею топтания помещичье-буржуазного правительства перед необходимостью радикального урезания прав помещиков-хлебовладельцев на распоряжение своим товаром. Наконец, последним, наиболее решительным шагом царского правительства в этом направлении стало назначение осенью 1916 года на пост министра земледелия ставленника промышленных кругов А. А. Риттиха, который ввел обязательную поставку хлеба в казну согласно погубернской, поуездной и волостной разверстке. Но с начала 1917 года усиление кризисных явлений и революционного брожения стало опережать запоздалое вступление разверстки в силу. Пресловутая апельсиновая корка уже лежала под ногой монархии.

Временное правительство ознаменовало начало своей деятельности по борьбе с продовольственным кризисом изданием 25 марта 1917 года постановления о государственной торговой монополии на хлеб. По выражению Суханова, хлебная монополия была обязана своим появлением на свет руководителю экономического отдела меньшевистско-эсеровского исполкома Петроградского Совета В. Г. Громану, который «взял за горло кадета Шингарева (министра земледелия) и выдал из него хлебную монополию» [98]. Закон о хлебной монополии обязывал владельцев предоставлять все имеющееся количество хлеба в распоряжение государства, за вычетом запаса, необходимого для собственных и хозяйственных нужд. Однако и этот энергичный шаг по ограничению прав частных собственников не дал ощутимых результатов, поскольку сохранившийся в нетронутом виде рынок промышленных товаров заставлял владельцев хлеба всеми способами саботировать государственные заготовки по твердым ценам. Ситуация требовала последовательного подчинения государственному регулированию и рынка промышленных товаров. Но на этот раз подошла пора топтания на месте буржуазному Временному правительству.

Безусловно, само правительство ясно понимало необходимость строгого регулирования всех сторон экономической жизни государства «с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства», как заявлял сам Керенский [99]. Но когда 16 мая исполком Петросовета проголосовал за резолюцию, выработанную под руководством того же Громана, которая содержала программу «регулирующего участия государства» почти для всех отраслей промышленности в распределении сырья, готовой продукции, фиксации цен и т. п., то она не была принята Временным правительством, главным образом вследствие нажима промышленных кругов, стремившихся сохранить свои прибыли в неприкосновенности. Российский буржуа и до и во время войны не на шутку вел борьбу с самодержавием за право наравне участвовать в государственной политике и общественном устройстве. Но он забыл, что в огромной своей части является лишь наростом на налоговом прессе государства на средние и беднейшие слои населения, и почти сразу увял в 1917 году, когда после поломки этого пресса, получив полную возможность проявить свои «творческие силы», продемонстрировал лишь образцы собственной ограниченности и эгоизма.

Несмотря на регулярные перетряски, Временное правительство оказалось в принципе слишком подверженным влиянию буржуазии, чтобы суметь возвыситься

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org национальный интерес над интересами отдельных классов и групп и поведи активную политику государственного регулирования. Поэтому для проведения очередного этапа объективно назревших мероприятий история приготавливала новую политическую силу, не связанную, по выражению ее лидера Ленина, «уважением» к «священной частной собственности». В короткий срок, к осени, массовое недовольство в решающих центрах политической жизни страны превратило партию большевиков из малочисленной и гонимой организации в силу, пользовавшуюся значительным влиянием среди рабочего населения и солдат. Со времен II съезда РСДРП большевики неприкрыто перемещались с платформы диктатуры пролетариата над буржуазным меньшинством на платформу диктатуры нечаевского толка. Они не ставили знак равенства между социальной силой и численностью класса, численностью своих сторонников. В 1917 году их преимущество над демократически настроенными меньшевиками и эсерами выразилось прежде всего в том, что большевики давно определили, что в сложных общественных ситуациях решающая роль принадлежит активному меньшинству, способному в критический момент парализовать и подчинить волю и силу инертного большинства.

Сами большевики давно внимательно наблюдали за теми изменениями, которые происходили в социально-политической организации воюющих держав. Наиболее последовательно и жестко политика государственной централизации и регулирования экономики в период войны и еще несколько лет после войны проводилась в Германии. Там и ранее хозяйство было в значительной степени охвачено картелями, синдикатами и трестами, но после начала боевых действий английская блокада сразу же превратила Германию в изолированное, самоснабжающееся государство, что резко повысило требования к уровню организации ее национальной экономики. Германское правительство еще 25 января 1915 года приняло закон о хлебной монополии. В течение войны Германия ввела у себя «принудительное хозяйство» почти во всех отраслях производства, контролировало обмен, устанавливало твердые цены, отбирало весь продукт и нормировало распределение не только промышленного сырья, но и непосредственное потребление людей путем карточек и пайков. Были введены трудовая повинность и учет товаров, свободная торговля на большинство изделий была отменена. Таким образом государство глубоко вторглось в сферу капиталистических интересов, ограничило частную собственность и заменило рынок централизованным обменом между отраслями экономики.

Буржуазно-юнкерское государство железной рукой выполняло стратегические установки марксизма по реорганизации общественных отношений. Это дало повод некоторым немецким социал-демократам назвать такую систему «военным социализмом». Ленин в 1917 году охарактеризовал ее как «военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих» [100]. Вместе с тем он утверждал, что государственно-монополистический капитализм полностью обеспечивает материальную подготовку социализма и между государственно-монополистическим капитализмом и социализмом «никаких промежуточных ступеней нет» [101]. Для перехода к социализму, по Ленину, требовалось только подставить вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое [102].

Получалась непостижимая вещь: оказывается, для перехода к социализму на «военной каторге для рабочих» требовалась только смена правительств! Впрочем, подобные теоретические парадоксы самому Ленину и большинству его партийцев были незаметны и несущественны в наступившей лихорадке борьбы за власть в сентябре – октябре 1917 года. Одним из первых, кто со стороны обратил внимание на эту теоретическую казуистику, был давний идеологический соперник Ленина А. А. Богданов. Почти сразу после октябрьского переворота он указывал, что Ленин, «став во главе правительства, провозглашает „социалистическую“ революцию и пытается на деле провести военно-коммунистическую» [103].

Не касаясь частных деталей, в общем и целом можно сказать, что для большевизма, для Ленина была характерна уверенность в своей теоретической непогрешимости, которая была присуща всем прозелитам, стремящимся к активному преобразованию мира. Еще в XVIII веке как Робеспьер, так и Екатерина II были абсолютно уверены в том, что вся истина целиком уже открыта и дело заключается лишь в том, чтобы приложить плоды эпохи Просвещения к действительности. С подобными представлениями императрица на заре своего царствования усердно писала свои «наказы», с подобной уверенностью Робеспьер впервые взобрался на трибуну Конвента. Революционным марксистам XX столетия суждено было в очередной раз и вновь в далеко не

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org безобидной форме продемонстрировать человеческую претензию на владение законами общественного развития. Несомненно, что Ленин все же спутал счастье человечества – коммунизм с военной каторгой, точно так же как и Робеспьер отождествил свободу и равенство с гильотиной.

Когда весной 1918 года группа немецкой буржуазии пробовала завязать торговые отношения с Советской Россией, они попросили представителей Совнаркома поподробнее рассказать о принципах советской экономической политики и после получения соответствующей информации сказали:

«Знаете, то, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете „коммунизмом“, а у нас это называется государственным контролем»[104]. Той же весной Ленин призывал:

«Учиться государственному капитализму у немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[105]. Так оно впоследствии и случилось. В России добиться хлебной монополии в рамках контроля за предпринимателями, как в Германии, не удалось. Система монополии, напоминающая германскую, была достигнута только в условиях полного огосударствления промышленности и введения продовольственной диктатуры, сопровождавшихся ожесточенной классовой борьбой с соответствующей идеологической подоплекой. Грезивший мировой революцией Троцкий некогда писал:

«Наша революция убила нашу „самобытность“. Она показала, что история не создала для нас исключительных законов»[106]. Напротив, думается, что революция как раз рельефно выделила эту самобытность. Она подтвердила специфику российской истории развиваться путем крайнего обострения противоречий. В ней отразилось одно из самых существенных обстоятельств, характерных для всего исторического опыта России, – большая инерция отживших форм общественного развития, затягивание разрешения назревших противоречий и, в силу этого, снятие их самыми радикальными силами и способами, при которых отрицание предыдущего исторического этапа достигает апогея.

Со времен ленинских теорий времен НЭПа у нас принято обычно противопоставлять военный коммунизм и госкапитализм как нечто противоположное, но в действительности военный коммунизм был оригинальной российской моделью немецкого военного социализма, или госкапитализма. В определенном смысле военный коммунизм являлся «западничеством», как система экономических отношений он был аналогичен немецкому госкапитализму лишь с той существенной разницей, что большевикам удалось провести ее железом и кровью, «варварскими средствами», при этом плотно окутав пеленой коммунистической идеологии.

Парадигма России и Германии ярко подтверждается событиями 1921 года. Отказ от военного коммунизма в России и от военного социализма в Германии произошел почти синхронно. X съезд РКП (б) принял решение о замене продразверстки продналогом 15 марта, а через месяц 14 апреля германский министр земледелия внес в рейхстаг законопроект о регулировании сделок с зерном, который вскоре был принят. В нем предусматривался переход от политики государственной монополии на торговлю хлебом – к продовольственному налогу.

Сравнительный анализ исторического опыта двух стран подтверждает общую закономерность возникновения системы военного коммунизма. В Германии государственная диктатура проводилась в рамках компромисса с буржуазией, юнкерством, прочими собственниками и рабочим классом без абсолютизации ее значения, с полным пониманием вынужденности и временности этой меры. Но поскольку в России сложилось так, что внедрить государственную диктатуру оказалось труднее и для этого естественным течением вещей к делу были призваны иные, радикальные политические силы, то здесь была предпринята попытка использовать ее более масштабно, как инструмент перехода к новому общественному строю.

Захват большевиками политической власти в октябре 1917 года явился результатом потребности общества в радикальных государственных мероприятиях по разрешению вопросов о войне, снабжения населения продовольствием и урегулированию социально-экономических отношений. Первые мероприятия,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org первые декреты Советской власти по ограничению прав на частную собственность и огосударствлению важнейших отраслей экономики стали непосредственным и естественным продолжением политики, наметившейся еще при царизме и проводившейся Временным правительством. И с этой точки зрения Октябрьская революция предстает чисто верхушечным переворотом, теряется между последовательными шагами по преодолению национального кризиса, вызванного центробежными силами капитализации и либерализации России, усугубленного войной. Вместе с тем политика государственной централизации превратилась из насущной потребности в военный коммунизм только тогда, когда ее начали проводить большевики, которые относились к ней уже не как ко временной, вынужденной войной мере, но как к общественному принципу, фундаменту грядущего коммунистического уклада. Поэтому не будет ошибкой считать символическим началом политики военного коммунизма именно момент прихода большевиков к власти, когда начала довлеть идеология господствующей партии и приводить государственную политику к результатам намного худшим, чем они могли бы быть на деле.

Октябрь 1917 года – это вступление общества если и не в «царство разума», как когда-то думалось марксистам, то определенно в область очень сильного влияния идеологии и вообще сознательного, планового начала на жизнь. Этапы формирования историографии военного коммунизма сами по себе способны прояснить очень многое по поводу его природы. Как отдельного человека, так и целые коллективы непосредственно побуждают к действию некие идеальные установки, возникающие в индивидуальном и коллективном сознании. Эти установки и есть первое, что встречается при анализе мотивов человеческой деятельности. Поэтому совершенно естественно, что сразу, еще в годы НЭПа, современники и, главное, творцы военного коммунизма добросовестно смотрели на него как на определенное производное тех собственных идеальных установок, существование которых для них самих не подлежало сомнению. Затем этот первобытный взгляд на длительное время оказался вытесненным из историографии тенденцией, объяснявшей происхождение политики военного коммунизма сугубо внешними факторами. То есть идеальным установкам была найдена причина и оправдание в объективных условиях, что явилось более глубоким проникновением в проблему, но вместе с тем и ограничением ее видения. В последние годы основное внимание исследователей вновь обратилось в сторону идеальных мотивов и роли идеологии, но уже на новом уровне. Выяснялись особенности формирования идеальных установок большевистского руководства в связи с его специфическими социальными интересами как нового господствующего класса.

Сейчас вне всяких сомнений то, что политику, большевиков определяли как внешние условия, так и некая «высшая» идея. Военный коммунизм, как человеческое, общественное явление, не мог быть ничем иным, как порождением материальных и идеальных факторов, а также их воплощенным противоречием. И поэтому задача новейшего этапа историографии заключается в том, чтобы отразить диалектику материального и идеального на примере этого конкретного отрезка истории. Причем было бы опрометчивым относиться к идее как только к более или менее «туманному» отражению реальности. И для нее действует все тот же всеобщий закон отчуждения явлений. Идея не только отражает объективную реальность, она сама является объективной реальностью и способна эту реальность создавать.

Из опыта экономических учений XIX века известно, что попытки представить чисто экономическую модель общества, дать объяснение производственных процессов с чисто экономической точки зрения, отгородив от иных общественных условий, неизменно заканчивались неудачей. Тем более с чисто экономических позиций невозможно дать сколь-нибудь удовлетворительное объяснение регулярному специфическому отставанию хозяйства России от более развитого производства стран Запада, а следовательно, невозможно объяснить причину ее регулярных социально-политических взрывов. Правильнее было бы назвать этот феномен не отставанием, а спецификой национального пути. Русское общество издавна ставило перед собой иные приоритеты, оно культивировало, преклонялось и ненавидело свое государство. П. Н. Милюков, опираясь на взгляды своего учителя В. О. Ключевского, писал, что «у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственную строй» [107]. В силу исторических и духовных причин русские издавна в первую очередь стремились сохранить свое единство в государстве, как правило принося в жертву единству (как теперь говорят, «соборности») и часть личной свободы, и экономическую эффективность, и материальное благополучие. Опыт убеждает, что в России кризисы всегда были следствием развития партикуляризма,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org сопряжены с раздробленностью, утерей единства; он же показывает то, что Россия всегда выходила из кризиса путем усиления централизации и государственности. Объективно военный коммунизм в России явился исторически конкретной формой укрепления государства и национального единства.

Февральская революция, смахнувшая одной рукой с исторической сцены неспособную романовскую монархию, другой рукой широко распахнула дверь кризису, наступавшему из глубин монархии. Большевицкая революция, как закономерный результат февраля, объективно положила начало выходу из кризиса, но выходу резкому, сопряженному с ломкой отжившего уклада, сопровождавшемуся гражданской войной и еще большим углублением кризисных явлений.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в ноябре 1917 года, принесли ощутимую победу большевикам в главных промышленных районах Центра и Северо-Запада страны. За счет них большевики получили около 24 % голосов избирателей, однако в тот период сказалось то, что еще не схлынула волна недоверия к буржуазному Временному правительству и большевизации Советов, которая вообще позволила партии Ленина осуществить октябрьский переворот. Несколько позже, после вскрытия избирательных урн в Учредительное собрание, стало открываться и то, что надежды рабочих на правительство большевиков по экстренному улучшению своего материального положения жестоко обмануты. Новый поворот, в особенности происходивший под призывами коренного слома старого государственного аппарата, с заявлениями о том, «что можно и должно разрушить до основания прежний буржуазный строй и на его обломках начать строить совершенно новое социалистическое общество» [108], только усугублял разруху и приносил новые испытания городскому населению. В декабре государственная заготовка продовольствия практически прекратилась, быстро подступали голод и морозы, охлаждая отношение рабочих масс к октябрьским победителям. Декабрьские настроения в фабрично-заводской среде стали коренным образом изменяться даже по сравнению с ноябрьскими. В конце 1917 года наступил очередной перелом в сознании рабочих, резко увеличилась популярность предстоящего Учредительного собрания и лозунгов тех политических партий, которые уже с 28 ноября (11 декабря) повели активную кампанию в его защиту.

Тем не менее ленинская партия уже твердо взяла в руки кормило государственной власти. 6 января 1918 года в проекте декрета о роспуске Учредительного собрания Ленин писал, что буржуазный парламентаризм изжил себя, что не общенациональные, а только классовые учреждения, каковыми являются Советы, в состоянии преодолеть сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества. Известные манифестации 5 января наглядно продемонстрировали как решимость большевистского руководства удержать власть, так и отход значительной части рабочей массы от большевиков. Сохранившая верность Смольному рабочая Красная гвардия с ожесточением расстреливала на улицах Петрограда и Москвы своих братьев по классу, выступивших в защиту открывающегося Учредительного собрания.

11 января на III Всероссийском съезде Советов Ленин не скрывал:

«На все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло... Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров» [109].

В этот период часть рабочего класса еще могла считаться опорой власти большевиков, но разрушительные процессы к весне 1918 года привели к изменениям и в этой привилегированной прослойке рабочих.

Уже в 1917 году советским правительством были приняты два важнейших документа, определивших первый этап военно-коммунистической политики в экономике. Кампания стихийной ликвидации частной собственности на промышленные предприятия была развязана Положением ВЦИК и СНК от 14 (27) ноября о рабочем контроле, открывшем известную эпопею так называемой красногвардейской атаки на капитал. Ровно через месяц 14 (27) декабря появился второй знаменательный документ – Декрет ВЦИК о национализации банков, который установил государственную монополию на банковское дело и подытожил почти двухмесячную борьбу народных комиссаров за овладение финансами России.

Установление рабочего контроля и национализация предприятий проходили при полной поддержке правительства. «Экспроприация экспроприаторов», или в популярном ленинском переводе на русский «грабь награбленное», – вот

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org летучий лозунг первого полугодия власти большевиков, которым необходимо было сломить экономическую мощь политического соперника. «Нам надо было буржуазию раздробить, уничтожить в ее руках всякую собственность, поскольку всякую собственность она обращала в оружие против нас», – вспоминал Луначарский[110]. Близоруко поощрялась стихия конфискаций и репрессий против буржуазных специалистов на предприятиях. Ожидания, что сеть фабрично-заводских комитетов составит низшее звено общегосударственной системы управления предприятиями, совершенно не оправдались. На практике декрет о рабочем контроле имел главным образом тот результат, что рабочие коллективы попытались немедленно разрешить свои материальные затруднения путем «проедания» финансовых счетов предприятий, не заботясь о дальнейшей судьбе производства. Фабзавкомы, соблазненные возможностью немедленного улучшения жизни рабочих, зачастую помогали администрации, владельцам предприятий выкачивать свои капиталы из национализированных банков, значительная часть которых бесследно пропала как для самих рабочих, так и для производства.

Парадоксально, но именно после прихода к власти большевиков, благодаря их декрету о рабочем контроле, на фабрикантов пролился небывалый золотой дождь. Когда дождь прошел, началась остановка предприятий, которые к весне выстроились в длинную очередь за государственными дотациями. Резко возросла безработица, углублялся продовольственный кризис в городах, и отряды Красной гвардии, в свою очередь превратившиеся в серьезную опасность для власти, стали постепенно ликвидироваться. К лету 1918 года их роспуск еще не был повсеместно завершен, и они ясно продемонстрировали свою эволюцию, составив, например, в Верхнем Поволжье базу для антибольшевистских вооруженных выступлений.

В обстановке охватившего страну экономического хаоса, в январе 1918 года из-под обломков старой разваленной хозяйственной системы раздавались отчаянные призывы правительства:

«Хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер, может околеть»[111]. Ленин обвинял питерских рабочих в «чудовишной бездеятельности» и требовал террора, расстрела на месте для спекулянтов и укрывателей хлеба. Формировались специальные отряды для обысков. Под их видом оживились шайки мародеров, на улицах Петрограда вновь зазвучала ружейная и пулеметная стрельба, воцарились преступность и самосуд. Но хлеба в городе не было, скудные припасы питерских лавочников при всем желании не могли удовлетворить потребности столицы. Необходимо было любой ценой наладить подвоз продовольствия.

Уже зимой 1918 года большевики вплотную подошли к идее Введения жесткой продовольственной диктатуры, т. е. сделать основной упор в проведении государственной хлебной монополии на вооруженное насилие и реквизиции. Первый опыт введения продовольственной диктатуры связан с именем Троцкого. После того как он был отстранен от переговоров с Германией и ее союзниками, 31 января Совнарком назначил его председателем чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту, в результате чего на какое-то время Троцкий фактически становится во главе всего продовольственного дела. Во главе комиссии он вновь подтвердил свои незаурядные качества, которые проявил в дни Октябрьского переворота и которые впоследствии принесут ему мировую славу военного диктатора. Троцкий ввел строгие меры по борьбе со спекуляцией, установив, что в случае сопротивления «мешочники» расстреливаются на месте. Предпринимались попытки организации и посылки вооруженных отрядов в деревню для реквизиции продовольствия.

С работой комиссии Троцкого связан существенный эпизод, имеющий прямое отношение к вопросу о субъективных истоках революционного террора в России. Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа вспоминал, что где-то в конце февраля на заседание комиссии поступил проект декрета, написанный Лениным, в котором крестьянам предписывалось сдавать хлеб под расписку и имелся параграф, где было сказано, что тот крестьянин, который не выполнит положенный наряд в срок, будет расстрелян. Все были шокированы этим предложением: что же мы, будем массовые расстрелы производить? В результате декрет не приняли[112].

До октября Ленин, исходя из интересов союза с революционным крестьянством, повторял, что партия большевиков не может задаваться целью «введения» социализма в мелкокрестьянской стране, однако после прихода к власти он тайно и явно пересмотрел ряд принципиальных политических установок. Позже Ленин признавал, что в конце 1917 – начале 1918 года большевистское

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
руководство предполагало осуществление непосредственного перехода к социализму:

«Мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда может быть открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, – из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству»[113].
Ленин мягко выразился о предположениях, которые вовсе не были «молчаливо подразумеваемыми». Р. Абрамович, бундовец и меньшевик, также припоминал, что весной 1918 года его буквально ошеломили прямолинейные заявления Троцкого и самого Ленина о возможности шестимесячного перехода к социализму[114].

Подобные установки побуждали к действиям весьма сомнительного свойства. Сохранились сведения о том, что в декабре 1917 года Ленин внес в Президиум ВСНХ проект всеобщей национализации производства, в котором также предполагалось объявить все акционерные предприятия собственностью государства, аннулировать все государственные займы, ввести трудовую повинность, приписать все население к потребительским обществам и т. п. [115]. То есть в этом документе почти в идеальном облике представляла вся система военного коммунизма, которую на практике удалось реализовать лишь в 1920 году. Словом, буквально на следующий день после революции Ленин предлагал единым росчерком пера решить все вопросы, связанные с «введением» социализма в обществе. В ВСНХ тогда тоже крепко призадумались и положили проект под сукно.

Несмотря на неудачу фронтальных попыток «введения» социализма, отпечаток принципиальной установки можно проследить почти в каждом частном мероприятии правительства большевиков. В условиях развала государственного аппарата, разрыва традиционных хозяйственных связей, обесценивания денежных знаков насущная проблема извлечения продовольствия из деревни являлась не чем иным, как проблемой товарообмена. После того как первые вооруженные наскоки на деревню с целью выкачки хлеба не принесли желаемого эффекта, в правительстве начинают размышлять об организации широкомасштабной операции. Наркомпрод представил доклад, в котором указывал на необходимость постановки организованного государственного товарообмена. Следовали цифры имеющихся огромных запасов различных товаров, части которых было вполне достаточно, чтобы до лета выкачать из деревни нужное количество урожая 1917 года. Дело было решено, и Наркомпрод энергично принялся за подготовку задуманной операции. Однако из замысла немедленно вылезли огромные уши идеологических и классовых установок новой власти.

Помимо основной цели предполагалось использовать рычаги товарообмена таким образом, чтобы в перспективе перейти к системе единого централизованного хозяйства, бестоварному продуктообмену.

26 марта Совнаркомом был принят и стал ускоренно воплощаться в жизнь декрет об организации товарообмена. Но вскоре явно обнаружилось, что он не приносит желанных результатов, и главная причина заключалась в том, что товарообмена как раз и не было. Специальная инструкция Наркомпрода к декрету 26 марта фактически упраздняла его. Запрещался индивидуальный обмен с отдельными хозяйствами, запрещалась покупка хлеба у организаций. Товары должны были равномерно распределяться среди всех крестьян в случае сдачи хлеба всей волостью или районом. Товар служил не орудием обмена, а премией неимущим крестьянам за содействие в выкачке хлеба. Другими словами, состоялась очередная попытка усилить заготовку в принудительном порядке, используя снабжение товарами беднейшей части деревни. Правительство по-прежнему больше интересовало не восстановление экономических отношений, а развитие социальной революции в деревне. Экономика была брошена под ноги принципу классовой борьбы, что вскоре нашло уже четкое и недвусмысленное выражение на последующем этапе политики большевиков.

Именно с 1918 года в обиход русского языка входит небезызвестное словечко «товарообмен», как памятник неуключимым попыткам большевиков изловить экономического зайца в погоне за зайцем социальной революции и равенства.

Стремясь сохранить свое положение, правительство, вставшее на путь внутренних репрессий, вынуждено было идти на скорейшее заключение унижительного, «похабного» мира с Германией и ее союзниками. После продолжительной эпопеи ожесточенных споров, обвинений и угроз среди большевиков, левых эсеров и других социалистических партий 3 марта 1918

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org года в Брест-Литовске мир наконец был подписан, а вскоре, с 10 на 11 марта, произошло событие не менее значительное. Советское правительство покинуло Петроград и переехало в Москву. Свершилась символическая мечта славянофилов о возвращении столицы в первопрестольную.

Публично переезд оправдывался сохранявшейся угрозой германского нашествия, но имелись и другие, не менее веские причины. Октябрьские революционные массы становились все более ненадежной средой для большевистского правительства. Еще в январе, после расправ с рабочими манифестациями в день открытия Учредительного собрания, потрясенные коллективы ряда ведущих питерских предприятий вынесли резолюции об отзыве своих депутатов-большевиков из Советов и возвращении красногвардейцев к мирным занятиям. Весной 1918-го большевики в Петрограде уже не могли показаться ни на одном предприятии, очевидцы свидетельствовали, что «и рабочие и обыватели доведены большевистской властью до того, что не только Дутов их не страшит, но даже немцы» [116]. Поэтому сразу после заключения Брестского мира стали обнажаться потайные мотивы спешки с подписанием договора.

Началась ликвидация старых революционных частей. После отъезда Ленина в Москву приказом по Петроградскому военному округу было предписано начать полную демобилизацию частей округа. Верные правительству новые красноармейские подразделения 16 марта силой разоружили Преображенский, Московский полки и Измайловский полк, тот самый, чьи солдаты в феврале первыми перешли на сторону восставшего народа, в октябре штурмовали Зимний и подавляли мятеж Краснова. Наглядная иллюстрация перемены настроения масс за время сидения правительства большевиков в Петрограде. Таким же бесславленным был конец и питерской рабочей Красной гвардии. 17 марта по всем районным Советам было объявлено, что гвардия распускается, а желающие могут записываться в Красную армию, начальника штаба Красной гвардии арестовали. Старый счет был закрыт, начинался новый период революционных преобразований.

Очередные задачи советской власти и вооруженный поход в деревню

Весной 1918 года Москва представляла собой гораздо более спокойное место, чем Петроград. По причине общегосударственной разрухи, с октября она жила достаточно автономной от Петрограда жизнью и фактически имела свое отдельное правительство. Большевистское руководство Москвы предпочитало проводить более мягкую политику в отношении оппозиционно настроенных рабочих и их партий. Не поощрялись повальные обыски и реквизиции продовольствия у обывателей, расстрелы на месте воров и спекулянтов и вообще Президиум Моссовета как-то пытался сдерживать волны анархии и беззакония. А. И. Рыков, стоявший во главе продовольственного ведомства в правительстве Московской области, проявил себя способным хозяйственником и сумел наладить товарообмен с югом и так поставить снабжение Москвы, что в марте там уже всерьез подумывали о существенном увеличении пайка населению. Словом, даже несмотря на то, что московская парторганизация давно зарекомендовала себя как гнездо внутривластной оппозиции и даже выносила недоверие ЦК партии по поводу мира с немцами, Москва с ее Кремлем представлялись Ленину наиболее безопасным местом для передышки и подготовки нового этапа социалистической революции.

В разгар «красногвардейской атаки на капитал» руководство ВСНХ, наверное, первым в правительстве большевиков ошутимо почувствовало негативные результаты рабочего контроля, повальной национализации, а также и экономические последствия Брестского мира. Часть высших функционеров ВСНХ, обескураженных нарастающим экономическим развалом, решила сделать ставку на сохранившиеся монополистические объединения финансового капитала. Сторонники сотрудничества с капиталистическими монополиями во главе с членом Президиума ВСНХ В. П. Милютиным заговорили о чем-то вроде того, что социализм надо строить под руководством опытных организаторов трестов. Предполагали выпуск акций национализированных предприятий, половина из которых должна принадлежать государству, а половина – финансовым капиталистам или нечто тому подобное. В любом случае руководство предприятиями должны были принять на себя представители трестов. 19 марта на пленарном заседании ВСНХ после продолжительной дискуссии этот вариант был отвергнут и было решено полностью взять в руки государства экономическую власть, точно так же, как она была взята в области политической.

Группировка Милютина потерпела поражение, но тут пришла неожиданная помощь.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Обломки милютинского плана подобрал и принялся склеивать заново Ленин. Фигуру вождя большевистской революции невозможно оценить однозначно, и она всегда будет вызывать противоречивые суждения. Можно отрицать его идеологию, осуждать его методы, но в чем ему несомненно нельзя отказать, так это в быстроте политической реакции и умении маневрировать. Вскоре после переезда в Москву, в гостинице «Националь», на частном заседании ЦК большевиков он заговорил о необходимости «ввести революцию в берега». В конце марта Ленин приступает к работе, и в апреле на свет появляется брошюра «Очередные задачи Советской власти», где звучит требование «приостановить» наступление на капитал и пойти на временный компромисс с буржуазией. Однако высказавшись против форсирования национализации, Ленин не поддержал и план акционирования. Его идея проще и декларативнее: учет и контроль рабочих над производством, а управление до времени следует оставить капиталистам и их спецам.

Новый курс Ленина собрал значительную, но разношерстную оппозицию. Выставили лозунг «кавалерийской атаки на капитал» левые коммунисты во главе с Бухариным. Поддержку им выразили эсеры, тоже левые, и часть руководителей ВСНХ, для которых эти споры были уже пройденным этапом. Левые оппоненты Ленина увидели в его «очередных задачах» подтверждение своих слов о том, что капитуляция в Бресте повлечет за собой и экономическую капитуляцию. Но ультрареволюционный азарт ослеплял их, мешал понять ленинский план во всей его полноте. Весной 1918 года основную угрозу «пролетарскому» государству, а значит, и революции Ленин увидел в непокорной, рассыпающейся крестьянской анархической стихии, в борьбе против которой он и решил привлечь организаторские силы буржуазии.

Свой план относительно крестьянства Ленин внезапно выдвинул в известной речи на заседании ВЦИК 29 апреля, хотя слухи о важном программном выступлении лидера большевиков появились в газетах задолго до этого дня. В развитии «очередных задач» Ленин обратился к понятию государственного капитализма, смысл которого он увидел прежде всего как орудия борьбы с «чистым» капитализмом, частной собственностью и спекулятивной торговлей. «Да, мелкие хозяйчики, – говорил Ленин 29 апреля, – мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов, но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они – враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу» [117]. Мелкие хозяйчики – это крестьяне. Итак, задача поставлена – беспощадная борьба с крестьянством.

Намечая изменения политики в отношении буржуазии и крестьянства, Ленин не оставлял попыток военно-коммунистической организации пролетариата. В конце марта – начале апреля он активно участвует в заседаниях Президиума ВСНХ и других органов управления, где обсуждаются вопросы создания государственной системы производства и потребления. Планируется уничтожить частный аппарат снабжения и заменить его «организационным распределением», для чего «все распределительные организации сделать организациями государственными» и в первую очередь кооперацию [118]. Обсуждаются вопросы введения всеобщей трудовой повинности и укрепления производственной дисциплины путем введения дисциплинарных судов и т. п. То есть мероприятия, реальное осуществление которых стало возможным только в 1919–1920 годах и которые стали одними из важнейших признаков зрелой военно-коммунистической системы.

Весна 1918 года стала для Ленина очередным этапом в разработке военно-коммунистической политики и скандально раздутый левыми коммунистами пункт о компромиссе с буржуазией оказался не более чем попыткой адаптации старой политики к обострившейся ситуации, которая, впрочем, не имела никаких практических последствий, кроме бури в стакане вциковской воды. Его поглотили более существенные вопросы курса, разработанного Лениным после переезда в Кремль.

Общий замысел заключался в попытке некоего компромисса с буржуазными слоями с целью обуздания стихии в городе и в стремлении направить энергию изголодавшихся рабочих против мелких деревенских хозяйчиков. Главной государственной проблемой оставалось умиротворение рабочих и добыча продовольствия у крестьян. В ее решении Ленин твердо встал на точку зрения необходимости насильственных методов. И опыт разгона Учредительного собрания служил здесь вдохновляющим примером. Крестьянство, чьи депутаты в Собрании составляли абсолютное большинство, стерпело это насилие, продемонстрировав свою индифферентность. Поэтому Ленин имел все основания надеяться, что стерпит и еще. Серия последовавших майских и июньских

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org декретов, положивших начало политике продовольственной диктатуры, по своему объективному значению далеко выходила за рамки продовольственного законодательства и имела огромное значение для всего последующего хода событий и становления всеобъемлющей системы военного коммунизма.

Уже 27 апреля главный составитель компродовских декретов А. И. Свидерский сообщил сессии московских продовольственников о готовящихся проектах по организации крестьянской бедноты и продовольственных отрядов. Первый из них – Декрет ВЦИК и СНК от 13 мая о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию, – по сути, дублировал известное по семнадцатому году постановление Временного правительства о государственной хлебной монополии, объявляя, «что ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая». Однако советский декрет был более суров, предусматривая самые жесткие репрессивные меры во исполнение монополии вплоть до применения вооруженной силы в случае сопротивления и поощрение доноительства.

Декрет 13 мая и последовавшие в его развитие постановления об организации рабочих продотрядов, а также декрет 11 июня об организации комитетов деревенской бедноты внесли качественно новый элемент в отношения государства и деревни. Цюрупа 9 мая в докладе ВЦИКу откровенно заявил, что «у нас нет другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии, которая имеет значительные запасы даже недалеко под Москвой и не дает их ни голодающей Москве, ни Петрограду, ни другим центральным губерниям»[119]. Чтобы окончательно развеять сомнения аудитории в смысле сказанного, в заключительной речи он еще раз подчеркнул:

«Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб»[120]. ЦК большевиков сделал окончательный выбор, его вожди Свердлов и Троцкий в своих выступлениях 20 мая и 4 июня во ВЦИКе огласили перед советской аудиторией, что их партия за гражданскую войну. Да здравствует гражданская война! [121]

Разумеется не все большевистское руководство поспешило разделить столь радикальный курс. Основным оппонентом ленинского плана стала хозяйственная группировка Рыкова, который еще в 1917 году в дискуссиях с Лениным проявил свою принадлежность к умеренному крылу большевизма. Рыков продолжал сохранять пост московского облпродкомиссара и имел опыт, который позволял ему с полным основанием критически отнестись к проекту продовольственной диктатуры и войны с деревней. Он повторял, что вести экономическую политику штыком – это безумие. Во главе с Рыковым составила так называемая «продовольственная оппозиция» из хозяйственных руководителей, которая выдвинула альтернативу продовольственной диктатуре. Она заключалась в развитии собственно экономических, эквивалентных отношений с деревней на основе товарообмена и гибкой политики цен. В обращении к Совнаркому оппозиция заявляла, что ввиду крайне тяжелого положения необходимо «признать продовольственную диктатуру в настоящее время совершенно нежелательной и крайне вредной»[122].

В противоположность крикливой левокоммунистической группировке, в лице Рыкова и его команды ленинское большинство ЦК партии получило сильную и компетентную оппозицию, отрицавшую компромиссы с буржуазией, но вместе с тем склонную учитывать интересы и особенности крестьянства. Однако чисто экономические расчеты для Ленина не имели решающего значения. Продовольственная политика была тесно увязана с социально-политическими задачами борьбы с капитализмом, основной базой которого теперь были признаны зажиточные крестьяне.

План вооруженного похода и разжигания гражданской войны в деревне вызвал ожесточенное сопротивление и со стороны эсеро-меньшевистских представителей в Советах. Они предупреждали, что попытка решить продовольственный вопрос путем гражданской войны окончится таким же крахом, каким окончилась уже испробованная война в городе для промышленности. Нужна не война, а организация, говорили они и предлагали опереться на представительные крестьянские Советы, на восстановление демократического строя и в конце концов завершали все своим Карфагеном – требовали созыва Учредительного собрания. Во всей небольшевистской прессе вспоминали недавнее и оказавшееся малоэффективным продовольственное диктаторство Троцкого. Однако, обрушив на читателя поток доводов по экономической нецелесообразности и политической

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org опасности новой затеи большевиков, оппозиционная печать тоскливо поникала головой, признавая, что хлебная монополия и продовольственная диктатура для большевиков уже не средство, а самоцель. «Ведь хлебная монополия – одно из звеньев „социализации торговли и промышленности“, отказ от нее знаменовал бы банкротство немедленного социализма». «Бесспорно, это главный мотив для поддержки монополии в центре», – заключала «Свобода России».

В мае 1918 года лозунг учета и контроля уступил место более откровенному лозунгу централизации – централизации банковского дела, управления промышленностью, продовольственного дела и, наконец, политической власти. Вооруженный поход в деревню и разжигание гражданской войны были лишь первой целью. Вторым направлением удара законодательства о продовольственной диктатуре были сами Советы. В этот период обострились противоречия между центральной властью и губернскими Советами. В марте – мае 1918 года Советы Саратовской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Вятской, Казанской, Тамбовской и других губерний, где подавляющее большинство делегатов представляло интересы крестьянства, при поддержке делегатов от рабочих приняли постановление об отмене старых твердых цен на хлеб и восстановили свободную торговлю, это был бунт против экономической политики большевиков. Ответ Москвы выразился в известном декрете от 13 мая о введении продовольственной диктатуры и особенно декрете ВЦИК и СНК от 27 мая о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов. Последним устанавливалось подчинение всех губернских и уездных продовольственных органов не местным Советам, а непосредственно наркомупродовольствия, который получал право отменять постановления Совдепов и входить во ВЦИК с предложением о предании их суду.

Тем самым был сделан первый шаг по упразднению советской власти на местах и концентрации властных функций в центре. Вскоре по пути, проложенному Наркомпродом, двинулись ВСНХ, военное и другие ведомства, установившие свою вертикальную систему управления, ограничив роль органов Советской власти до минимума.

Оппоненты большевиков назвали декрет 27 мая «банкротством идеи Советов». При обсуждении его проекта во ВЦИКе Абрамович произнес пророческие слова о тех, кто отправился в великий поход за свободой и справедливостью, но пришел к изначальной точке:

«Вам (большевикам) приходится возвращаться к старой, испытанной бюрократизации, вам приходится передавать всю страну в руки центральной бюрократии, т. е., другими словами, вы доказываете этим новым проектом только то, что Россия сейчас не способна управляться методом обыкновенной человеческой демократии, что она не способна управляться путем вашей советской демократии и что, следовательно, она и может управляться только как встарь, бюрократическим аппаратом»[123]. После майского поворота политики сосуществование большевиков и левых эсеров в органах государственной власти стало обуюдонетерпимым. Большевики, фактически оставившие идею власти Советов, последовательно шли по пути государственного централизма, им не нужны были малонадежные попутчики, им был нужен дисциплинированный исполнительный аппарат, подчиненный железной воле центра. Пора заигрывания с крестьянством, путем привлечения эсеров в правительство, также закончилась, крестьянству была открыто объявлена война. В свою очередь левым эсерам после провозглашения вооруженного похода на деревню также не оставалось места для очередного компромисса с большевиками. С обеих сторон началась активная подготовка к разрыву отношений, который и произошел в форме известного мятежа левых эсеров 6–7 июля, во время V Всероссийского съезда Советов.

V съезд Советов был отмечен еще одним знаменательным событием. По иронии судьбы именно в тот момент, когда вопрос о Советской власти был объективно уже закрыт, принимается первая советская конституция, в которой декларировалось, что вся власть в центре и на местах принадлежит Советам.

В конституции 1918 года отразились противоречия, которые переживала власть с различными слоями общества. Значительная категория граждан, отнесенная к эксплуататорам и слугам старого режима, вообще была лишена избирательных прав. Ограничения падали и на крестьянство, 5 голосов крестьян приравнивались к 1 голосу рабочего. Тайные выборы не предусматривались. На практике это обеспечивало неограниченные возможности давления на избирателей.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
На VIII съезде РКП(б) Зиновьев признал:

«По нашей конституции избирательных прав лишены только очень немногие элементы. Но на деле мы лишили их несравненно большее количество избирателей»[124].

Как видно, например, из инструкции за 1919 год по выборам в Советы Саратовской губернии, выборы организовывались так, что избирательные комиссии, составленные из лиц, «кои всей своей общественной деятельностью явно показали, что они стоят на платформе Советской власти», имели полную возможность проводить свою волю. Составлялись списки лишенных права голоса, аресту и суду подлежали «все замеченные в злостной агитации против Советской власти». Законным для открытия избирательного собрания признавалось число явившихся, равное половине всех избирателей, «однако в случаях особо уважительных собрание может быть признано законным и при меньшем числе по особому постановлению избирательной комиссии»[125] и т. д. и т. п. Понятно, что ни о каких свободных выборах в таких условиях не могло быть и речи.

Но и рабочий класс находился не в лучших условиях, чем крестьянство. По инструкции Президиума Моссовета от 23 января 1919 года, выборы в Совет должны были проводиться только на фабриках, заводах и через профсоюзы. Причем правом представительства пользовались только те союзы, которые входили в руководимый большевиками Московский совет профсоюзов и который должен был дать отзыв «о пролетарском составе профсоюза», т. е., другими словами, разрешить участвовать в выборах. Остальным политическим партиям социалистического направления заранее отводилось 50 делегатских мандатов[126].

В результате подобных корректировок конституции советы постепенно приобретали чисто декоративную функцию в структуре «Советского» государства, но, несмотря на это, большевики не решались окончательно ликвидировать Советы, понимая, что они служат неплохим прикрытием и средством для смягчения авторитарного характера власти. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 9 декабря 1919 года большинством голосов было отклонено предложение об упразднении Советов в уездах и некоторых губернских городах[127].

В процессе централизации государственного управления со второй половины 1918 года система реальной власти начала активно формироваться по жесткой партийной вертикали. ЦК большевиков ставил задачу создания партийно-организационного аппарата, «могущего быстро проводить в жизнь мероприятия центра»[128]. С осени 1918 года повсеместно на территории Советской России в уездах и волостях начался процесс внедрения большевистских партийных организаций и ячеек, о которых там до сего момента не имели понятия.

Сохраняя органы Советской власти, руководство большевиков много работало над регулированием их взаимоотношений с растущими парткоммами, конструировалось определенное разделение функций партийной и Советской власти на местах. Неоднократными, настойчивыми циркулярами ЦК парткоммам возбранялось открыто вторгаться в область чисто советской административной работы, осуществлять мелочную опеку советских учреждений. Как подчеркивалось в одном циркуляре:

«В распоряжении партии всегда имеется могучее средство своим указанием исправить недочеты в деятельности любого товарища»[129].

Указывая на ошибки партийной работы, письмо за подписью секретаря ЦК от 4 апреля 1919 года в г. Боровичи разъясняло: парткоммам не следует вмешиваться непосредственно в процесс реквизиции хлеба и т. п. Для этого существуют определенные советские органы.

«Партии же принадлежит общее руководство политической деятельностью Советов. Партия есть передовой отряд пролетариата, его идейный руководитель, показывающий общий путь деятельности. Советы же есть административный орган осуществления рабоче-крестьянской диктатуры, которые и проводят эту диктатуру с помощью различных своих отделов»[130].

В плане разделения партийной и Советской власти, как правило, выдерживалась такая схема: партийные комитеты известными мерами обеспечивали в Советах и их исполкомах коммунистическое большинство. Оно создавало свою фракцию, которая по уставу была обязана подчиняться указаниям местного партийного комитета, который в свою очередь принимал указания, идущие от ЦК РКП(б). В

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org отдельных случаях, когда в Совете не удавалось добиться коммунистического большинства, как, например, в Туле, где, несмотря на все усилия, в 1918–1920 годах в горсовете преобладали меньшевики, там под определенными предложениями ЦК РКП(б) просто формировал чрезвычайный коллегиальный орган – ревком, руководивший всеми делами в губернии. Понятно, что подобная система могла держаться только на репрессиях ЧК и разного рода отрядов особого назначения. Власть приобрела террористический характер, коренным образом отличавшийся не только от первооснов коммунистической идеологии, но и от октябрьских лозунгов революционной демократии.

Немаловажно, как руководство и теоретики большевизма сами себе объясняли подобное противоречие. В весьма критическом документе от 1920 года, приписываемом члену платформы «демократического централизма» в РКП(б) Н. Осинскому, утверждается, что для государственной власти рабочего класса мыслимы две формы устройства. Первая – похожая на ограниченное конституционными рамками «единодержавие» и вторая – демократия «новая по форме и по содержанию».

«В настоящее время государственная власть российского рабочего класса переживает форму, близкую к пролетарскому единодержавию, – признает Осинский, – с этой политической формой неизбежно связано развитие бюрократической вертикальной централизации»[131]. Осинский оправдывает временное существование «единодержавия» внешними условиями: давлением международного империализма, борьбой с контрреволюцией и существованием мелкобуржуазной стихии. Он не в состоянии сделать вывод о существовании глубинных внутренних причин, заложенных в объективных условиях исторического развития России и, что самое главное, многократно помноженных на характер и идеологию господствующей партии большевиков.

Характерное раздвоение сознания – с одной стороны, пытаться оправдывать существование бюрократического «единовластия» внешними условиями и, с другой стороны, сознавать, что оно категорически противоречит основным идеалам коммунизма и целям революции, – эта двойственность стала присуща всем поколениям советского руководства и вначале служила оправданием и причиной перерождения власти, далее самим способом существования и в конце концов источником деградации, кризиса и развала советской коммунистической системы.

Это разделение было на виду у всех внимательных свидетелей перерождения ленинской партии. Известный социалист, украинский писатель В. К. Винниченко с сожалением констатировал, что у большевиков не достало сил быть чистоплотными этически и до конца последовательными, твердыми и цельными. Как страшно ругают других за лицемерие и обман, а сами пользуются этими средствами в невероятных размерах.

«Поскольку жизнь требует от них большого напряжения, то нехватку силы, таящейся в честности, они восполняют ложью и макиавеллизмом»[132]. Майско-июньское законодательство 1918 года и перенос центра тяжести классовой борьбы из города в деревню явилось логическим следствием и развитием политики предшествующего этапа революции, которое наиболее решительно продвинуло общество по пути военного коммунизма. Провозгласив продовольственную диктатуру, государство было обязано привести в соответствие с ней остальные отрасли народного хозяйства. 28 июня был принят декрет о национализации всей крупной и части средней промышленности[133]. Не менее закономерным явилось и другое важнейшее событие периода. В конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, который стал сигналом и опорой для объединения всех антибольшевистских сил на востоке России и положил начало регулярной гражданской войне с образованием фронтов и вовлечением в военные действия широких масс населения. Чехословацкий мятеж, как весеннее зерно, нашел подготовленную почву среди русского населения. Поволжье уже начинало бурлить разрозненными выступлениями против большевиков. В мае было подавлено восстание частей Красной армии в Саратове. 21 мая командующий Оренбургским фронтом совместно с исполкомом городского Совета Самары разогнал исполком местного губернского Совета, который почти целиком состоял из крестьянских депутатов, враждебно настроенных к большевикам. Но созданный вместо губисполкома временный ревком оказался слишком уж «временным», просуществовав до 8 июня, когда отряды Чечека после незначительного боя овладели городом.

Чехословацкое выступление было сочувственно встречено и активно поддержано

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org большинством крестьянства и особенно рабочими Поволжья и Урала. Мятеж иностранных частей растворился в русской контрреволюции. Председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский весьма секретно докладывал в ЦК партии и Совнарком о том, что рабочие массами вливаются в состав контрреволюционных сил под лозунгом борьбы за Учредительное собрание.

«Этот лозунг пользуется здесь огромной популярностью. Нигде за все время революции ни один лозунг не охватил так глубоко массы, как это имеет место в областях, являющихся ареной чехословацкой трагедии. Даже рабочие, сохранившие свой заработок, попадают под его влияние, не говоря уже о безработных, железнодорожниках и крестьянах» [134].

Наряду с организацией обороны на Восточном фронте, летом 1918 года советское правительство проводило кампанию по отправке в провинцию продовольственных отрядов и организации комитетов деревенской бедноты. Комбеды должны были стать опорной базой, надежными островками поддержки политики большевиков во враждебной деревне. По декрету от 11 июня они становились единственной реальной властью на уровне волости, села или деревни и имели широкие полномочия и нередко свои вооруженные отряды. Безусловно трудно даже для части такой страны, как Россия, дать обобщенную характеристику каких-либо процессов. Специфика расстояний, неповторимых местных условий всегда накладывала на них большое своеобразие. Однако можно утверждать, что весьма характерна одна из служебных информационных сводок Наркомпрода Пензенской губернии, которая так подводит итоги комбедовской кампании:

«Комитеты бедноты всюду, положительно везде, оставили уже совсем безотрадные воспоминания о таких их делах, которые иначе как уголовными преступлениями назвать нельзя» [135].

Состав «бедноты», организованной в комитеты был крайне пестрым. Зачастую в них попадали пришедшие элементы из потребляющих губерний, рабочие, которые, сколачиваясь в продотряды, спешили покинуть голодающие города и обустроиться в деревне. А. М. Устинов, видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов, так описывал деятельность комбедов на местах:

«Они становятся в деревне источником величайшей неразберихи, и от них идет там дым коромыслом. В комитеты входит голытьба, деклассированные, бесхозяйственные элементы деревни, всякие „перекати-поле“... Эта теплая компания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся и трудовые хозяйства: расхищаются скот, мертвый инвентарь всех видов, самые ничтожные запасы продуктов – растаскивается и проматывается все и вся, идет не созидание ценностей, а их уничтожение» [136].

Центральная власть предпринимала попытки провести в жизнь декрет 13 мая о продовольственной диктатуре. В развитие этого декрета постановлением Наркомпрода крестьянскому населению устанавливались нормы душевого потребления – 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т. д. Весь хлеб сверх указанных норм получал название «излишки» и подлежал отчуждению.

Помимо множества острейших политических проблем, явившихся неизбежным следствием такого порядка, сразу же возникла проблема учета излишков. К каждому крестьянскому амбару требовалось подобрать ключ, чтобы точно знать количество имеющегося хлеба. В качестве такой отмычки вводилась система подворного учета. Но крестьянин не спешил в исповедальню к продкомиссару, а комбеды, которые были в основном озабочены собственными имущественными делами, оказались неважной опорой власти. Более того, они нередко препятствовали вывозу за пределы своей волости уже отобранного зерна, намереваясь употребить его исключительно для себя. Свидетели и участники этой кампании констатировали повсеместный провал попыток подворного учета.

Можно было приводить в газетах сколько угодно бумажных резолюций сельских сходов, собраний бедноты о поддержке и одобрении советской продполитики, но вот самая главная резолюция, вынесенная крестьянством летом восемнадцатого года по продовольственному вопросу и отношению к власти: за июнь и первую половину июля продовольственные отряды собрали только 2.045.215 пудов хлеба (как самый минимум требовалось в сто раз больше). В течение июля эта цифра увеличилась примерно вдвое, но от этого не стала менее ничтожной. Со сбором нового урожая и первыми успехами Красной армии заготовка несколько оживилась, по приблизительным данным с июня по декабрь 1918 года было всего заготовлено около 60 млн. пудов, которые удалось получить несоразмерной

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org ценой поголовного возмущения и волны крестьянских восстаний. Этим нельзя было накормить ни город, ни армию, в создании которой возникла большая потребность для большевиков. Вооруженный поход в деревню потерпел полный крах. И для того чтобы понять это, лично Ленину потребовалось не много времени.

Поворот к соглашению с крестьянством

Уже в начале августа Ленин начинает достаточно решительно пересматривать крестьянскую политику, ищет способы «нейтрализовать в гражданской войне наибольшее возможное число крестьян» [137]. В этот период в ряде выступлений и обращений он подчеркивает, что «с средним крестьянством социалистическое правительство обязано проводить политику соглашения» [138]. 17 августа появляется «строжайший» циркуляр за подписью Ленина и Цюрупы всем губсовдепам и продкомам, в котором в завуалированной форме указывалось на хаос, внесенный комбедами в жизнь деревни, и подчеркивалось, что Советская власть всегда «стремилась и стремится к удовлетворению нужд среднего крестьянства, наряду с нуждами городских рабочих и деревенской бедноты» [139]. Фактически именно в августе 18-го начинается перемена курса большевиков на так называемый союз со средним крестьянством, нашедший свое официальное выражение в марте 1919 года в резолюции VIII съезда РКП (б). Но еще в декабре 1918 года под давлением коммунистической фракции, руководимой Каменевым, на VI Всероссийском съезде Советов было решено упразднить комбеды, «сыгравшие свою историческую роль», как было сказано в приличной для их похорон форме.

Начиная с октября и до осени восемнадцатого года большевики с упрямством, достойным лучшего применения, последовательно создавали базу для широкого контрреволюционного блока. Возникновение протяженного антисоветского фронта, отделение от Москвы востока и юга страны и образование там региональных антибольшевистских правительств стало итогом разрушительного, деструктивного периода революции. Противники пытались поразить Совдепию и нанося удары в сердце. Летом в Петрограде были убиты Володарский и Урицкий, 30 августа был тяжело ранен Ленин. В ответ на покушения 2/сентября ВЦИК постановил:

«На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов» [140]. Повсеместно стали захватываться и расстреливаться заложники из «классово чуждых» элементов.

Весенние планы компромисса с буржуазией были погребены начавшимся вооруженным походом в деревню и ответной борьбой крестьянства совместно с враждебно настроенными к большевикам рабочими. Буржуазия, не имевшая оснований доверять Ленину, тем охотнее пошла на компромисс не с ним, а с возмущенными рабочими и крестьянством. Буржуазная контрреволюция сомкнулась с рабоче-крестьянской, что было гораздо опаснее, чем ее изолированные, слабые попытки сопротивления в первые месяцы власти большевиков. Поэтому Ленин круто меняет ориентацию и решает разбить наметившийся блок, ударив по буржуазии и пойдя на уступки крестьянству. Объявление красного террора явилось результатом общего поворота ленинской политики, начавшегося в августе 1918 года. Еще до покушений, 6 августа, в серии декретов и постановлений, направленных на смягчение политики в отношении крестьянства, обращение Совнаркома «На борьбу за хлеб» провозгласило:

«Ответом на предательство и измену „своей“ буржуазии должно послужить усиление беспощадного массового террора против контрреволюционной части ее» [141].

Первые числа августа, т. е. начало нового заготовительного сезона, были отмечены целой серией декретов и постановлений, призванных внести в государственную продполитику элементы соглашения с крестьянством. В частности, были утроены твердые цены на хлеб, но поскольку обесценившиеся дензнаки уже мало интересовали крестьянство, 5 августа издается декрет об обязательном товарообмене в хлебных губерниях, по которому продорганы обязывались компенсировать часть сдаваемого крестьянами хлеба промышленными товарами.

Лучшую иллюстрацию сути военно-коммунистической политики большевиков надо искать не в таких хорошо знакомых символах, как национализация промышленности или продовольственная диктатура, а в скромных поползновениях к организации товарообмена с деревней в 1918 и 1919 годах. Они и выходили

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org скромными (несмотря на то, что задумывались широко), поскольку в них были сведены воедино два взаимоисключающих принципа – принуждения и экономической выгоды. Эти «товарообмены», причем неясно, кто здесь обманывался больше – крестьяне или сама власть, являлись концентрированным противоречием идеи и необходимости. Именно в них рельефнее всего проступали последствия вторжения революционного идеализма в течение жизни и где он наиболее быстро дискредитировал себя.

Осенью 1918 года, как и весной, экономический обмен между городом и деревней вновь наступил на грабли идеологических установок новой власти. Выразилось это в том, что крестьянин, сдав хлеб и получив зачетную квитанцию, сам не имел права получить по ней промтовары. Он был обязан сдать ее в волостной комбед или совдеп, каковые и должны были получить товар, а затем распределить его в соответствии со своим классовым «чутьем» и инструкциями власти.

«Состоятельные крестьяне, – вспоминал М. И. Фрумкин, командовавший этим обменом в масштабах всей советской территории, – во многих местах рвали квитанции или производительно использовали их на сигарки, приговаривая, „если нам товары не достаются, то пусть и эти лодыри (беднота) ничего не получают“» [142].

Подобной постановкой дела, отказом от нормального обмена между отраслями народного хозяйства, большевики исключали возможность его государственного регулирования и продолжали скатываться на путь чисто реквизиционной политики, усугублявшей разруху в экономике.

Сохраняя установку на принципиальный отказ от чисто экономического обмена с деревней, Совнарком еще в июле попытался решить проблему нехватки продовольствия введением классового пайка, т. е. фактически выбросив из сферы государственного снабжения непролетарские и неслужащие элементы городских обывателей. Но опять-таки эта мера носила скорее политический характер, крестьянство по-прежнему саботировало государственные заготовки и по-прежнему основная масса хлеба проникала в города через нелегальные торговые каналы. Статистика свидетельствует, что доля вольного рынка в ежедневном потреблении хлеба жителями Москвы в июле – сентябре 1918 года равнялась 91 %, а в октябре – декабре – 71 % [143]. Следовательно своим существованием Москва была почти всецело обязана преследуемому заградительными отрядами мешочнику.

Для правительства проблема заключалась не просто в том, чтобы накормить город и армию. Та власть и та сила, которую государству могла дать концентрация запасов хлеба, рассыпалась и растекалась в миллионах мешков легальных и нелегальных коммивояжеров. Собственные интересы требовали от государства последовательных шагов. И они были предприняты. Как весенний «товарообмен» послужил ступенькой к продовольственной диктатуре, так и его августовская интерпретация стала прелюдией к очередному фундаментальному мероприятию военно-коммунистической политики.

21 ноября 1918 года Совнарком принял декрет об организации снабжения, который упразднил остатки частноторгового аппарата и возложил на комиссариат продовольствия обязанность заготовки и снабжения населения всеми предметами личного потребления и домашнего хозяйства. Тем самым предполагалось нанести сокрушительный удар по нелегальному товарообмену и торговле. Однако при абсолютной ненадежности госснабжения закрытие частноторговых предприятий привело прежде всего к тому, что снабжение прекратилось вовсе.

После национализации банков, промышленных предприятий и введения продовольственной диктатуры декрет от 21 ноября, по сути, завершил в основе законодательное оформление военно-коммунистического здания, несмотря на то, что вплоть до 1921 года это здание продолжало достраиваться и доводиться до казарменного совершенства. Для 1918 года еще рано говорить о системе военного коммунизма, пока это была только политика военного коммунизма, сумма государственных заявок на всеобъемлющую монополию, не подкрепленных реальным механизмом производства и распределения продуктов. Посему это бумажное здание отбрасывало тень разного рода уступок, которая до времени имела более материальных свойств, нежели ее предмет.

Повсеместной тенью военно-коммунистической политики были прежде всего всевозможные санные и Сухаревские площади – пресловутые толкучки, где с молчаливого согласия властей происходил нелегальный вольный товарооборот.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Существуют различные подсчеты доли вольного рынка в снабжении городского населения в период гражданской войны, и даже самые скромные из них говорят, что доля эта была никак не меньше 50 %. Но есть все основания полагать, что она была гораздо весомей, особенно в провинциальных городах. На деле продовольственная политика в 1918–1919 годах являлась скорее не политикой государственного снабжения, а политикой ограничения свободной торговли, «возрождающей капитализм», которая в самые критические моменты обострения социальной напряженности ослаблялась разного рода отступлениями. Таким отступлением осенью 18 года стало так называемое «полуторापудничество» в Москве и Петрограде.

После того как Каменев стал во главе Московского Совета, его «рыхлый» большевизм получил хорошую питательную среду в настроениях москвичей. 25 августа Президиум Моссовета принял постановление о свободном провозе полутора пудов хлеба на члена семьи, что дало возможность горожанам продержаться три месяца на однофунтовом пайке в день. Когда же эти запасы подошли к концу, поднимается и новая волна против проддиктатуры.

В лице председателя Моссовета Наркомпрод получил влиятельного и хлесткого критика. 8 декабря на заседании исполкома Совета Каменев произнес пламенную речь, в которой обвинил продовольственников в полном провале дела. Он предложил известить Совнарком о том, что надежды на получение продовольствия нет. «Ничего нет, и ничего не будет» [144]. Выступление Каменева ознаменовало начало нового массированного наступления на политику продовольственной диктатуры. 10 декабря Совнарком под давлением принял решение о предоставлении рабочим организациям и другим профессиональным объединениям права закупки и провоза ненормированных (т. е. немонополизированных) продуктов, к слову, права, которое у них формально никто и не отнимал. Заградотрядам и губпродкомам предписывалось не чинить никаких препятствий провозу ненормированных продуктов.

Вскоре коммунистическая фракция ВЦИК, которая после удаления из Советов левых эсеров приняла на себя под руководством Каменева роль мягкой оппозиции правительству, образовала специальную комиссию, подготовившую проект декрета о фактическом восстановлении свободной торговли до 1 октября 1919 года. Но этот проект встретил жесткое сопротивление Наркомпрода, не получил одобрения Ленина и не был реализован.

В Совнаркоме в это время были увлечены другой идеей, более умеренной и более соответствовавшей принципиальным партийным установкам. После того как провалилась политика подворного учета и нормирования потребления, продовольственники начали искать иные пути проведения своей диктатуры в отношениях с крестьянством. Такой путь был найден и законодательно оформлен известным декретом Совнаркома от 11 января 1919 года о разверстке зерновых хлебов и фуража.

Поскольку государство расписалось в своей бессилии установить достоверное количество хлебных запасов, единственное, что ему оставалось сделать, это объявить точную цифру своих потребностей в хлебе, которая потом соответственно должна была развёрстываться по губерниям и уездам. Большевики отступили к опыту царского министра Риттиха. Вопреки сложившемуся мнению, раз-! верстка явилась не ужесточением продовольственной диктатуры, а ее формальным ослаблением. Она содержала очень важный элемент, а именно: изначальную заданность, определенность государственных требований, что при всем остальном ее несовершенстве было весьма существенным в отношениях с крестьянством. В этом смысле разверстка 1919 года явилась непосредственной переходной ступенью к процентному натуральному налогу 1921 года.

Вместе с тем разверстка, будучи шагом прогрессивным по сравнению с нормированием и подворным учетом, исходила не из возможностей крестьянских хозяйств, а из весьма растяжимого понятия «государственной потребности», которое составило для государственных аппетитов почву столь же плодородную, как и монополия образца 1918 года. В результате в 1920–1921 продовольственным году в своих исконных владениях Европейской России продовольственники отбирали по разверстке не только «излишки», но и самое необходимое для крестьянства.

Помимо декрета о разверстке, следствием декабрьско-январского противостояния по вопросам продовольственной политики стал ряд удивительных событий, о которых в недавнем прошлом не могло быть и речи. 21 января

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Совнаркомом был принят декрет, составленный на основе резолюции ВЦИК, в котором наряду с подтверждением государственной монополии на хлеб, сахар, чай, соль декларировалось разрешение временной свободной торговли на все остальные продукты питания, разрешалось широкое привлечение к заготовкам кооперации и использование премиальной системы. Вскоре Наркомпрод подписал с кооперативной организацией «Козерно» договор, в силу которого союз принял на себя заготовку и переработку хлеба в тринадцати хлебобродных губерниях. Аналогичный договор был заключен и с Центросоюзом. Что это означало? Это значило то, что штыки Наркомпрода сдавали свой пост в производящих губерниях кооперативному рублю!

Далее состоялись договора с различными кооперативами на заготовку других продуктов: картофеля, овощей, рыбы, льняного семени и т. д. Новые веяния в экономической политике перенесли из сферы сельского хозяйства в промышленность. ВСНХ разрабатывал проект выдачи концессии иностранному капиталу на постройку Великого северного железнодорожного пути Обь – Котлас – Сорока – Званка – Петроград. 4 февраля Совнарком признал с принципиальной точки зрения предоставление концессий допустимым, план пути приемлемым, концессию желательной, а ее осуществление необходимым.

Размах привлечения кооперации, оживление торговых отношений с деревней были столь впечатляющи по сравнению с предыдущим периодом вооруженных походов и репрессий против частноторгового аппарата, что уже начали писать:

«Даже самодовлеющие интересы того централизованного военно-бюрократического организма, который вырос за последние полтора года на месте старой России, настойчиво требуют, во имя самосохранения и защиты, быстрого подъема производительных сил государства и более или менее нормальной организации его хозяйства» [145].

На страницах меньшевистской печати появился термин «новый период экономической политики» – НПЭП и зазвучала радость по поводу краха всей политики насаждения коммунизма.

Не только шаги в области экономики, но и другое свидетельствовало о глубинном брожении в большевизме, выплескивавшемся в попытки серьезного пересмотра всей советской государственной политики. Принимая приглашение американского президента Вильсона к переговорам на Принцевых островах, советское правительство в ноте Чичерина от 4 февраля проявило большую уступчивость и решимость идти на компромиссы с империалистическими державами. Выражалась готовность признать старые российские финансовые обязательства, предоставить концессии иностранному капиталу, обсудить вопрос о территориальных претензиях и границах. Свежий ветер новой политики сквозил через частокол дипломатических оговорок ноты.

Борьба за пересмотр основ экономической политики происходила на фоне впечатляющих военных успехов Советской власти. На всех направлениях Красная армия одерживала убедительные победы: отброшен Колчак, взят Киев, разваливался донской фронт Краснова. Началось объединение России под красным флагом. Большевики встречали весну 1919 года с установками, полными противоречий, оставалось только угадывать, в какую сторону начнет распутываться этот клубок, в котором террор и война, продовольственные отряды и клятвы в верности государственной монополии тесно переплелись со стремлением к миру, союзу с трудовым крестьянством, кооперативным рынком и концессиями.

18–23 марта в Москве проходил VIII съезд РКП(б). Обстановка на нем была далеко не спокойной. Делегаты много дискутировали по содержанию новой партийной программы, намечавшей задачи партии на переходный период от капитализма к социализму, и другим важным вопросам. У иных в сознании трудно совмещалась реальность последних полутора лет с идеями и благородными лозунгами революции. Оформившаяся внутри партии группировка «демократического централизма» призывала к искоренению бюрократизма и отрыва от масс. Сам Ленин выступил с выдающейся речью, он официально провозгласил, что партия берет курс на союз со средним крестьянством. Однако курс этот, запечатленный в съездовских документах, остался таким же противоречивым и не до конца последовательным, как и все сделанное ранее. Участники съезда выражали свое недоумение в записках, которые посылали Ленину, провозгласившему: «Не смей командовать!» крестьянином. Они писали: «Как совместить шаги навстречу среднему крестьянству с практическими шагами Советской власти?», «Как согласовать лозунг добрососедских отношений с мелкобуржуазными элементами и нашу продовольственную политику, которая

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org отражается, конечно, не только на кулацких спинах, но главным образом при нашей теперешней территории на среднем крестьянстве?» [146] Ответов на эти вопросы в материалах съезда не было. Где-то в бумагах аграрной секции съезда затерялась переданная туда резолюция совещания представителей профсоюзов, призывавшая Совнарком совсем отказаться от реквизиционной политики в деревне и развивать нормальные экономические отношения, стимулирующие крестьянство.

В марте вновь были повышены твердые цены на хлеб, но политика продовольственной диктатуры с ее отрядами и реквизициями разбивала в беспорядочную мозаику мероприятия нового периода экономической политики. Как тогда говорили по поводу крестьянской политики большевиков, правая рука не ведает, что творит левая.

И все же решения VIII съезда РКП (б) получили сильный резонанс в провинции и среди крестьянства. По решению Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) была проведена широкая кампания по ознакомлению крестьян с новым курсом партии. Крестьяне доставали газеты с речью Ленина за многократную цену и внимательно изучали ее. Уполномоченные ЦК, вернувшиеся из глубинки, теперь жаловались, что если начинаешь что-либо говорить крестьянину, то он достает газету с речью и показывает:

«Вот Ленин говорит – учись у нас, а ты пришел учить» [147]. Поступали сведения о совершенно нежелательных результатах курса VIII съезда для самой партии. В Советы стали попадать и властвовать зажиточные крестьяне, под их давлением в селах распадались коммунистические ячейки. В Тамбовской губернии начались убийства и изгнание коммунистов из деревень, поджоги их домов, притеснение бедноты.

Не удивительно, что лозунги съезда вызвали непонимание и откровенное неприятие у многих партийных работников. Троцкий сообщал в ЦК партии, что на встрече с симбирскими коммунистами один ответственный товарищ публично заявил, «что середняк-де нам враг и что политика в отношении к нему должна сводиться к подачкам, подкупу и прочее...» [148].

Неприятие нового курса проявлялось не только среди местных работников, но и в кругу ведущих теоретиков партии. Бухарин на заседании уполномоченных ЦК, ездивших в мае – июне 1919 года для обследования дел на местах, высказывался предельно откровенно:

«Если говорить о социальной базе; то совершенно ясно, что мы должны показать кулак мужику и держать курс на мировую революцию. На меня самое отрадное впечатление произвел один шахтер, председатель исполкома, который мажет середняка вазелином и спереди и сзади, когда он, сжимая кулаки, говорил мне по секрету со злобой: „Когда же мы ему морду набьем?“ Бухарин заявил заседанию: „Что касается середняка, то тут мы сбились с политики. Вместо обмана мужика мужик обманывает нас“» [149].

Е. А. Преображенский, вернувшийся из Орловской губернии, полностью поддержал своего будущего соавтора по «Азбуке коммунизма». Он отметил, что крестьяне очень довольны резолюцией VIII съезда и часто ее используют, и «если бы мы вовремя не сказали: легче на поворотах, если бы мы не посадили кулачка в тюрьму, не разъяснили бы, что резолюция 8-го съезда это резолюция съезда коммунистов и поэтому будет проводиться не кулаками, положение было бы гораздо хуже» [150].

Партийные теоретики уже всеми колесами стояли на тех рельсах, которые вскоре приведут их к перлам, подобным известному бухаринскому изречению о том, что пролетарское принуждение, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи.

Пока теоретики примеривались набить морду середняку и ждали мировую революцию, плоды подобной теории и практики пожинала контрреволюция и собиралась с силами. На востоке страны Колчаку удалось собрать почти полумиллионную армию, в марте он повел новое наступление и приблизился к Волге. Войска Деникина на юге также добились значительных успехов. К весне они захватили Северный Кавказ, Кубань, часть Донской области и Донбасса – регионы, которые сразу дали южной контрреволюции существенное подкрепление в живой силе. Казачество, в отношении которого в соответствии с известной резолюцией ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года проводилась политика беспощадного массового террора, превратилась в надежного союзника

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Добровольческой армии.

Красная армия, набранная в основном из крестьян, у которых еще не вполне зажили спины от шомполов карательных отрядов периода крестьянских возмущений лета – осени 1918 года, переживала развал и отступала, несмотря на превосходящую численность и вооружение. Леса Совдепии были наводнены дезертирами, уклоняющимися от мобилизации в армию большевиков. По данным Высшей военной инспекции летом 1919 года насчитывалось около одного миллиона дезертиров и уклонившихся от воинского призыва. В этот период наиболее отчетливо отношение крестьянства к большевистской власти проявлялось именно в вопросе о военных мобилизациях. Как тогда подсчитывали: призывают 500 человек, являются 200, остаются 30 или 40. Цель явившихся на мобилизацию – обмундировался, отъелся, можно и домой.

Н. В. Крыленко, в ту пору в качестве уполномоченного ЦК и ВЦИК занимавшийся проведением мобилизации во Владимирской губернии, сообщал:

«Моя губерния будет самая последняя по числу мобилизованных волостной мобилизацией – 142 человека. Но зато ни один из них не убежал. Я видел седых стариков, которые записывались добровольцами, когда я их спросил почему, то объяснилось очень просто, это были члены комбедов, которых с кольями гнали из деревни» [151].

Он говорил это на совещании в ЦК партии в июне 1919 года, где после кампании по мобилизации собрались уполномоченные ЦК и ВЦИК по всем губерниям, подвели итоги и откровенно поделились впечатлениями о положении на местах. Первым выступил редактор «Известий» Ю. М. Стеклов, работавший в Вятской губернии. Его же выступление оказалось самым пессимистичным:

«Основываясь на опыте Вятской губернии, я утверждаю, что если не во всей России, то в чисто крестьянских и малопролетарских губерниях Советская власть вообще и коммунистическая партия в частности не имеет социальной базы. Вы не найдете там широких слоев населения, которые преданы нам, разделяют нашу программу и готовы за нас выступить. Я не говорю о кулаках или остатках буржуазии, которой там почти не осталось. Я говорю о широких массах рабочих, кустарей и главным образом крестьян. Среднюю массу и бедняков мы умудрились от себя отпугнуть, и сколько бы мы ни старались убедить крестьян, что только благодаря Советской власти они получили раскрепощение и политическое и экономическое, это не действует. Положение получается трагическое. Волостная мобилизация провалилась. Добровольческая мобилизация провалилась. Мы встретили отказы целых профессиональных союзов дать хотя бы одного человека. С крестьянами дело обстояло отвратительно. Я не скажу, чтобы там были сознательные контрреволюционные силы. Этого нет. Есть только ничтожные группки контрреволюционеров, остальная масса населения настроена безразлично, к нашей партии настроение враждебное. Во многих местах ожидают колчака. Правда, когда он подходит, настроение меняется в нашу пользу, но ненадолго. Причин этому много. Центральная причина и общероссийская – это то, что мы крестьянину фактически ничего не дали, кроме отрицательного. Как некогда город был эксплуататором для деревни и ничего не давал, к сожалению в Советской России повторяется то же самое... Мобилизации и реквизиции производятся ежедневно, забирается все. Никогда, даже в злейшие времена царского режима не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической России, такого забитого положения масс не было... Террор господствует, мы держимся только террором» [152].

Затем слово взял Н. Осинский. Он попытался развеять тяжелое впечатление от выступления Стеклова:

«Что ни губерния, то норы, и пессимистическое настроение Стеклова объясняется тем, что он был в прифронтовой губернии. В Пензенской губернии не слышно о реквизициях, потому что там нет армии. Затем относительно террора, то там это воспоминание давно минувших дней и крестьяне о нем забыли в значительной степени» [153].

Если даже и забыли, то сам Осинский им об этом напомнил. Не далее как 14 июня он лично телеграфировал в ЦК о неутешительных итогах волостной мобилизации, о том, что из 3930 призванных в наличии только 1120 человек. Не только среди крестьян, но и в профсоюзах мобилизация проходила скандально. Дезертиры и уклоняющиеся оказывали вооруженное сопротивление.

«Агитационные меры уже несвоевременны, нужны облавы, расстрелы в уездах, ибо четыре расстрела в Пензе уже потеряли влияние и отсутствие дальнейших

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org принимается как ослабление вождей... Предлагаю санкционировать кампанию решительной борьбы с дезертирством путем облав и расстрелов в уездах по четыре-пять человек злостных дезертиров под строгим контролем губернии»[154].

Боеспособность мобилизованных таким образом красноармейцев была крайне низкой. Это отмечали все, как командиры и комиссары Красной армии, так и противник. Нередко мобилизованные настаивали выдать им удостоверение в том, что они мобилизованные, а не добровольцы. В настроениях принудительно мобилизованного крестьянства заключалась основная причина того, «почему мы, располагая силами, численно превосходящими деникинские вдвое, оказываемся биты», – как писал Ленину Преображенский[155].

Ликвидация в результате революции крупных помещичьих и кулацких хозяйств была проведена при активном участии крестьянства, однако разрушение капиталистического, наиболее культурного уровня сельского хозяйства, нивелирование крестьянства имело и тот результат, что в деревне наступило царство осередняченного патриархального крестьянина с отсталым хозяйством, неразвитыми потребностями, к тому же подрезанными многолетней войной и политикой военного коммунизма. Патриархальное крестьянство натурализовывало свое хозяйство и не видело особого смысла в городе и его промышленности, тем более в самом государстве с его обременительными мобилизациями, разверстками и прочими повинностями.

Крестьянство исповедовало свою философию, имело свои цели и интересы, отличные от коммунистических программ большевиков и реставрационных устремлений белого движения. Большевики, призывавшие крестьян в Красную армию, получали записки:

«Долой Колчака, долой советскую власть»[156].

В противоположном лагере, за линией фронта тоже было беспокойно. Красноармейцы получали от белых послания:

«Товарищи красноармейцы, перебейте своих комиссаров, а мы убьем своих офицеров и вместе создадим настоящую советскую власть»[157].

Даже во времена наиболее решительных побед Красной армии в ней продолжало сохраняться примиренческое настроение. Как писал член донского комитета РКП (б) Сырцов 20 ноября 1919 года в докладе Политбюро ЦК по вопросу о предложениях мира со стороны Донского войскового правительства:

«Состояние армий Юго-Восточного и Южного фронтов таково, что слово „мир“ и хотя бы весьма отдаленная в смысле практического осуществления перспектива мира может окончательно разложить армии и подвигнет такие ее элементы, как мобилизованное крестьянство Тамбовской, Саратовской, Пензенской и др. губерний, либо на массовый, стихийный, ничем не могущий быть сдержанным уход с фронта, либо отдаст нашу армию процессу братания с казачьими и ударными добровольческими частями противника»[158].

Свежи были воспоминания о том, как в 8-й армии во время мамонтовского рейда два или три полка снялись с позиций и послали делегатов в другие части, пытаясь их тоже увлечь за собой, уверяя, что мир с казаками уже заключен. В соседней 9-й армии часты были случаи перехода на сторону казаков под лозунгами:

«Мир с казаками, казаки нам не враги»[159].

Несмотря на то, что настроения крестьянской массы играли в гражданской войне решающую роль, само по себе отдельно взятое крестьянство не представляло самостоятельной силы. Маркс справедливо считал, что парцелльное крестьянство в связи со своими особенностями не может быть самостоятельной политической силой. Его политические интересы должен представлять другой класс. Попытки крестьянства в течение гражданской войны создать нечто свое, особенное, неизбежно носили местный, ограниченный характер, как, например, движение Махно. Там же, где это движение пыталось выйти из рамок мужицкой вольницы и принять некоторые организационные формы, напоминающие государственные, как это было в «антоновщине», то оно моментально возбуждало недовольство крестьян и досрочно обрекалось на поражение.

Крестьянство не могло выступить в качестве организационной общественной силы, посему оно было обречено делать выбор между двумя враждующими сторонами. История гражданской войны свидетельствует, что после тесного знакомства с буржуазно-помещичьей контрреволюцией крестьяне делали совершенно однозначный выбор в пользу советского государства. Ф. И. Дан,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
один из лидеров меньшевизма, в конце 1920 года заметил:

«В нашей победе более всего сказалось то, что когда перед крестьянами встает призрак старого помещика, старого барина, чиновника, генерала, то русское крестьянство непобедимо, несмотря на голод, холод и глубокое недовольство советской властью. Крестьяне все силы отдают на то, чтобы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя»[160].

Осенью девятнадцатого, после непрерывной полосы неудач, в продовольственной политике большевиков наконец появляется просвет. В дни, когда белые армии на юге развивают максимальный военный успех, когда в Москву стягиваются со всей республики коммунистические отряды особого назначения и в ЦК РКП (б) ведется лихорадочная подготовка к переходу на нелегальное положение, предразверстка приносит свои первые ощутимые плоды. Причем в некоторых местах власть оказывается совершенно не подготовленной к такому обороту дел.

15 октября Дзержинский доложил Оргбюро ЦК, что по полученным сведениям от Аткарской ЧК в Саратовской губернии ссыпка хлеба идет чрезвычайно успешно, все амбары переполнены, хлеб ссыпается прямо на землю, вагонов для погрузки не хватает[161]. Без вмешательства продотрядов в Саратовской губернии за сентябрь ссыпка зерна увеличилась с 20–30 тыс. пудов до 250–400 тыс. пудов ежедневно. Председатель Саратовского губисполкома В. А. Радус-Зенькович в отчете о работе подчеркивал:

«Крестьянство определенно идет к нам, оказывает нам доверие... Деникин ужасом перед собой обратил их к нам, положительной работой мы должны закрепить за собою подошедшие к нам массы»[162].
Дезертиры стали целыми отрядами выходить из лесов и с музыкой грузиться в эшелоны, отправляющиеся на фронт.

В конце 1919 года в правительственных кругах все увереннее заговорили о том, что в сознании крестьянства «произошел перелом» в пользу Советской власти. Ленин на VIII партконференции в декабре сделал категорический вывод:

«Представители обывателей, мелкой буржуазии, тех, кто в бешеной схватке труда с капиталом колебались, стали решительно на нашу сторону, и на поддержку их мы можем теперь отчасти рассчитывать»[163].
Многочисленная крестьянская масса отдала победу в гражданской войне большевикам. Реставрации крестьянство предпочло нечто неведомое, новое, закутанное в пеленки всеобщих иллюзий, надвигающееся с властью большевиков. Но какова была роль в защите и упрочении «пролетарской диктатуры» самого пролетариата? Это вопрос более тонкий. Здесь, перефразируя слова Энгельса, можно выразиться так, что проблема «материальности» понятия «диктатура пролетариата» – это вопрос не двух-трех фокуснических фраз, а результат всестороннего изучения фактического материала.

Хорошо известна роль выходцев из рабочих в создании органов государственной власти в центре и на местах, в формировании армии (где эти рабочие преимущественно и осели навсегда), но положение и настроение их коллег, оставшихся у станка, было существенно иным. Было бы неверным придерживаться известной схемы расклада общества, согласно которой пролетариат был главной ударной силой Советской власти в борьбе против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Несомненно, что основной силой большевиков, благодаря которой они сумели одержать победу, являлась определенная часть крестьянства, заинтересованная в сохранении результатов аграрной революции и опасавшаяся возвращения старых помещиков. Напротив, рабочий класс в годы войны обнаружил большее политическое безразличие и зачастую резко выраженную контрреволюционность. Вопреки ожиданиям, заложенным в большевистской доктрине, рабочий класс России демонстрировал отчужденность от своей «исторической миссии», если при этом не удовлетворялись его насущные нужды. В подавляющем большинстве настроение наемного работника напрямую зависело от его материального положения – и в частности снабжения продовольствием. Впрочем, это никак не отразилось на теории, а лишь дало повод теоретикам типа Бухарина списывать поголовно рабочий класс в шкурники и мелкую буржуазию.

Парадоксально, но классовая политика большевиков, война с буржуазией и репрессии в отношении крестьянства более всего сказывались на рабочих. Рабочие в крупных промышленных районах голодали в полном смысле слова,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org бежали в деревню. Некоторые из крупных предприятий текстильной промышленности, особенно фабрики и заводы Петроградского района, по этой причине уже в начале 1919 года потеряли до 70 % и более всего состава квалифицированных рабочих. Но и оставшуюся часть наркомпрод не был в состоянии обеспечить пайком.

В результате неспособности власти наладить обмен между городом и деревней настроение масс кардинально изменялось. Один чекист сообщал своему начальству в Петроград, что во время отпуска в Пскове ему «пришлось встретиться со своим товарищем, металлистом завода быв. Сульдсон, который был горячим защитником Советской власти, теперь абсолютно изменился и объясняет следующее: хлеб у нас стоит 275 р. фунт, а мы получаем 83 р. в день, пайка уже не дают два месяца, завод никакой пользы не приносит именно потому, что все рабочие усматривают несправедливое к ним отношение. Буквально все заняты своими кустарными изготовлениями, как-то: зажигалки, лемехи для плуга и прочий обиход крестьян на хлеб. Заказы учреждения если и бывают, так тоже поощряются подачками продуктов ввиду явного саботажа со стороны рабочих. Из всего завода сочувствующих советской власти найдется человека 4–5, все, которые ранее подерживали, относятся пассивно. Ни на какие собрания не ходят, за исключением вопросов продовольственных. Печатники настроены еще хуже – оппозиционно... Все жалуются на лишение свободы и, главное, продовольственный вопрос»[164].

На первый взгляд подобные примеры находятся в вопиющем противоречии с фактами массового активного участия представителей рабочих в организации советского государства, обороне, пополнении рядов коммунистической партии. Но на это требуется взглянуть, так сказать, диалектически. Партия большевиков после революции стала живой тканью нового государственного организма, пропуская через себя в структуру госаппарата массы новых управленцев, вербуемых из ранее низших сословий. К началу 1920 года в партии состояло около 600.000 коммунистов. Из них, по неполным официальным данным, насчитывалось приблизительно 180.000 рабочих. Однако реальность этих цифр, особенно в отношении социальной и профессиональной принадлежности членов партии, вызывает сомнение. Социальная структура послереволюционной России не имела четких границ, находилась в процессе становления. Рабочие возвращались к крестьянскому труду, переходили в управленцы, армию. Численность действительных рабочих и крестьян в партии была гораздо меньшей, чем то фигурирует в официальной статистике.

Например, по справке о членах воронежской городской организации РКП (б) за 1920 год в рубрике «социальный состав» значится: рабочих – 809, крестьян – 132, умств. труда – 425 чел, всего – 1366. Но из другой рубрики выясняется, что из них в настоящее время на предприятиях и заводах только 58 коммунистов плюс небольшое количество в железнодорожных мастерских, то есть очевидно, что число действительных рабочих не превышает 10 % от общей численности парторганизации[165]. Остальные уже служат в ЧК, армии, продорганах, соворганах, милиции и т. п. и являются полноценными членами иерархии госаппарата, хотя, возможно, совсем недавно они еще знали себя рабочими, крестьянами и «умств. труда». Приблизительные результаты можно было бы установить и по всей республике.

Логика государственного централизма потребовала от партии большевиков стать новой привилегированной кастой, взамен упраздненного революцией старого сословного деления. Существенно, что необходимость ускоренных темпов формирования новой касты опасно упрощала ее незрелую, неотшлифованную многовековым опытом психологию. ЦК большевиков не видел ничего предосудительного в том, чтобы специальными решениями Оргбюро от 5 января и 2 сентября 1920 года обязать всех коммунистов в Красной армии и на транспорте быть осведомителями особых отделов и ЧК. На эти директивы должны были откликнуться порядка 300.000 человек, то есть около половины всех членов РКП (б) [166].

Представители группировки демократического централизма, первыми взобравшиеся на партийные трибуны с критикой народившегося советско-коммунистического бюрократизма, сокрушались:

«Государство мы хотели „опартиить“. Пришлось же в конце концов партию „огосударствить“»[167].

Придя к власти в 1917 году, большевики превратили государство в орудие достижения своих политических и идеологических целей, но и государство в свою очередь «овладело» ими, сделав большевиков плотью и кровью своей

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org системы. Воплотившись в госаппарат, большевики были вынуждены представлять и защищать помимо прочих еще и особенные государственные интересы, которые, все более развиваясь, отчуждали их от первоначальной задачи защиты интересов пролетариата и трудового крестьянства. Это последнее произошло тем более легко и незаметно для большевиков, поскольку они не имели в своем идеологическом арсенале необходимой защиты от поглощения партии агрессивной государственной структурой.

Теоретики большевиков и в первую очередь Ленин, ставя во главу угла классовую теорию и классовую борьбу, абсолютизировали значение государства, как орудия власти наиболее могущественного класса. Интересы государственной системы и привилегированных классов отождествлялись. Отсюда подразумевалось, что после захвата власти рабочей партией государство автоматически превратится в воплощение интересов всех трудящихся слоев общества, прежде всего рабочего класса. В качестве яркого образчика подобных иллюзий уместно привести слова известного Милютина на III съезде рабочей кооперации в 1919 году, где он в ответ на предупреждение Мартова о том, что главная опасность в бюрократизме, заявил:

«Если мы строим социалистический строй, то противопоставления между государством и обществом не должно быть» [168]. Ленин в своем капитальном сочинении «Государство и революция», приводя цитату Энгельса о государстве: «И эта сила, происшедшая из общества, но ставшая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство», – в которой отчетливо проступает мысль об особенной природе и интересах государства, совершенно не желает замечать ее и продолжает твердить об исключительно классовом характере государства [169].

Уже опыт первых послеоктябрьских лет показал, что ожидаемой гармонии интересов государства и трудящихся не происходит. Наоборот, в новом, неотлаженном и не связанном социальными компромиссами старой эпохи государственном механизме со всей остротой проступили черты старой бюрократической сути. Военно-коммунистическая политика укрепления государственного централизма очень быстро проявила свои противоречия с интересами не только крестьянства, но и рабочего класса.

Происходила подхлестываемая идеологией абсолютизация государственного насилия, как метода достижения целей. Большевики, придя к власти, начали пользоваться орудием государства без понимания его особенной природы и особенных интересов, будучи введенными в заблуждение внешним сходством своей цели ниспровержения эксплуатации, построенной на частной собственности, и государственным централизмом, в принципе враждебным всякому плюрализму. Централизм, как способ существования государства, составляет его непосредственный интерес. И здесь можно судить, насколько централизм расходится или совпадает со стремлением крестьянина свободно распоряжаться продуктами своего труда и интересами рабочего свободно и выгодно продавать свою рабочую силу.

В период военного коммунизма произошла незаметная подмена политики ликвидации частной собственности как источника эксплуатации, централистическими интересами государства как такового, как особенной общественной структуры. И далее уже трудно провести границу, где кончаются идеи освобождения от частнособственнической эксплуатации и начинается эксплуатация государственная. Правящая партия большевиков ассимилировала и проводила интересы государственного централизма, полагая это воплощением принципов общества трудящихся, заложив тем самым глубокую основу своих противоречий с крестьянством и рабочим классом.

Особенно откровенно это противоречие между государственным централизмом и интересами трудовой массы России стало проявляться на заключительном этапе военного коммунизма, в 1920 году. В гражданской войне крестьянство отдало предпочтение большевикам, но, как вскоре стало ясно, последние переоценили степень его поддержки. Союз военный не стал союзом экономическим, и виной тому было не крестьянство. Из факта перелома в крестьянстве в 1919 году руководство РКП(б) сделало скороспелый и неверный вывод, что отныне политика военного коммунизма должна встречать если не безоговорочную поддержку крестьян, то беспрекословное выполнение наверняка. Последовало ужесточение основ продовольственной диктатуры. В октябре 19-го Наркомпрод выдвинул три принципа, на которых впредь должен был строиться всякий государственный товарообмен с деревней:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org «Об индивидуальном товарообмене не может быть и речи... Также должна быть исключена премиальность... Равным образом исключается всякая эквивалентность» [170].

Это означало конец попыток налаживания экономических отношений с крестьянством и превращение заготовок в простую натуральную повинность, обеспечиваемую вооруженными силами Наркомпрода. Это более чем что бы то ни было, приблизило продовольственную политику к вершинам военного коммунизма, но вместе с тем оттуда уже открывались и далекие горизонты новой экономической политики.

В целом 1919 год оканчивался для Советской республики очень удачно. Военная опасность была устранена. Разбит Юденич, стремительно откатывались к берегам Черного моря войска Деникина, далеко на востоке отступали остатки колчаковской армии. К декабрю определилась реальная перспектива длительного мирного этапа.

Курс на непосредственный переход к социализму и кризис начала 1921 года

Но 1919 год принес не только победы. За два года власти большевиков вполне сложилась централизованная командно-административная система управления экономикой и обществом (насколько это было возможно в условиях крестьянского сельского хозяйства) со всеми вытекающими последствиями. Скованная инициатива и подавленные интересы местной власти, производственных коллективов и индивидуальных производителей породили протест и широкую оппозицию административному централизму, в русле борьбы с которым разворачивались основные события на VIII конференции РКП (б) и VII Всероссийском съезде Советов, состоявшихся в начале декабря 1919 года.

На партийной конференции Т. В. Сапронов, признанный лидер группировки децистов, выступил с платформой «демократического централизма» против официальной платформы ЦК партии. Сапронов утверждал, что отношения центра с периферией самый важный и злободневный вопрос. Нет, двойной зависимости, сплошной диктат центра, особенно в продовольственном деле, утверждал он [171]. В прениях отмечалась повсеместная атрофия Советов и их органов, начиная с деревенских и заканчивая Президиумом ВЦИК. Делегаты с мест в подавляющем большинстве выступали против сложившейся жесткой централизованной системы управления. Одобренная большинством конференции, платформа децистов предусматривала частичное возвращение советским органам реальной власти на местах, ограничение произвола центральных учреждений. Она одержала победу и на VII съезде Советов, на котором развернулась основная борьба против «бюрократического централизма» за «демократический централизм». Удар, нанесенный решениями VII съезда Советов по централизму, послужил толчком к активизации сил в госаппарате и партии, критически настроенных к тем или иным аспектам военно-коммунистической политики.

Вне сомнений, что изначально политика военного коммунизма, несмотря на ее издержки, была продиктована необходимостью. Но, как считал великий диалектик Гете, рано или поздно любое благо превращается во зло, и для истории всегда было одной из самых сложных проблем определение момента подобного превращения. То есть решение вечного вопроса о границах разумного применительно к конкретному историческому этапу. Вопрос этот умозрительный и поэтому трудноразрешимый, ибо у историка нет необходимых божественных свойств доказать свою правоту экспериментально на практике. Остается лишь выбирать верные критерии и ссылаться на неопровержимые факты. На наш взгляд, многочисленные спонтанные выступления за пересмотр политики военного коммунизма, имевшие место не только в обществе, но и в советском руководстве, в конце 1919 – начале 1920 года и все последующие события года свидетельствуют о том, что «безумством мудрость стала, злом – благое» именно тогда, в течение мирной передышки, когда, по известному выражению большевистского историка М. Н. Покровского, экономика «должна была плясать под дудку политики». Вообще-то российская экономика стала приплясывать под эту дудку с самого Октября 1917-го и к весне 1920 года, когда от нее потребовали пойти вприсядку, уже успела заметно обессилеть.

Несмотря на то, что к этому времени государству удалось в значительной степени сконцентрировать материальные ресурсы и добиться от крестьян хлеба по разверстке, для многих работников, связанных с хозяйственными проблемами, была очевидна чрезвычайность принудительных мер, которые подрывали социально-экономическую базу государства. Прозорливец и теоретик Осинский спрашивал тогда в частной записке у Ленина, не кажется ли ему, что пролетарская государственная власть представляет собой не более чем

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org какое-то «промежуточное звено», ибо ее социальная база «кажется слишком узкой» и «не опасно ли сводить себя на положение такого звена?».

«Очень трудно себе представить, что из этого бывает (т. е. как скоро мы от этого можем слететь). Показать это может только опыт, но пробовать немножко боязно» [172].

Боязно было не только Осинскому, но и многим другим в советском руководстве, поэтому мирная передышка была отмечена неоднократными попытками в верхах приступить к кардинальному пересмотру военно-коммунистической политики в экономике. После VII съезда Советов Президиум ВЦИК немного ожил и попробовал развернуть деятельность по превращению себя в настоящий рабочий аппарат и реальный орган власти. В конце декабря он учредил несколько важных комиссий по экономической политике и тем самым немедленно вступил в противоречие с ЦК партии, который свято хранил свою монополию на подобного рода мероприятия. 17 января 1920 года Политбюро ЦК предложило Президиуму ВЦИК распустить комиссию по разработке основ хозяйственной политики и впредь не назначать подобных комиссий самостоятельно.

Подавляющее большинство ВЦИКа состояло из коммунистов, поэтому в работе его февральской сессии, на которой Президиуму все же удалось внести в повестку ряд важнейших вопросов, включая вопрос о продовольственной политике, сыграло исключительную роль положение нового партийного устава о статусе комфракций во внепартийных учреждениях. Фракции были поставлены под полный контроль партийных комитетов и действовали в духе партийной дисциплины. На сессии прения происходили не на пленарных заседаниях, а на фракции под контролем ЦК. Тем самым роль высшего органа Советской власти была сведена к формальным процедурам. Курс VII съезда Советов на оживление органов Советской власти не состоялся.

В начале 1920 года волна критического отношения к экономической политике ЦК и Совнаркома захватила также и руководство ВСНХ. В первых числах января председатель Президиума ВСНХ Рыков предоставил возможность члену Президиума Ю. Ларину, имевшему прочную и заслуженную репутацию противника продовольственной диктатуры, в полной мере развернуть свои способности. Ларин возглавил группу работников ВСНХ, которая подготовила проект перехода от продрозверстки к «комбинированной» системе, предполагавшей наряду с сохранением принудительного отчуждения части продуктов у крестьян широкое использование товарообмена по рыночным эквивалентам. Тем самым, в менее развитой форме, предвосхитив первоначальную формулу НЭПа, данную через год на X съезде РКП (б).

Несмотря на резко отрицательную реакцию Политбюро и в частности Ленина, потребовавшего от Рыкова «укоротить Ларина» [173], Ларин внес соответствующую резолюцию на III съезд Совнархозов, состоявшийся в конце января. Съезд единогласно принял предложенную резолюцию, но вследствие позиции ЦК партии она абсолютно не получила никакого отражения на практике и даже не была разрешена к опубликованию. Самого Ларина вывели из состава Президиума ВСНХ.

Наряду с течениями, подмывающими и подрывающими устои военного коммунизма, с самого начала мирной передышки период постепенного вызревания и укрепления переживала идея, которая без труда завоевала официальное признание. Эта идея последовательно развивала политику военного коммунизма, воплотившись в план проведения всеобщей милитаризованной трудовой повинности, который должен был надстроить над политикой принудительного изъятия продуктов у крестьян систему принудительного труда в промышленности. По докладу Рыкова на февральской сессии ВЦИК, к началу 1920 года насчитывалось уже около 4000 национализированных предприятий, тогда как год назад было только 1000. Национализированные предприятия представляли собой опорную базу для проведения системы милитаризации промышленного труда.

Во главе всего дела стал Троцкий. На той же сессии ВЦИК он объявил свое кредо:

«Все разговоры о свободном труде мы разбиваем и разрушаем, как пережиток буржуазного строя, основанные на лживых предрассудках и на всемерной лжи. Мы не знаем свободного труда... мы представляем собой государство, которое является и считает себя несвободным по отношению ко всем гражданам, но оно в свою очередь не предоставляет свободы этим гражданам» [174].

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Троцкий не был эксклюзивным творцом идеи милитаризации труда и создания трудовых армий, архивы свидетельствуют, что подобные аракчеевские проекты в то время стихийно и густо появились из глубин военно-коммунистического сознания воодушевленных обладателей кожаных комиссарских тужурок. Но именно ему было поручено возглавить специальную комиссию, которая принялась разрабатывать стратегию военного штурма мирного строительства. К середине января эта линия получила свое оформление и начала непосредственно влиять на экономическую политику как признанный ЦК РКП (б) курс.

Однако на очередном этапе решительный настрой Троцкого дал сбой. Многие исследователи совершенно справедливо подчеркивают крайнюю неоднозначность и противоречивость его фигуры. Троцкий-военный и Троцкий – апологет мировой революции в начале мирной передышки разрабатывает политику применения диктаторских и военных методов приступа к социалистическому строительству, но когда Троцкий-хозяйственник в это же время в качестве председателя I Трудовой армии сталкивается с конкретными экономическими проблемами, он (по его словам) приходит к выводу о необходимости отказаться от военного коммунизма и «во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т. е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок» [175].

Конечно, сомнительно, чтобы весной 1920 года Троцкий мог вот так свободно рассуждать о судьбе военного коммунизма и о необходимости рынка, тем не менее несомненно то, что в записке о сельскохозяйственной политике, направленной в ЦК 20 марта, он действительно предложил перейти от разверстки к налоговой системе и индивидуальному товарообмену в хлебных регионах страны. Но и в этом случае Ленин вновь подтвердил себя категорическим противником преобразований, и большинством голосов в ЦК предложения Троцкого, обвиненного притом во «фритредерстве», были отвергнуты.

В этот период настроение большинства партийного руководства, еще переживавшего эйфорию от победы над белой контрреволюцией, было очень далеко от помыслов об «уступках» кому бы то ни было. Наоборот, это настроение от низшей отметки начала осени 1919 года, от забот по заготовке нелегальных паспортов и конспиративных квартир, к весне 20-го года воспарило столь высоко, что не было никакого удержу от похвальбы в том духе, что-де наша, большевистская революция отличается от всех прежних революций тем, что в ней нет утопизма. Массы еще разговаривали, а не предъявляли ультиматумы, поэтому потребность в изменении политики носила во многом умоуверительный характер и нуждалась в государственной мудрости. Однако умеренность в собственных силах и переоценка возможностей военно-коммунистической системы оказались настолько сильны, что еще почти на целый год притупили у большинства ЦК большевиков восприятие реальности, и ведущую роль здесь сыграл, конечно, сам Ленин. Да и для Троцкого потребность перехода к новой экономической политике также оказалась недостаточно осознанной, поэтому он легко отступил от своих предложений и стал последовательным приверженцем государственного принуждения вплоть до 1921 года.

IX съезд РКП(б), состоявшийся 29 марта – 5 апреля 1920 года, явился вехой очередного крупного этапа в совершенствовании военно-коммунистической системы. В первую очередь его главнейшие решения о милитаризации промышленности и транспорта тяжелым бременем легли на остатки рабочего класса, закрепостив его на предприятиях. «Единый хозяйственный план», «милитаризация», «единоначалие», «военные методы работы» – вот круг тех понятий, которыми был намечен курс IX съезда и которые в тех условиях с разных углов зрения означали одно – усиление государственного принуждения во имя строительства социализма [176].

IX съезд открыл новый и последний этап в истории военного коммунизма. В этот заключительный период идея непосредственного перехода к социализму военно-коммунистическими методами начинает наиболее очевидно довлеть в планах и политике большевиков, вопреки уже ясно определившейся общественной потребности в новом курсе. Ставка руководства на принудительные методы, установка на окончательное истребление рыночных отношений, денежной системы и т. д. приходят в открытое противоречие с интересами подавляющей части общества. Это противоречие проявилось в ряде ключевых моментов, когда правительственная политика столкнулась с усиливающимся недовольством рабочих и крестьянских масс и усилением соответствующих настроений в руководящем слое общества.

К лету 1920 года потребность в изменении продовольственной политики стала на местах настолько очевидной, что даже в консервативной среде продовольственных комиссаров появляется множество сторонников отмены продовольственной диктатуры. Это продемонстрировало состоявшееся в июне – июле 2-е Всероссийское продовольственное совещание, на котором происходила борьба за выбор стратегии на предстоящую продовольственную кампанию. Вопрос стоял так: либо переход к продналогу, либо ужесточение продовольственной диктатуры и укрепление государственной монополии. Несмотря на то, что руководству Наркомпрода удалось настоять на втором варианте, сделать это удалось с огромным трудом, при поддержке партийных органов.

В течение 1919–1920 годов в сфере обязательных государственных разверсток оказались почти все основные продукты питания, а также некоторые виды промышленного сырья: лен, шерсть, кожи и т. д. Размеры обязательных поставок с каждым годом возрастали. «Разверстка должна охватить все», – так формулировали свою задачу в Наркомпрод в соответствии с установками общего курса на развитие военно-коммунистической системы. Наркомпрод с его репрессивным аппаратом превращался в стержень всей советской экономики. В этот период Ленин вновь возвращается к идеям провалившегося декрета 1918 года: «Надо, чтобы ни одного лишнего пуда не было ни у одной крестьянской семьи... чтобы излишки хлеба были полностью сданы государству рабочим», – говорил он в октябре 1920 года на III съезде РКСМ[177].

На усиление реквизиционной политики и почти полное отсутствие государственного обмена с деревней крестьяне отвечали резким сокращением производства. В сочетании с уменьшением посевных площадей, стремление Наркомпрода путем разверсток добиться полной монополии на продукты приводило к еще большему разрушению хозяйств, поскольку, особенно в Европейской России, реквизиции подвергались уже не только «излишки», но и семенной материал и необходимое для питания крестьянской семьи. Сохранение и развитие политики продразверстки в 1920–1921 продовольственном году фатальным образом предопределило наступление страшного голода 1921–1922 годов в наиболее эксплуатировавшихся регионах и гибель миллионов людей.

Отказ большевиков пересмотреть после окончания основного этапа гражданской войны свою аграрную политику вызвал соответствующую реакцию в настроениях крестьянства. Вначале оно предприняло попытку найти легальные способы борьбы за свои интересы. В первой половине 20-го года по всей стране наблюдается стихийное стремление крестьян к объединению в крестьянские союзы. В марте на 11-м Московском губернском съезде Советов они заявляли докладчику Бухарину:

«Наша Советская власть победила мировой империализм при поддержке крестьян. Для дальнейшей совместной работы необходимо дать право беспартийным крестьянам объединиться в какой-либо крестьянский союз, под флагом которого крестьяне могли бы защищать свои экономические интересы»[178]. Бухарин назвал идею крестьянского союза антисоветской. Повсеместно инициаторы таких союзов оканчивали свою политическую карьеру в чрезвычайках. Ко второй половине 20-го года, особенно когда крестьянство с объявлением новой разверстки убедилось, что государство расценило его прошлогодний поворот в сторону Советской власти не как основу для взаимного сотрудничества, а как повод для дальнейшего ужесточения принудительной политики, в сознании крестьян начинает происходить новый перелом.

Сибиряки, с нетерпением ожидавшие в 1919 году прихода Красной армии, летом 1920 года уже начинают подниматься на восстание, вновь начинается уход в партизаны. Сибревком озабочен тем, как разоружить алтайских коммунистов, преимущественно крестьян, которые в прошлом году массами записывались в партию. В центральных губерниях отмечается новое явление. Владимирский губком в отчете ЦК сообщал:

«Если раньше продовольственный вопрос стоял гвоздем порядка дня всех крестьянских съездов, собраний и конференций, то за последнее время этим гвоздем стал „текущий момент“. Кулачье сумело сорганизоваться не только в волостях, но прибыв и на губернскую беспартийную конференцию, проявило демагогические выходы, вплоть до отказа помощи фронту, требования прекращения войны, учредилки, свободной торговли, отмены трудовой повинности и т. д.»[179].

Таких примеров немало и по другим губерниям.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Не добившись уступок от советского государства и потеряв альтернативную точку опоры с разгромом основных сил контрреволюции, крестьянство начало предпринимать попытки самостоятельно, силой повлиять на большевистскую политику. В августе начинается восстание в Тамбовской губернии, известное как «антоновщина». Усиливается движение по всем регионам страны. Информационные сводки ВЧК за вторую половину 1920 года свидетельствуют, что в республике не осталось практически ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени так называемым бандитизмом.

Настроение городских рабочих было не многим лучше. Например, в Киеве, в мае, после начала польского наступления, губком партии и профсоюзы попытались провести 25 %-ую мобилизацию рабочих на фронт. Мобилизация провалилась. По словам секретаря губкома М. Рафеса, на одном заводе при голосовании резолюции все до одного рабочие воздержались.

«На другом была принята резолюция, что рабочие пойдут, если будет мобилизована буржуазия, а также в панике бегущие советские служащие» [180]. С советско-польской войной связан характерный внешнеполитический рецидив военного коммунизма. Речь идет о печально известном марше на Варшаву. В данном случае не имеют значения оперативные подробности этого эпизода войны с поляками, важен общий замысел операции, начавшейся в дни работы II Конгресса Коминтерна. Наиболее точно ее суть выразил Троцкий в выступлении на — партконференции в сентябре, где в бурной дискуссии происходил поиск виновных в поражении под Варшавой. Отводя потоки обвинений от себя и от командования Западным фронтом, безлико намекая на ЦК, он сказал, что «нам задача была дана прощупать под ребра белую Польшу, прощупать так крепко, чтобы из этого, может быть, получилась бы Советская Польша» [181]. Троцкий поостерегся прямо указать на Ленина, как главного вдохновителя варшавской авантюры, но тот сам вскоре косвенно подтвердил, что замысел операции был намного шире разумения простого командующего фронтом и даже РВС республики:

«Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир» [182].

К. Х. Данишевский, первый председатель российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей, в неопубликованной части своих воспоминаний определенно указывает, что еще в конце августа Ленин не отказался от мысли возобновить движение на запад. Он связывал с этим возможность развертывания революционного движения в Германии, которое проявилось во время неудачного марша на Варшаву, когда Красная армия сумела вплотную подойти к германской границе. «Конечно, революция в Германии куда важнее революции в Польше», — подчеркнул Ленин в разговоре с ним [183].

Для исполнения этого замысла командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский подходил как нельзя лучше. По всей видимости, в его карьере немалую роль сыграла характеристика, которую ему, еще командующему 5-й армией Восточного фронта, дал председатель Сибревкома И. Н. Смирнов:

«Командарм Тухачевский — 28 лет, с 1917 года в партии, человек безусловно свой, смелый до авантюризма. Мягкий, поддающийся влиянию, с тактичным комиссаром будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом» [184].

Для похода в Европу необходим был именно такой, талантливый, смелый до авантюризма и одновременно послушный командующий. В одном из своих приказов по фронту Тухачевский провозгласил: «На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству». Но Европа враждебно встретила посланцев счастья. Красноармейцы, принимавшие участие в походе, говорили, что убедились, что поляки, в том числе и рабочие, не хотят советского строя. «За Бугом в нас стреляли и старый и малый», — писал один солдат в письме, переданном Троцким Ленину. Это сильно деморализовало армию, солдаты недолго войной, устали. «Солдатская масса всецело против этой войны», — говорилось в нем [185].

Гражданское население на театре военных действий также переживало сложные чувства. Командированный ответработник, побывавший в освобожденных районах, отмечал, что население явно предпочитает Польшу Советской России. «Нигде антисоветское настроение не так ярко, как в местах, освобожденных от поляков, ибо экономически эти места сильно оживились во время оккупации» [186]. В частях Красной армии дело дошло уже до того, что в конце октября, во время волнений в нижегородском гарнизоне, на беспартийной конференции около 50 красноармейцев осмелились открыто подать голос за

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Врангеля[187]. Но подобные тревожные сигналы растворялись в подавляющем самоуверенном настроении партийно-государственного руководства.

Еще ни разу за три послеоктябрьских года советское правительство не чувствовало такой уверенности и прилива сил, как в последние месяцы 1920 года. В октябре были заключены предварительные условия мирного договора с Польшей и прекращены военные действия на Западном фронте. В ноябре Красная армия победоносно завершила борьбу с буржуазно-помещичьей контрреволюцией, опрокинув в Черное море врангелевские войска. На хозяйственном фронте отлаженный продовольственный аппарат ударными темпами вел выкачку хлеба у крестьян и гнал его в промышленные районы. Продовольственный паек рабочих Москвы и Петрограда приобрел небывалые для последних лет размеры и регулярность. Население в промышленных центрах стало прибывать. Возвращались рабочие, призываемые по трудовым мобилизациям на оборонные предприятия. Из беспокойной провинции потянулись старожилы – обыватели, стремящиеся вновь обрести спокойное русло столичной жизни, крестьяне, которых гнал в город неурожай минувшего лета. Накормленные рабочие увеличивали производительность труда. Промышленность в ноябре – декабре начинает наращивать выпуск продукции, на 1921 год планируется почти двойное увеличение производства. Знаменитый приказ № 1042 наркома путей сообщения Троцкого принес ощутимые результаты, и самый разрушенный участок народного хозяйства – железнодорожный транспорт также переживал подъем. Сократилось количество «больных» паровозов и вагонов, увеличился объем перевозок.

Ввиду ослабления внешней опасности партия большевиков позволяет себе обратить больше внимания на накопившиеся внутренние противоречия и разногласия. Осень 1920 года прошла под знаком нараставших дискуссий в партийном, руководстве и коммунистических организациях по накопившимся проблемам партийного и государственного строительства.

После принятия на себя функций государственного управления партия большевиков унаследовала и даже приумножила недостатки, присущие всякому аппарату управления: бюрократизм, неравенство, привилегии. В Советской России складывание строго централизованной партийно-государственной системы в основном относится к началу 1919 года. В это же время преобразуется и ЦК РКП (б), в его составе появляются постоянно работающие органы Политбюро и Оргбюро ЦК. Довольно откровенную характеристику установившейся формы правления дал сам Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»: Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия. Партией руководит выбранный на съезде Центральный комитет, причем текущую работу приходится вести еще более узким коллегиям – Оргбюро и Политбюро, избираемым на пленарных заседаниях ЦК в составе пяти членов ЦК в каждое бюро. «Выходит, следовательно, самая настоящая „олигархия“», – хотя и в кавычках, но все же вынужден был признать Ленин[188].

Сторонние наблюдатели давно уже сняли все кавычки с самых неприятных слов и эпитетов в адрес кремлевской верхушки и очень сурово и зло характеризовали то явление, в которое за три года власти превратилась партия большевиков. Украинский социалист Винниченко, одно время пытавшийся найти общий язык с большевистским руководством, писал в дневнике, что РКП(б) – это огромный аппарат чиновников и бюрократов, которым руководит небольшая группа – Политбюро и Оргбюро ЦК.

«Централизовано в этой кучке все... Революция мертвеет, окаменевают, бюрократизируется... Исчез энтузиазм, задор, размах. Везде воцарился безъязыкий чиновник, некритичный, сухой, трусливый, формалист-бюрократ... Большинство комиссаров, чиновников и учреждений воруют и берут взятки. Везде формализм и волокита невероятные»[189]. В дневнике Винниченко среди множества подобных нелестных выражений находим слова, обращенные непосредственно к Ленину. Он пишет, что в теории коммунизм отвергает святость авторитетов, но в действительности авторитет отдельной персоны никогда не был так велик, как теперь[190]. Действительно, личное значение и влияние вождя революции было несоизмеримо с остальными членами олигархической партийной верхушки. Представители оппозиционной партийной группировки демократического централизма (децисты), отражавшие недовольство массы партийных и советских функционеров образовавшимся разрывом между ними и высшим руководством ЦК, также критически замечали, что в сложившейся системе «пролетарского единодержавия» личность общепризнанного вождя товарища Ленина играет исключительную роль, причем «у вождя пролетарской диктатуры политические интересы и способности подавляюще

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org господствуют над организационными. Забота об обеспечении политически надежными и послушными людьми, чисто „деловыми фигурами“, руководящих мест, господствовала у тов. Ленина еще в эмигрантскую эпоху и особенно проступила за последние годы. На этой почве создается подбор людей, связанных эмигрантскими кружковыми связями (причем здесь политическая надежность в массе случаев противоречит революционно-пролетарской воздержанности и порядочности), а также безыдейных работников, легко подчиняющихся, вследствие внутренней разложенности», – писали децисты в 1920 году и подчеркивали, что естественным следствием развития единоподержавных форм и системы крайней вертикальной централизации является «бюрократическое перерождение верхушек правящего аппарата»[191].

В июле 1920 года партийное руководство было взбудоражено появлением письма секретаря ЦК Е. А. Преображенского о симптомах разложения партии, впоследствии названного письмом о «верхах и низах», в котором тот указывал на обострившуюся после IX съезда партии борьбу низов партии с ее верхами в ряде губернских парторганизаций. Низы выступали с призывами против переродившихся лжекоммунистов, партийных генералов и шкурников, повсеместно звучал лозунг: «Долой привилегированную касту коммунистической верхушки!» В самой Москве слово «кремлевский» произносилось коммунистами с враждой и презрением[192]. Преображенский особо отмечал опасность раскола среди коммунистов. Тревога по поводу внутреннего состояния партии нашла отклик в Центральном комитете, и результатом стало обсуждение проблемы на IX партконференции, которая постановила образовать ЦКК – Центральную контрольную комиссию, чьей важнейшей обязанностью стало следить за единством партийных рядов и бороться со злоупотреблениями членов партии.

К концу 1920 года дискуссия о «верхах и низах» органично перешла в русло более широкой общепартийной дискуссии о профсоюзах. Троцкий, окрыленный своими успехами на транспорте, 3 ноября на заседании комфракции V Всероссийской профсоюзной конференции бросает лозунги «огосударствления профсоюзов» и «завинчивания гаек военного коммунизма». Его более осторожные товарищи по ЦК, не склонные экспериментировать с пролетариатом, стоят за сохранение статус-кво профсоюзов и даже допускают возможность расширения рабочей демократии, но в области отношений с крестьянством готовят не менее радикальный проект, который стал мощным заключительным аккордом политики военного коммунизма.

Ленин, отрекшись от своих же слов, сказанных им на VIII съезде РКП(б), что «нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»[193], активно поддерживает зародившуюся в недрах Наркомпрода идею широкомасштабного применения государственного принуждения в сельскохозяйственном производстве, которая в конце декабря 1920 года принимает свое законодательное выражение в постановлении VIII Всероссийского съезда Советов о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства. Постановление предусматривало введение принудительных мер в отношении крестьян с целью заставить их прекратить сокращение посевной площади и улучшить качество обработки земли. На этом же съезде в ответ на неоднократные предложения, как со стороны меньшевиков и эсеров, так и со стороны части комфракции, отказаться от политики разверстки и перейти к системе продналога, Ленин хладнокровно ответил, что не видит в этом «ничего конкретного и делового»[194].

Параллельно идет волна декретов Совнаркома в плане «ликвидации» денег. В конце 1920 – начале 1921 года отменяется оплата городским населением государственных услуг по снабжению продовольствием, ширпотребом, топливом, медикаментами, плата за жилье, пользование телеграфом и телефоном. ВСНХ национализировать остатки мелких предприятий, Моссовет окончательно закрывает Сухаревку и разгоняет мелких торговцев на Смоленской и Каланчевской площадях. Теперь уже малейшие проблемы сомнений тонут в необычайно дружном хоре голосов народных комиссаров и прочего руководства, уверенного в скором и непосредственном переходе к социалистическому строительству.

В конце 1920 года современники отмечали, что в облике Ленина в первую очередь бросалась в глаза его переутомленность, на щеках появились прожилки, чувствовалось большое напряжение и невероятная усталость. Зав. экономическим отделом «Известий ВЦИК» Г. Я. Рохович в своих письмах умолял Ленина «отвоевать» у своей партии передышку на хозяйственном фронте.

«Если бы Вам задали вопрос: через сколько времени Вы полагаете превратить всю Россию в чисто коммунистическую страну, то Вы, наверное, ответили бы,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org что это произойдет минимум лет через 30–40. Между тем все мероприятия Советской власти в хозяйственной области носят такой характер, как будто в России уже 30–40 лет существует полнейшая коммуна» [195]. На исходе 1920 года государственная воля стремилась выжать из системы военного коммунизма максимальное ускорение и помыслы власти были устремлены далеко вперед, что не позволяло заглянуть за внешнюю оболочку сложившейся ситуации и понять, что основные узлы общественного механизма находятся на грани разрыва. Даже от очевидных проблем предпочитали отмахиваться, достаточно сказать, что вопрос о тамбовском восстании впервые был рассмотрен в ЦК лишь в начале 1921 года, только через пять месяцев после его начала.

Внешнее благополучие было самым резким образом нарушено со вступлением страны в 1921 год. Буквально с новым годом кризис перешагнул через грань своего подспудного созревания в открытую форму, и первый его удар пришелся по стальным артериям республики – железнодорожному транспорту, который начал катастрофически снижать объем перевозок из-за недостатка топлива. Проблема топлива оказалась напрямую связанной с отношениями с крестьянством и продовольственной политикой. Заготовка дров методом хозяйственного подряда, ввиду его «капиталистического» характера, была упразднена осенью 20-го. Принудительное привлечение крестьян к лесозаготовкам давало весьма незначительный эффект – около 30 % от задания [196]. Шахтеры Донбасса, которые только и видели что хвосты хлебных маршрутов, проносившихся с Северного Кавказа в Центр, не работали, разворовывали остатки угля для обмена на продовольствие.

В первых числах января стали ощущаться перебои с хлебом в Москве и Петрограде. Выяснение причин показало, что все резервы продовольствия в разоренной Европейской России исчерпаны и надежда остается только на подвоз с отдаленных окраин – Сибири и Северного Кавказа. В это же время помимо нехватки топлива развитию перевозок начало препятствовать еще одно, более грозное обстоятельство. На тамбовщине, в Поволжье, Сибири и других местах ширилось повстанческое движение крестьян, не согласных с продовольственной политикой государства. Их отряды целенаправленно разрушали железнодорожные пути, затрудняя и без того обессилевшее транспортное обращение. Волна крестьянских восстаний в течение января нарастала стремительно, намечался очередной изнурительный этап гражданской войны. В одной Сибири количество повстанцев намного превосходило численность расположенных там частей Красной армии [197]. По воспоминаниям секретаря Сиббюро ЦК РКП (б) Данишевского, полтора месяца связь Сибири с Москвой была только по радио. На X съезд партии сибирская делегация ехала вооруженной «до зубов», готовая к прорыву с боем [198].

Сами по себе плохо вооруженные крестьянские отряды не представляли особой угрозы государству. Оно намеревалось поступить с ними так же, как и со многими сотнями разрозненных выступлений, случавшимися и раньше. Но после разгрома Врангеля крестьянство нашло себе мощного союзника в лице Красной армии, которая на 90 с лишним процентов состояла из тех же крестьян и на ее состоянии непосредственным образом отражалось брожение умов в деревне. Победоносная Красная армия оказалась ненадежным орудием в борьбе против новой волны повстанческого движения. С наступлением зимы настроение в воинских частях приобрело очень беспокойный характер. Из охваченной восстанием Сибири в Москву летели просьбы отозвать «разложившиеся» сибирские дивизии и прислать хотя бы оборванные и голодные, но верные воинские части.

Одновременно с этим проходила демобилизация. Демобилизованные красноармейцы, возвращаясь на родину, находили свои деревни в полной нищете и отчаянии и прямоком направлялись в отряды восставших. Потом, на X съезде партии, Ленин признает, что демобилизация Красной армии дала повстанческий элемент в «невероятном» количестве.

1 марта 1921 года московские газеты внезапно аршинными заголовками заверещали о подъеме на борьбу с какой-то «новой» контрреволюцией. Слово «Кронштадт» появилось с 3 числа. Восстание гарнизона морской крепости Кронштадт и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота, по заключению самой следственной комиссии ВЧК, «явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петербурга, вспыхнувших в 20-х числах февраля» [199]. В петроградском гарнизоне тоже сложилось критическое положение, голодные обмороки солдат приняли массовый характер. «Очень часто красноармейцы просят милостыню по дворам», – сообщал

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org 11 февраля в РСФСР и ЦК партии секретарь губкома Зорин[200].

Кронштадтское восстание представляло собой самую серьезную опасность. Оно могло сыграть роль детонатора к тому горючему материалу, который представляла из себя Россия к весне. Многочисленные корреспонденты сообщали в то время в ЦК из разных мест, что обстановка поразительно похожа на ситуацию весной 1918 года, перед самым началом чехословацкого мятежа. Сохранились сведения о том, что как только просочились слухи о событиях в Кронштадте, повсеместно стал наблюдаться массовый отъезд чиновной партийно-советской бюрократии. Очевидец из Екатеринослава вспоминал, что публика произносила слова: «Кронштадт восстал!», созвучно словам: «Христос воскрес!» Базарные спекулянты стали дерзко разговаривать с милицией, а большевики начали откуда-то доставать хлеб и распределять среди рабочих наиболее опасных заводов[201].

Петроградские и московские волнения докатились и до Поволжья. В Саратове по инициативе оживших меньшевиков и эсеров рабочие заводов и железнодорожных мастерских стали проводить митинги, на которых обсуждалась и одобрялась переданная им резолюция собрания рабочих и служащих московского участка Рязано-Уральской железной дороги, в которой содержался призыв к всеобщей политической стачке за замену большевистской власти коалиционным правительством и последующим созывом Учредительного собрания[202]. В Башкирии из секретных источников ЧК стало известно, что местные националисты во главе с башкирским наркомом по военным делам Муртазином после сообщений о Кронштадте приготовились к выступлению и ждут сигнала из Москвы.

«План адский – предварительно вырезать группу ответственных работников»[203].

Однако политический кризис в стране в начале 1921 года не приобрел достаточной силы, способной свалить партию большевиков. Почти за месяц до Кронштадта, в первых числах февраля, ленинское руководство сумело стряхнуть с себя гипноз военно-коммунистических установок и осознано необходимость радикального изменения политики. К февралю же относятся и первые практические мероприятия по свертыванию продовольственной диктатуры и отмене продразверстки, которые получили свое официальное подтверждение в резолюции X съезда РКП (б) от 15 марта «О замене разверстки натуральным налогом», ознаменовавшей переход общества от военного коммунизма к новой экономической политике.

Глава III Между революцией и реакцией – крестьянство в гражданской войне

За исключением новоиспеченных комиссаров и их окружения, единственной непосредственно и немедленно выигравшей от Октябрьской революции общественной силой было крестьянство. Осуществились его вековые чаяния о земле, о том, что право пользования землей принадлежит только тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, как декларировалось в утвержденном ВЦИКом 27 января (9 февраля) 1918 года Основном законе о социализации земли. Деревенский мир, взбудораженный хлынувшими с фронта солдатами, немедленно принялся за дележ помещичьей и «мироедской» земли, попутно занимаясь грабежом и разорением старинных дворянских гнезд.

Собственно еще до Октября в 1917 году по России прокатилась волна погромов помещичьих усадеб. В Самарской губернии, где площадь помещичьих земель составляла 2/3 всей площади губернии, погромы распространились и достигли своей кульминации осенью 17-го года. И дело не в том, что крестьяне не понимали своего вандализма по отношению к историческим и культурным памятникам помещичьей архитектуры. На опыте 1905–1906 годов у крестьянского мира сложилось твердое убеждение в том, что помещика не выживешь, а если выживешь, то он опять вернется, если не стереть с лица земли его имя. По свидетельству левозэсеровской газеты «Знамя труда», когда в 1917 году в Усманском уезде Тамбовской губернии земельный комитет предписал волостным комитетам взять на учет имения помещиков, оставив их прежним владельцам, крестьяне очень встревожились и решили разграбить имения дотла, говоря, что иначе помещиков не выкурить[204]. Разорение имений и передел земли зачастую сопровождалось просто уничтожением помещиков.

Так, например, в Черниговском уезде была зверски убита целая семья, 12 человек. Когда раненые, еще недобитые жертвы умоляли дать им воды, крестьяне отвечали:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
«Подохнешь и так!»[205]

Возможно, впервые за всю свою историю российское крестьянство весной 1918 года занималось своим трудом без какого бы то ни было контроля и нажима со стороны государства и частного капитала. Большевистская власть, поглощенная политической борьбой и разрухой в городе, не имела сил для какого-либо существенного влияния на деревню. Деревня была предоставлена самой себе и жила по своим законам и обычаям. Революция многое дала крестьянству. Практически исчезла деревенская беднота, в селах началось массовое строительство новых избяных хором из бесконтрольно срубленного леса, которые порой бывали нелепо украшены новыми меценатами награбленной бронзой и фарфором. Заводились мелкие предприятия. М. Горький отмечал, что после раздела помещичьего имущества в деревне стал развиваться особый хищный тип мелкого хозяйчика.

Деревня сторонилась политической борьбы, происходившей в городах, и пользовалась возможностью нажиться на продовольственном кризисе. В красных углах, за образами стали скапливаться огромные связки николаевских и керенок. Деревня пресыщалась городской разрухой, не нужно было даже и товаров. Завелась изнеженность нравов; рассказывали, что иные сельские общества в ту пору не соглашались менять хлеб ни на что другое, как только на серебряные оклады к иконам.

В сущности, в первом полугодии 1918 года оказался полностью проведенным в жизнь лозунг «Земля – крестьянам», и этот лозунг на практике оказался лозунгом голода. Городское население переживало невероятно тяжелый продовольственный кризис, рабочие месяцами ничего не получали и ничего не могли купить. Будучи воплощенным в жизнь, политический лозунг «Земля – крестьянам», которым революционеры всегда приманивали на свою сторону крестьянство, привел к отказу крестьян от обязанностей по отношению ко всему обществу. Иллюзия того, что земля принадлежит не всей нации, а лишь ее крестьянской части, оказалась чревата гражданской войной. И эта война была развязана большевиками, которые не сумели более гибко подойти к крестьянству, будучи в свою очередь в убеждении, что монополия на власть и идеологию должна принадлежать именно им.

Летом и осенью 1918 года продовольственные отряды и организация комитетов бедноты в деревне стали активно вовлекать крестьянство в орбиту национальной политической жизни. Реквизиционная политика с неизбежно сопровождавшим ее произволом вызвала широкую волну крестьянских восстаний по всей Советской России. Крестьянство превратилось в главную опору для развертывания демократической контрреволюцией протяженного фронта военных действий против большевиков в Сибири, на Урале и в Поволжье.

Крестьянским восстаниям в тылу Красной армии в немалой степени обязаны своими успехами белые армии Колчака и Деникина в 1919 году. Самое крупное крестьянское восстание в период гражданской войны, охватившее уезды Симбирской и Самарской губерний, произошло в марте 1919 года, в дни активного продвижения Сибирской армии Колчака к Волге. Восстание началось 2–3 марта выступлением в приволжском селе Новодевичьем, скоординированным с беспорядками в воинских частях Сызрани. Несмотря на то, что сызранские мятежники были разоружены, движение из Новодевичьего быстро перекинулось на север – в Сенгилеевский и Кореунский уезды, на юг – в Сызранский уезд Симбирской губернии и на восток за Волгу – в Мелекесский, Ставропольский и Самарский уезды, охватывая преимущественно крупные, зажиточные села. Движение отразилось беспорядками в центрах остальных уездов Самарской губернии, то есть в ближайшем тылу Красной армии. Связь восстания с наступавшей Сибирской армией была несомненной. По данным особой комиссии, присланной из Москвы под руководством Л. Г. Смидовича, оно охватило от 100 до 150 тысяч человек, которые имели лишь несколько сот винтовок, несколько пулеметов и в основном были вооружены самодельными пиками, вилами и т. п. Отсутствие необходимого вооружения было бедой всех крестьянских выступлений, и поэтому, несмотря на численный перевес и, как отмечалось в отчете комиссии, «централизованность и большую организованность всего движения», оно было обречено на быстрое поражение. К 20 марта «энергичными и беспощадными мерами», – писал Смидович [206], восстание всюду было ликвидировано. Потери карательных частей составили до 200 человек, повстанцев – не менее 1000. В ходе восстания крестьяне совершали зверские убийства советских активистов, красноармейцев, пытались перерезать железнодорожные линии, захватить важнейшие центры, что им и удалось на несколько дней в Ставропольском уезде.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Причины восстания столь большого числа крестьян и их лозунги были, в общем, традиционными для всей Совдепии: реквизиция продовольствия, мобилизация лошадей, чрезвычайный налог, а также антирелигиозная политика властей. Причем все эти мероприятия сопровождались вызывающими злоупотреблениями местных коммунистов и органов власти. По признанию Смидовича, власть в районах восстания «выродилась во власть коммунистов, причем весьма сомнительного качества», которые действовали помимо Советов через ЧК путем «произвола, насилия, угроз и избиений»[207]. После этого становится ясно, почему все восстание прошло под лозунгами: «За Советскую власть», «За Октябрьскую революцию», но «Долой коммунистов!»[208] В наказе своему делегату на мирные переговоры с властью крестьяне Нижнесанчелеевской волости Мелекесского уезда писали: мы «вынуждены были восстать не против советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население»[209].

В Сенгилеевском уезде комиссии Смидовича пришлось даже публично развернуть особый революционный трибунал, на котором были привлечены к ответственности некоторые деятели ЧК, возмнившие себя «высшей политической властью в уезде». Они были осуждены трибуналом, но как можно узнать из письма Г. И. Бокия секретарю ЦК Е. Д. Стасовой из Симбирска от 20 мая 1919 года: «Был здесь Калинин и заставил снова сожалеть о смерти Якова Михайловича». Калинин амнистировал бывшего председателя и секретаря сенгилеевской ЧК, приговоренных к 10 годам общественных работ. Бокий, председатель симбирской ЧК, был сам возмущен:

«Впечатление, произведенное освобождением на граждан города и окрестностей, удручающее, слышны возгласы: „Коммунистам все можно делать. Для отвода глаз посадили на несколько дней и освободили, а 150 человек крестьян расстреляли!“»[210]

Восстание поволжских крестьян началось так же, как и повсеместно разгорались многие волнения: набатный звон, сход, аресты и избиения представителей власти и коммунистов, общее вооружение чем попало, выборы штаба и командиров, рассылка делегатов по соседним волостям с призывом присоединиться и т. д. В ходе восстания происходили перевыборы в Советы при всеобщем голосовании. Все это было типичным для большинства крестьянских выступлений времен гражданской войны, но поволжское восстание помимо своих масштабов и организованности имело свою очень характерную черту, по которой и получило название «чапанного». Отряды повстанцев состояли почти сплошь из крестьян пожилого возраста, одетых в традиционную для этих мест одежду – чапаны. Что очень важно отметить, молодежь держалась пассивно или отрицательно отнеслась к движению. В подобном размежевании кроется одна из загадок того, почему в годы гражданской войны крестьянские бунты жестоко подавлялись такими же крестьянами, но только одетыми в солдатские гимнастерки. Противоречие поколений – не миф, а объективная реальность, особенно в патриархальных русских деревнях, где глава, хозяин зачастую держал себя настоящим деспотом в отношении всей семьи. Особенно огромные поволжские села, издавна торговые, отличались зажиточностью и насчитывали до 40 % «кулацкого», именно такого «хозяйского» элемента.

Не случайно среди деревенской молодежи работа коммунистических организаций пользовалась наибольшим успехом. На 2-м Всероссийском совещании по партийной работе в деревне в июне 1920 года заведующий отделом ЦК В. И. Невский в отчетном докладе признал, что не РКП (б), а Союз коммунистической молодежи ведет главную работу среди крестьян и приток крестьян в партию – это заслуга СКМ[211]. Из молодежи формировалось нижнее и среднее звенья советско-партийного аппарата. Как жаловался на жизнь один старик крестьянин в письме своему сыну – видному комиссару в штабе командующего морскими силами республики П. Бойкову:

«Вот вам и бывшая барщина, хуже крепостной. Тогда хоть правила господя, а теперь наши сынки – почесывай затылок. С нас все берут, а нам ничего не дают»[212].

В марте 1919 года сенгилеевские и ставропольские хлопцы равнодушно смотрели, как их сверстники – красноармейцы из соседних губерний душили восстание старцев в чапанах. Восстание было подавлено, но оно сыграло очень важную роль в успехах колчаковской армии весной девятнадцатого года. Такую же роль, как и известное Вешенское казачье восстание для армии деникинской.

Репрессивная, террористическая политика большевиков в отношении казачества и крестьянства в 1918 – первой половине 1919 года непосредственно

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org отражалась на ходе боевых действий и заставляла Красную армию откатываться к центру по всему фронту – на востоке, на юге России, а также на Украине. На Украине причины противоречий крестьянства с большевистской политикой имели свои особенности. Вопрос о конфискации хлеба здесь не был главным. На руках у украинского селянства находилось огромное количество оружия, в 1917–1918 годах по ее территории прокатилась волна стихийной демобилизации голодной и оборванной русской армии, и иное подразделение за продовольствие могло обменять сельскому обществу хоть целую батарею. Продажа и обмен оружия на продовольствие был массовым, и украинские крестьяне сумели вооружиться не хуже регулярной армии. Отдельному продовольственному отряду в украинской деревне делать было нечего, здесь нужна была крупная воинская команда с артиллерией. Да и воинские части, как правило, подходя к украинским селам, высылали парламентариев с запросом: «Можно ли пройти?» Как у немцев в 1918-м, так и у большевиков в первой половине 1919 года заготовка хлеба на Украине была очень и очень незначительной по сравнению с поставленной задачей и имеющимися запасами у крестьян.

Основа вражды украинских селян к большевикам, вступившим в январе 1919 года на Украину, заключалась в «лишенной, – по дипломатичному выражению Раковского, – всякого революционного оппортунизма» земельной политике Советской власти [213]. После неудачного опыта заготовительной кампании 18-го года московское правительство какое-то время предполагало сделать основной упор не на отдельного крестьянина, а на создание крупных советских хозяйств. Думалось, что именно здесь откроется живительный источник продовольствия для Советской власти. Одновременно решалась бы и стратегическая проблема социалистического строительства в деревне. Как тогда говорил нарком земледелия С. П. Середа, мелкое земледелие есть опаснейший враг коммунизма, лапоть русского мужика может раздавить революцию. В начале 19-го года началась насильственная кампания по возврату от крестьян поделенной ими помещичьей земли и инвентаря и созданию на их базе советских хозяйств, во главе которых в качестве управляющих назначались бывшие помещики. Член коллегии Наркомзема В. В. Кураев в ответ на упреки делегатов 2-го Всероссийского совещания по партийной работе в деревне, что во главе совхозов ставятся бывшие помещики, только развел руками:

«А что делать, другого выхода нет. Дайте нам управляющих из рабочих и крестьян» [214]. Крестьяне считали создание совхозов восстановлением прежних помещичьих имений, да еще с возвратом крепостной барщины, поскольку собиравшийся в совхозы бедняцкий, зимогорский элемент, не работавший на своем наделе, тем более не собиравшийся надрываться на совхозных полях, поэтому туда в порядке трудмобилизации сгонялись окрестные мужики. Совхозные рабочие из зимогоров и пришлых занимались лишь проеданием выделенных им семян и распродажей скота и инвентаря. По общему мнению, именно совхозы в первую очередь являлись в деревне рассадником всякой болезненной заразы и источником самой неприкрытой спекуляции.

Таков был итог совхозного строительства в годы гражданской войны, но в начале 1919 года советское руководство в отношении совхозов лелеяло радужные планы. Особенно негативную роль здесь сыграло руководство ВСНХ. На Украине многочисленные помещичьи имения носили ярко выраженный товарный характер и специализировались на выгодном производстве сахара, имели свои собственные заводы по переработке сахарной свеклы. ВСНХ настоял на сохранении имений в нетронутом виде, и его, а также украинский СНХ впоследствии обвиняли во всех грехах и неудачах советской власти на Украине. Но хозяйственники оказались просто «крайними» в той цепочке, на которой украинскому мужику была преподнесена «коммуния». И. Я. Врачев, член воронежской делегации во ВЦИКе, свидетельствовал, что Ленин еще в 1918 году полагал, что «земли, принадлежащие заводам и используемые в качестве свекловичных плантаций, не должны поступать в фонд передела». «Очень важно сохранить помещичьи имения занимавшиеся свекловодством, – указывал Ленин, – мы могли бы передать их сахарным заводам после национализации» [215]. Украинское малоземельное крестьянство ничего не получило от Советской власти, разумеется кроме малоприятного соседства с новоблагословенными совхозами. Это стало источником сильнее всего недовольства прежде всего малоимущего крестьянства, которое большевики привыкли расценивать как свою непосредственную опору на селе. Весной 1919 года на Украине против большевиков первой стала подниматься именно беднота.

Первые восстания против советской власти были объявлены большевиками

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org восстаниями кулаков. Убедившись, что скрыть бедняцкий характер восстания невозможно, объявили, что беднотой руководят кулаки. Когда было доказано, что и руководители не кулаки, то стали отговариваться тем, что у них кулацкая идеология. «В таком порядке можно дойти до мирового эфира, до ионов, эманации, словом говорить о чем угодно и не видеть виноватым самого себя», – писали в ЦК РКП (б) украинские боротьбисты[216].

Показательно, что при подавлении восстаний бедняков заодно действовали противоположные силы. Так, при подавлении одного из восстаний в Киевском уезде против восставших безземельных, крайне бедных Трипольской, Стайковской, Черняховской, Обуховской волостей со стороны Киева действовала Красная армия, а с противоположной – дружины, организованные кулаками Каргалькской, самой богатой и подлинно кулацкой волости Киевского уезда[217].

В июне 1919 года Н. И. Подвойский писал Ленину о причинах советского поражения на Украине:

«Вследствие жестокого продовольственного кризиса в городах, безработицы в Донбассе, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Таврической губерниях, заговоров враждебных партий и кулацко-антисемитской пропаганды вся Украина к весне превратилась в контрреволюционный лагерь, в котором контрреволюция легко овладевала даже фронтовыми частями»[218]. К маю по всей советской Украине разлилось море крестьянских выступлений. Отряды повстанцев намного превосходили по численности остатки 14-й и 15-й армий, которые под нажимом Деникина и Петлюры хаотично отступали на север. Поскольку жестокость и беспощадность восставших крестьян не знала границ, вместе с частями Красной армии на север устремился поток беженцев из числа партийно-советских функционеров, неудачно воздвигавших Советскую власть на Украине.

В разгар гражданской войны, в середине 1919 года, в качестве основной проблемы отношений большевистской власти с крестьянством встал вопрос о военных мобилизациях, который на время даже заслонил вопрос продовольствия. Ленин ставил задачу в короткий срок создать трехмиллионную Красную армию, но в крестьянстве развивалось массовое уклонение от мобилизаций и дезертирство. Молодые крестьянские парни не испытывали особого желания идти и защищать большевистскую власть. По сделанным советской военной цензурой извлечениям из писем видно, что везде мотивы практически были одни и те же. Например, из Суздали писали, что к ним приезжал сам бывший главнокомандующий Крыленко и убеждал идти защищать Советскую власть, но ему на собраниях и митингах «категорически сказали, что защищать советы не будут и ни один дезертир не будет» [219]. Из Костромы писал один, очевидно уже мобилизованный, красноармеец:

«Люди сказали ротному: „Все равно разбежимся и на фронт не пойдем“. У нас около Нерехты идут бои дезертиров с латышами. Вообще всюду все накануне восстания, солдаты все против власти, и с минуты на минуту вздуют. Голод страшный. И на фронт тоже ехать не думаем, пусть расстреляют на месте, но грабителей защищать не хочу»[220].

Из Смоленской губернии руководитель по мобилизации в Рославльском уезде в мае 1919 года растерянно докладывал о полной неудаче добровольческой мобилизации среди крестьян. В то же время исполкомы отказывались назначать мобилизованных.

«Расстреляйте нас, – говорит ермолинский исполком, – а назначать не будем. Что вы хотите, чтобы спалили нас или головы свернули?»[221]. Встречались организованные отказы целых волостей от мобилизации и уход призванных в зеленые. Зеленые, зеленая армия – дезертиры, ушедшие с оружием в леса, сыграли заметную роль в ходе гражданской войны. Движение их огромной массы, сравнимой с численностью воюющих армий, влияло на успех или неудачу той или иной стороны в тот или иной период. Зеленые становились ядром любых крестьянских выступлений против власти, боролись против реквизиций скота и продовольствия. Они стали своеобразными отрядами самообороны в деревнях и нередко имели свою достаточно строгую организацию, свои центры. Борьба с зелеными затруднялась еще и тем, что было очень трудно отличить мирного крестьянина от зеленого партизана. Сегодня крестьянин дома и занят хозяйством, а завтра уходит в лес и принимает участие в нападениях на продовольственные отряды и органы власти. На зеленую армию делали свою ставку эсеры. В постановлении пензенского губкома ПСР (партии социалистов-революционеров) от сентября 1919 года отмечается,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org что зеленая армия становится общекрестьянским ополчением и следует обратить внимание на подготовку из зеленой армии «третьей силы» для борьбы против обеих диктатур. Необходимо пресекать превращение ее в обычный бандитизм и организовывать на охрану крестьянского населения от комиссарского произвола[222].

К лету 1919 года контрреволюция тесным кольцом с востока, юга и юго-запада охватила Центральную Россию. Казалось, что это движение будет безостановочно нарастать и вскоре пройдет парадами по Красной и Дворцовой площадям. Но в июне потерпел сокрушительное поражение Верховный правитель Колчак, и началось его безотрадное отступление далеко на восток. Через несколько месяцев, в ноябре, от ворот Тулы начала свое стремительное отступление армия Деникина. С северо-западным флангом Юденича также было покончено. Такое головокружительное развитие событий ставило в тупик и отрицало прогнозы лучших военных специалистов, да и само руководство большевиков. С чисто военной точки зрения это действительно трудно было объяснить. Решающее значение имело не количество штыков и сабель, а нечто другое. Этим другим, как в случае с красными, так и в случае с белыми, являлось настроение крестьянства. Господство Колчака и Деникина пало не столько под ударами Красной армии, сколько от внутреннего развала. Лишь благодаря крестьянству, подорвавшему тыл белых армий, разложившему их военную организацию, белые армии стали легкой добычей Красной армии.

Крестьянство, которое еще весной бурлило и бунтовало против большевиков, подрывало боеспособность Красной армии и колокольным звоном встречало колонны с погонами на плечах, буквально через пару месяцев обратило весь свой гнев на «освободителей». Виной тому все те же отношения крестьян с властью. Не сложились они у них с колчаковским режимом и деникинским правительством прежде всего по вопросу о земле. Кто обещал землю, тот и был властелином деревни, а Деникин ностальгически обращался к 1917 году, провозглашая, что земля возвращается прежним владельцам, впредь до решения Учредительного собрания. Результатом не замедлило сказаться то, что он сам с тревогой отмечал в приказе от 6 июня 1919 года:

«По дошедшим сведениям, вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести»[223].

Деникин призывал прекратить насилие с той и другой стороны и провидчески заключал:

«Иначе порядку не скоро суждено восстановиться, взаимное ожесточение будет расти, авторитет и популярность армии падать, вместо одного насилия появится другое, население не будет видеть в войсках Добровольческой армии избавителей от произвола, а пристрастных заступников за интересы одного класса в ущерб другим»[224].

Кроме того, военная администрация Деникина не сумела наладить удовлетворительное снабжение частей, и это привело к тому, что армия самоснабжалась, применяя при этом те же реквизиции по типу большевистских, допуская прямые грабежи и насилие. Добрармия Деникина была переименована крестьянами в «грабьармию». Ожесточение крестьян росло, они уже не видели разницы между двумя воюющими сторонами и отказывались поддерживать недавних освободителей. Появилось массовое уклонение от мобилизации в ряды белой армии. В ответ следовали самые жестокие репрессии – расстрелы, повешения, результаты белого режима быстро и катастрофически дали себя почувствовать, негодование крестьян росло с неопишуемой быстротой. Деникинский Осваг получал сводки из губерний, показывавшие полную гибель всех начинаний Добровольческой армии. Крестьяне организовывались и вновь брались за оружие. На Украине крестьяне массами вливались в ряды армии Махно, который на Екатеринославщине контролировал огромную территорию и несколько раз занимал сам Екатеринослав.

На Махно следует остановиться особо. Если говорить о том, кто из военных и политических деятелей гражданской войны наиболее близко стоял к интересам крестьянства, то безусловно в первую очередь следует указать на Махно. Украинские крестьяне его почти боготворили, между тем проросшие вокруг его имени всевозможные слухи и пристрастные отзывы создали такие непроходимые дебри, что добраться до истинной характеристики легендарного батьки очень трудно. Задача еще усложняется тем, что в течение гражданской войны Махно несколько раз круто менял свою ориентацию, изменяя отношение к себе

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Советской власти, когда соответственно изменялось и содержание отзывов о нем со стороны большевиков и их противников. Интересную рекомендацию Махно представил Ленину Антонов-Овсеенко в докладе от 18 июля 1919 года:

«Махно. С конца марта передан Южфронту. Убежденный анархист, лично честный парень, за спиной которого совершалась всякая пакость. Мог быть великолепно использован нами, если бы мы имели недостающий нам аппарат. Утвержденный бригадным командиром 3-й бригады Заднепровской дивизии, отданный под начало Дыбенки, Махно постепенно преобразовал свои части. Комитеты в частях были уничтожены, введены политкомы, но они оказались слабоваты, командного состава не было, поставить правильно снабжение мы не могли по общим причинам, и части Махно оставались в переходящем состоянии. Но некоторые из них дрались с казаками превосходно, и нет сомнения, еще бы долго отстаивали свой район, если бы у них были патроны (к итальянским винтовкам, которыми многие у них были вооружены, патронов им не дали, хотя они и были переданы 2-й армии)» [225].

Подобную характеристику Махно и его частей подтверждал и представитель Наркоминдел РСФСР на Украине Д. Ю. Гопнер в докладной записке Чичерину от 20 июля 1919 года. Второй по значимости причиной потери Донецкого бассейна он указывал на «авантюру» вокруг Махно и несвоевременное объявление войны «партизанщине». На попытку гуляй-польских анархистов созвать очередной, 3-й съезд лагерю Махно была открыто объявлена война под предлогом подготовки им восстания против Советской власти. После этого последовала кампания в печати о том, что махновцы – это банда пьяных громил, не признающих дисциплины и приказов, рассадник антисемитизма.

Гопнер пишет, что в периферии махновской армии немало подонков и бандитов, но «махновцы даже значительно беднее этими элементами, чем наши, так называемые, „регулярные“ украинские красноармейские части» [226]. «Вспомним, какой громадный фронт держался партизанами Махно, вспомним многочисленные отзывы беспристрастных работников-коммунистов о том, с каким самоотвержением махновцы дрались по всему фронту и в частности против казаков., Мариуполь и Волноваха три и четыре раза брались ими. Лучшие махновские отряды с отчаянием отстаивали эту линию, выполняя все боевые приказы, отступая перед давлением противника лишь шаг за шагом, пока не были почти поголовно истреблены» [227]. Это было тогда, когда Деникин, не встречая сопротивления разбежавшихся частей Красной армии, подвигался к Харькову, когда нередко командный состав Красной армии со всеми штабами и даже комиссарами массой переходил на сторону белых. Махновская армия, специально лишаемая необходимых боеприпасов и подкрепления, оставалась единственной сражающейся единицей, не считая особых коммунистических отрядов, также в одиночестве отстаивавших свои позиции.

Гопнер указывал на екатеринославских и александровских коммунистов, как инициаторов кампании травли против Махно, их уязвленное самолюбие. Но те действительно имели веские причины в любом случае враждебно относиться к Махно, поскольку до своего союза с Красной армией он жестоко потрепал нервы и кое-что другое Советской власти и коммунистам Екатеринославщины, защищая крестьянские интересы, уничтожая продовольственные отряды, организуя грабежи советских запасов в своем районе. Они искали случая разделаться с гуляй-польской вольницей хотя бы и руками казаков и Добровольческой армии.

Союз Махно с большевиками, с Красной армией был непрочен, он нарушался несколько раз. Махно до конца был верен только одному – защите интересов трудового крестьянства. Коммунисты, попадавшие в Гуляй-Польский район, с удивлением отмечали, что беднейшие крестьяне говорили о батьке Махно с большой долей гордости. Удивление понятно, поскольку коммунисты, как и белые, не рисковали без особой нужды входить в черту «владений» Махно и имели весьма смутные, искаженные антимяхновской пропагандой представления о царящих там порядках. И белые и красные не раз объявляли ему войну, которая, как правило, заканчивалась неудачей, поскольку как те, так и другие совершенно упускали из виду, что война идет не с Махно, а со всем крестьянством Восточной Украины.

В районе своего влияния Махно с помощью самих крестьян уничтожил всех кулаков-мироедов, остались только середняки и беднейшее крестьянство. Средняк засеивал до 20 десятин и имел до 4 лошадей. Тотчас после взятия какой-либо деревни махновцы созывали собрание, на котором население, за исключением богачей, выбирало Совет. На Совет возлагалась обязанность следить за порядком и исполнением приказов Махно. Затем население снабжалось оружием, набиралось пополнение. Его войска были прекрасно

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org вооружены, конный состав превосходен, никто не передвигался пешком, и это давало армии Махно невероятную мобильность и возможность в любой момент со свежими силами вступать в бой. Как свидетельствовали очевидцы:

«Дух армии можно назвать превосходным, так как она состоит исключительно из добровольцев» [228].

Махно боролся против немцев, гетманских, петлюровских, деникинских войск, несколько раз вступал в союз и опять принимался воевать с советскими войсками. Рядовых пленных махновцы обезоруживали и отпускали, если те не изъявляли желания присоединиться, что случалось весьма часто. Судьба же командного состава, как правило, была печальной.

В течение всей гражданской войны анархист Махно пользовался полной поддержкой восточноукраинских крестьян. Бакунин не напрасно считал русского мужика прирожденным анархистом, этот анархизм он вырабатывал в тяжелой борьбе за существование с государственным гнетом. Крестьянин, хозяйство и потребности которого в значительной степени натурализировались в период военной и революционной разрухи, уже абсолютно не видел никакой надобности в государстве, которое являлось к нему исключительно в образе прод., воен. и прочих комиссаров с их непомерными требованиями, угрозами, отсидами в холодных амбарах и расстрелах. На митингах заезжим агитаторам мужики кричали:

«Большевики и колчаки, пойдите вы все к черту, нам никто не нужен. Пусть горожане к нам ничего не возят, пусть сами едят свои товары, мы обойдемся своими» [229].

Крестьянство поддерживало зеленых, скрывающихся дезертиров, других партизан как свое ополчение, как свою защиту, но когда то же самое повстанчество пыталось оформиться в какую-то более стабильную структуру, втянуть крестьян в сферу регулярных обязательных повинностей, то это вызывало недовольство крестьян точно так же, как действия большевистских комиссаров или белогвардейских офицеров. Подобные случаи известны из истории знаменитой антоновщины, а также по более мелким примерам. Как докладывал 2 июня 1919 года из Новгородской губернии инструктор ЦК РКП(б) А. Ионов, в Демянском уезде повстанцы пытались организовать «временные волостные правления», ими была объявлена поголовная мобилизация всех мужчин от 18 до 50 лет, произведено продовольственное обложение деревень. Это совершенно не понравилось местным крестьянам, которые начали вливаться в ряды повстанцев. Они быстро отошли и сами восстали против такого восстания. В результате оно было легко подавлено карательными отрядами, которые произвели ряд публичных расстрелов зачинщиков [230].

Политика большевиков в деревне ориентировалась на ее расслоение, разжигание классовой борьбы: комбеды, ограничения при выборах в Советы и т. п., но результаты были прямо противоположными. На усиление реквизиционной и репрессивной политики деревня отвечала укреплением сплоченности, в ходе революции и гражданской войны стала оживать крестьянская община со своим внутренним миром и обычаями. Несмотря на усилия большевиков, крестьяне упорно выбирали в Советы наиболее хозяйственных и авторитетных мужиков – кулаков, по большевистской терминологии. Почти во всех партийных отчетах и сообщениях с мест звучат трафаретно слова: в составе волисполкомов почти все кулаки, беднота не идет из-за материальной необеспеченности [231]. Но причина заключалась даже не в материальной необеспеченности, главное в другом. Бедняк на деревне всегда оставался бедняком, сколько его ни подпирала Советская власть своим законодательством и штыками карательных отрядов. Раз не показал себя хозяином на собственном наделе, во главе мира ему делать нечего. Как докладывала лидская комячейка в Саранский уездный комитет партии 11 июля 1919 года, все перевыборы в Советы неудовлетворительны. Провести их «в точности согласно конституции не представлялось возможным. Малейшее требование поднимало волнения с ответом: „Кого мы выбираем, так и должно быть, а если не мы, то выбирайте вы, а нам здесь делать нечего“. Таким образом в некоторых деревнях в Советы прошли богатеи и кулачки, в остальных деревнях хоть и не богатеи, а даже почти бедняки, но без всякой власти, которые без разрешения схода не починят даже моста» [232].

Нажим был малоэффективен, деревня свято оберегала свой строй, свою иерархию, иногда это сказывалось во время священного передела земли. В 1920 году в одном селе Полтавской губернии крестьяне, проигнорировав все советские законы, поделили по-евангельски: у кого 10 десятин – тому еще 10, у кого 2 – тому еще 2, случалось так, что беднота вообще ничего не

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org получала [233]. Карательные отряды приходили и уходили, а жить бедняку с зажиточным рядом каждый день, поэтому беднота, как правило, не смела идти против деревенского порядка и даже оказывала содействие кулакам. В практике продовольственных отрядов очень часто встречались случаи, когда обнаруживалось, что зажиточные за небольшую мзду раздавали на хранение свой хлеб бедноте с целью уберечь от конфискации. В известном докладе Смидовича отмечалось, что кулаки в Поволжье передавали в руки бедноты крупные суммы денег для ведения спекулятивной торговли, от которой они сами считали нужным отстраниться, с условием предоставления части барыша (обычно 10 %) [234]. В условиях такого сговора попытки организации комячеек, проведение мероприятий власти повсюду встречали труднопреодолимые препятствия.

Сама неумолимая и грозная продразверстка искажалась, как в кривом зеркале, опускаясь из Москвы до уровня отдельной деревни, отдельного сельского общества. Продовольственники абсолютно тщетно бились над тем, чтобы она раскладывалась среди крестьян по имущественному, классовому принципу. Сельские сходы или сельские Советы упрямо разверстывали ее поровну на каждую десятину земли: дескать, земля была поделена по справедливости и никто не виноват, что ты не работал, а лужгал семечки.

Вопреки всем классовым теориям, крестьяне бедноту иначе как лодырями и зимогорами не называли и оказывались более проникательными, чем университетская или партийная наука. Сохранилось интересное свидетельство инструктора агитпоезда «Большевик» Аладжолова в его докладе Крестинскому о том, как он летом 1920 года тайно проник в заповедный Гуляй-Польский район и имел возможность беседовать с тамошней беднотой.

«В одной из деревень я попал, если можно так выразиться, на организацию беднейшего крестьянства, – писал он. – На отмели Днепра сидело душ десять рыбаков. Так они и живут изо дня в день. Что поймут, то и съедят, обменяв на хлеб. Не имеют лошадей, потому и не сеют. Один из них рассказал, что крестьяне не согласились вспахать ему, хотя он и обещал отработать. Несмотря на их жалобы и очевидную крайнюю бедность, было видно, что это беззаботнейшая компания, которая наслаждается легкой жизнью» [235]. Председатель СНК Украины Раковский писал, что у украинского крестьянства за время революции и войны сложилась странная психология, в представления которой легко укладывалась и свобода торговли, и православие, и Советская власть [236]. Подобная окрошка в голове была характерна не только для украинского селянина. Компартия специально для широких масс, для крестьян в аббревиатуре своего названия РКП (б) сохраняла в скобках последнюю букровку, поскольку те нередко были убеждены, что коммунисты и большевики – это две разные партии, и бывало разное отношение к коммунистам с их ненавистной «коммунией» и к более симпатичным большевикам, которые стояли за интересы крестьянства. На Украине петлюровцы искусно использовали укоренившееся в массе крестьян убеждение, что коммунисты стремятся забрать в общее пользование решительно все, начиная с земли и кончая женами и детьми. И случалось, что безграмотные скороспелые коммунисты-агитаторы, развивая перед еще более темной толпой теорию коммунизма, приводили слушателей в ужас, так как те находили в их речах подтверждение всех легенд. И как следствие – ряд восстаний под лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!»

Подобная двойственность имела свои корни не только в безграмотности крестьянина, но и в самой политике РКП (б), которая периодически поворачивалась к деревне то своей привлекательной, то очень жесткой репрессивной стороной. Двойственность и противоречивость советской политики выражалась в раздвоении сознания крестьян и по отношению к различным учреждениям Советской власти. Те же украинские крестьяне ни в какую не желали сдавать хлеб в пользу города, который периодически выстреливал в них продотрядами, но заготовительным органам Красной армии, в которой они видели защитницу, везли продовольствие охотно и безболезненно. Бывали случаи, что ссыпка хлеба совершенно прекращалась, когда крестьяне узнавали, что ссыпной пункт принадлежит не армейскому опродкому, а гражданскому продоргану, и иногда сами отыскивали в городе воинские части и непосредственно передавали им привезенный хлеб. Другой пример. На Полтавщине, в селе Ковалин, крестьяне ответили отказом дать подводы подошедшему отряду красноармейцев, а через сутки, узнав из соседнего села, куда ушел отряд, что красноармейцы относятся к населению очень хорошо, ковалинцы собрали сход и вынесли решение:

«Командиру двигающихся войск Красной армии. Мы, крестьяне села Ковалин,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org узнав, что вы есть Красная армия, то есть Советская власть, которую мы признаем, а не коммуна, извиняемся за то волнение, которое у нас было, и постановляем подводы дать, в каком нужно количестве»[237]. С этим решением и были присланы подводы за 20 верст.

В 1919 году под впечатлением режима белых и побед Красной армии в разных регионах России происходил перелом в сознании крестьянства в сторону Советской власти. В ноябре 1920 года на Псковской губернской беспартийной конференции выступал один старик крестьянин, который даже расплакался на трибуне, рассказывая о кошмарах, творившихся белогвардейцами, когда они хозяйничали в губернии до прихода Красной армии.

«Причем этот делегат, – говорилось в отчете губкома партии, – не скрывая, сказал, что и он в числе других крестьян ждал прихода белогвардейцев и на горьком опыте убедился, что несут они трудящимся»[238]. На юге, в Конотопе, по сообщениям коммунистов-подпольщиков, до прихода деникинцев настроение крестьян и рабочих было антисоветское, происходили восстания, мобилизация в уезде дала ничтожные результаты. Деникинцев встретили радостно, был устроен трехдневный праздник с молебном. Однако деникинцы поспешили испортить настроение населения, тотчас после вступления в Конотоп они начали грабить магазины, избивать евреев, а потом и русских. У проходящих снимали сапоги и одежду, у крестьян отбирали лошадей, овес и скот, какой только понравится. В результате вторичное вступление частей Красной армии население уже встретило приветливо и помогало, чем только могло. Когда же красные были вновь выбиты из уезда, деникинцы показали себя вовсю. Была масса убитых и ограбленных.

«В настоящее время население относится к советской власти доброжелательно. Крестьяне говорят, что советская власть была бы совсем хороша, если бы она признавала свободную торговлю и не было бы евреев-комиссаров»[239]. Крестьянство металось. Особенно хорошо это, видно по информационным сводкам секретного отдела ВЧК, которые при первом знакомстве способны вызвать даже некоторое раздражение кажущейся бессмыслицей. Информация из одной и той же губернии и даже уезда нередко пестрит противоречивыми сведениями и трудно совместимыми понятиями типа: крестьяне за Советскую власть, бандитизм растет. Например, недельная сводка за первые числа августа 1919 года по Костромской губернии объявляет, что дезертирство принимает массовый организованный характер, губерния на военном положении, хотя... добровольная явка дезертиров с каждым днем усиливается[240]. Из Саратовской губернии спешат сообщить, что политическое состояние губернии удовлетворительное, если не хорошее, мелкие восстания находятся в стадии ликвидации. Вместе с тем дезертирство приняло большие размеры, в одном Вольске сейчас 424 дезертира, т. е. в 21 раз больше прежнего. Пленными, отпущенными Колчаком, распространяются слухи, что Колчак не за помещиков, а за крестьян, что он очень добрый и раздаст землю и скотину и любит, когда Богу молятся, стоит не за монархию, а за Учредительное собрание. «Агитаторы Колчака имеют благодатную почву»[241]. И такая чепуха везде: дезертирство растет, а добровольная явка дезертиров усиливается.

Как говорится, ни богу свечка, ни черту кочерга. В таком смятенном и хаотическом состоянии крестьянин пребывал почти всю войну. Но, как только наступала пора сделать однозначный выбор, выбор делался и тогда чекистская информация приобретала желаемую ясность. Из той же сводки по Орловской губернии: «В связи с принятыми решительными мерами и приближением Деникина в крестьянских массах наблюдается резкий перелом настроения в пользу советской власти». Мобилизация проходит удовлетворительно, дезертиры являются добровольно[242].

В Сибири, где над крестьянами господствовал произвол многочисленных атаманов, предводителей отрядов, офицеров, практически не подчинявшихся Верховному правителю, перелом настроения крестьян происходил более бурно, чем где бы то ни было. Уходившие в тайгу многочисленные отряды из бывших столыпинских переселенцев сливались в настоящие партизанские армии, открывавшие регулярные фронты боевых действий в глубоком тылу Колчака. Сама Сибирская армия, достигшая за счет мобилизации крестьян весной 1919 года почти полумиллионного состава, интенсивно разлагалась.

Целые полки, захватив или перебив своих офицеров, переходили на сторону красных, другие в беспорядке отступали, устилая своими тифозными останками путь на восток.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
В июле 1919 года член РВС Восточного фронта Н. И. Муралов в телеграмме Рыкову из Перми о состоянии местной промышленности и трофеях после отступления колчаковцев помимо прочего сообщал, что белые успели сжечь и потопить свыше 50 пароходов с продовольствием и нефтью, на баржах сожгли около 1000 наших пленных красноармейцев, перед уходом выпустили из тюрем всех уголовных и около 2000 политических отправили в свой тыл, но конвой их отпустил.

«Со времени наступления взяли в плен около 30.000. В армии Колчака паника и разложение, несколько дней назад к нам перешло целиком 2 полка, сейчас получил донесение о сдаче еще 3-х полков с винтовками, пулеметами и орудиями... Настроение наших войск необыкновенно повышенное и воинственное, никакие обозы не в состоянии поспеть... Население после тяжелого урока очень радушно, важно сразу взять верный тон и линию поведения» [243]. Помимо белогвардейского террора и произвола недовольство сибирских крестьян вызывали и чисто экономические причины. В 1918 году в Сибири собрали прекрасный урожай хлеба, который с остатками урожая прошлых лет дал в распоряжение крестьян огромные излишки зерна. В результате, даже при бешеной спекуляции цены на продовольствие в Сибири были крайне низки, наряду с острым голодом на промышленные товары. Поскольку иностранные фирмы упорно не желали возобновлять торговлю с Сибирью, сибирские крестьяне рассуждали так:

«Хлеб наш идет за бесценнок, городские товары в двадцать раз дороже хлеба в сравнении с прежним. Это оттого, что у нас фронт с Россией и хлеб некуда сбывать. Надо прекратить войну с большевиками, тогда нам будет лучше» [244]. Все факторы в совокупности формировали антиколчаковские настроения крестьян, поднимали мощное партизанское движение в тылу и разваливали белую армию на фронте. Во время продвижения Красной армии по Сибири крестьяне массами записывались в коммунистическую партию. В самой партизанской Алтайской губернии к лету 1920 года насчитывалось 20.307 коммунистов, т. е. часть всего населения губернии, причем в подавляющем большинстве это были крестьяне [245]. Предсибревкома И. Н. Смирнов в докладе от 15 ноября 1919 года писал Ленину, что откровенно реакционный характер колчаковщины оттолкнул даже крепкого сибирского мужика.

«За исключением незначительной части крестьянство сплошь на стороне Советской власти. Ярким показателем может служить результат мобилизации 12 сентября, когда без всякого принудительного аппарата мы собрали 90 % призванных. Полное отсутствие дезертиров» [246]. Крестьянство очень быстро отвернулось от своих недавних освободителей, но, отвернувшись, вновь встретилось лицом к лицу с жесткой и требовательной продовольственной политикой большевиков. После разгрома основных сил контрреволюции, когда для большевиков исчезла прежняя необходимость смягчать свою крестьянскую политику ввиду белой опасности, начался ее постепенный отход от лозунгов и принципов VIII съезда РКП (б). Хорошее представление о положении на местах дают секретные сводки отдела военной цензуры РВСР, которые распространялись среди высшего руководства и из которых оно было достаточно информировано о настроениях всех слоев населения России. Характерно, что в тех регионах, откуда Советская власть не уходила, в начале 1920 года в связи с усиливающейся реквизиционной политикой усиливаются и повстанческие настроения. Об этом свидетельствуют выдержки из наиболее характерных писем, перлюстрированных военной цензурой:

Март 1920 года, Ярославль:

«Если бы вы знали, какое везде в деревнях недовольство властью. Ни один крестьянин не скажет про власть спокойно, все ругаются. Да везде, и в поездах и на рынках, только и слышишь проклятия по адресу власти» [247].
Март 1920 года, Тверская губерния:

«Когда все это кончится? Так стало жить трудно, хуже быть нельзя. От крестьян все требуют: сена, соломы, мяса, молока, картошки и на работу берут, прямо всех теснят хуже, чем были прежде господские, а что касается крестьянина, то во всем отказывают. И до каких пор будем терпеть, один господь знает» [248].
Февраль 1920 года, Тульская губерния:

«Реквизировали у нас картошку, овес, просо, гречиху, семя льняное, коноплю и другое. Так что картошку не кушаешь, чтобы хоть что-нибудь уберечь на семена. Овса не хватит на посев. Вот что сами люди делают – безголовые

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org правители, не думают, что же будет в будущем, если будет недосев. Это значит умышленно создавать голод»[249].

Продовольственная политика государства стала подобна заклинанию, вызывающему призрак голода. В малопродуктивной Новгородской губернии голодали почти всю войну, крестьяне питались мхом и щавелем. Мох подсказывал самые радикальные решения. С надеждой смотря на созревающий урожай, крестьяне угрожали, что «если Советская власть протянет руки к этому хлебу, то от него останется один пепел»[250].

Крестьянское сопротивление разверстке приводило к ответной реакции продовольственников, которые в условиях бесконтрольности прибегали к жестоким и незаконным приемам выколачивания хлеба. Из Тульской губернии писали, что «мужики приезжают домой избитые, с переломанными ребрами, с разбитыми ногами, одного даже убили»[251].

В иных случаях крестьянское возмущение и выступления были просто манной небесной для продкомиссаров, их присных и простых солдат, хаживавших на усмирение. Описывая такую операцию в Данковском уезде Рязанской губернии весной 1919 года, один ответственный партийный товарищ негодовал, что отряд усмирителей чинил расправу над крестьянами без разбору. Били всех прикладами, стреляли из винтовок кур и прочую птицу, насаживали их на штыки и кричали: «Да здравствуют саботажники!» Мазали овец молоком и творогом. Взяли заложников и обложили всех жителей села контрибуцией в 500.000 рублей, которую назначили собрать за 4 часа, увезли весь крестьянский хлеб с мельницы[252]. Чего не делает солдат с голодухи, особенно если во главе уездного начальства, как потом выяснилось, стояли настоящие бандиты с богатым уголовным прошлым, просто задушившие население уезда жестоким террором.

В перлюстрированных цензурой письмах можно встретить откровения и самих продовольственников. Вот что писал один продагент из Вятской губернии в марте 1920 года:

«Работать приходится в невероятно трудных условиях. Везде и всюду крестьяне прячут хлеб, зарывают его в землю. Работа в нашем районе, в Пильмезском и Сюсинском сначала шла хорошо. Наш район по пересыпке хлеба был один из первых лишь благодаря тому, что были приняты репрессивные меры с хлебодержателями, а именно: сажали крестьян в холодные амбары, и как он только посидит, то в конце концов приводит к тому месту и указывает скрытый хлеб. Но за это арестовывали наших товарищей, начальника экспедиции и 3-х комиссаров. Теперь тоже работаем, но менее успешно. За скрытый хлеб конфискуем весь скот бесплатно, оставляем голодный 12-фунтовый паек, а укрывателей отправляем в Малмыж в арестанские помещения на голодный паек 1/3 фунта хлеба в день. Крестьяне зовут нас внутренними врагами, и все смотрят на продовольственников как на зверей и своих врагов»[253]. Можно сказать, что аресты были самыми безобидным средством в арсенале продовольственников. Иной раз крестьяне сами просились в отсидку, случалось, когда в губисполком приезжали представители деревенской власти и умоляли посадить их. Оказывалось, что под различными угрозами на один и тот же день в один и тот же час деревня должна была взяться за выполнение трех, а иногда и четырех повинностей[254].

Продорганы совершенно не считались с осуществимостью своих требований, требовали яиц у тех, у кого не было кур, шерсти у тех, у кого не было овец, хвостов конских у безлошадных и т. п. Крестьянам приходилось покупать на стороне, чтобы сдать разверстку. Сплошь и рядом продотряды начинали свою деятельность в деревне с того, что требовали зарезать для себя ягненка, приготовить яичницу, доставить сало или масло, не обращая внимания на то, что крестьяне сами питаются хлебом из мякны, лебеды и жмыха. В большинстве случаев требовалась самогонка и лошади для катания «на лихачах», крестьяне называли продотряды «пропойцами народного доверия». Нередко за хорошее угощение с кулаков снималась разверстка и перекладывалась на бедняков. Известен случай, когда продагент привязал шестидесятилетнего старика крестьянина к оглобле телеги и погнал лошадь во всю прыть. К счастью, подоспел красноармеец и выручил старика. Продотряды зачастую напутствовали такими инструкциями: не стесняйтесь, бейте в морду, сажайте в такие подвалы, каких они не видели и при Николае. Ничто не вносило такого раздражения в деревне, как деятельность продотрядов[255].

Все вышеприведенные случаи взяты из специальной справки, затребованной вдруг Лениным из редакции газеты «Беднота» накануне X съезда РКП (б), но

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org скверное дело в том, что с 1918 года вся его корреспонденция пестрит подобного рода сообщениями и жалобами, на которых сверху листа стоит его неизменная пометка: «В архив».

Наряду с пассивным сопротивлением продовольственной политике, саботажем повинностей, повсеместно происходили бесчисленные волнения и вооруженные выступления крестьян. Тогда отмечали, что в районе Поволжья эти восстания отличались особенной жестокостью мужиков. В частном письме из Пензенской губернии от марта 1920 года сообщалось, что там во время недавнего крестьянского восстания происходили ужасные зверства. Местному комиссару по фамилии Шуваев мужики сначала отрезали нос, затем уши, а потом голову. Далее сообщается:

«Теперь все тихо и спокойно, мужиков успокоили плетками» [256]. Не всегда дело ограничивалось только плетками и даже расстрелами зачинщиков, власть не стеснялась применять против взбунтовавшихся сел даже артиллерию. Деревня бунтовала, поскольку фактически была лишена возможности легально, законно отстаивать свои политические и экономические интересы. Крестьяне сами пытались создать такие условия, в 1920 году по всей России заметно усиливается движение за организацию союзов трудового крестьянства. Как в случайной дорожной беседе подводчики-бедняки объясняли одному командировочному из политотдела губвоенкомата чувашской области, что они к Советской власти относятся хорошо, но неправильные действия продовольственников, «связавших нас по рукам и ногам, заставляют нас организовываться, чтобы порвать эти веревки» [257].

Особую роль в инициативе крестьянских союзов играли эсеры, точнее бывшие эсеры из наиболее развитого, интеллектуального элемента деревень и уездной провинции. Как полагают, в 1917 году партия эсеров насчитывала до 1 миллиона человек. После Октября эта миллионная масса растворилась в российском крестьянстве, организация распалась, но ее члены сохранили восприимчивость к партийным установкам и приверженность делу защиты интересов трудового крестьянства. Согласно решениям ЦС Совета своей партии правые эсеры проводили курс на создание «третьей силы», противостоящей как контрреволюции, так и большевизму. Главную ставку в создании такой силы эсеры делали на крестьянство. В письме ЦКП РСР томскому комитету от 7 февраля 1920 года говорилось:

«Это крестьянство везде восставало против контрреволюции, но нигде не мирилось и не мирится с большевизмом» [258]. В Сибири крестьянские союзы существовали легально и сыграли важную роль в борьбе против колчаковского режима. Союзы были известны и ранее, они носили ограниченный, местный характер и в 1918 году распускались решениями большевистских парткомитетов и заменялись комитетами бедноты. Некий «Блок трудового крестьянства» стоял во главе известного чапанного восстания в Поволжье. В 1920 году движение по созданию крестьянских союзов вновь приняло массовый характер. 13 июля 20-го года ЦК РСР разослало специальное циркулярное письмо к местным организациям с рекомендациями по созданию союзов.

В феврале 1920 года делегаты из Половодовской волости Усольского уезда Пермской губернии побывали на приеме у самого Ленина и жаловались на злоупотребления местных властей. Воодушевленные приемом у председателя Совнаркома, пермские крестьяне 15 соседних волостей выработали проект устава и 21 марта представили его в Усольский исполком для утверждения. «Жизненная практика и опыт подсказали, что нам, крестьянам, необходимо организовать свой профессиональный союз землеробов», – писали они в очередной жалобе Ленину 1 июля 1920 года [259]. Жалоба была на то, что в ответ на их инициативу местная власть развернула репрессии – ввела продотряды, началась стрельба в деревнях, злоупотребления. Продотряды крестьян вызывали лишь объявление военного положения в Половодовской волости и усиление репрессий.

В других случаях толчком к организации крестьянства служили популярные в большевистской практике беспартийные конференции, использовавшиеся для агитации среди крестьянства и проведения советской политики в деревне. В конце 1919 года конференции дали несомненный эффект в плане сближения Советской власти с крестьянскими массами, но вскоре они стали вызывать тревогу у их коммунистических организаторов. На пленуме Смоленского губкома 23 февраля 1920 года отмечалось, что «крестьянство в массе начинает политически вырастать и стихийно требует участия и контроля в работе

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org советских органов, к которым оно до сих пор имело мало отношения»[260]. Наблюдается стремление к организации особых крестьянских союзов, «которые стояли бы на защите экономических интересов крестьянства». В Вяземском и Гжатском уездах для организации союзов были даже выдвинуты организационные бюро. Все это происходило в тесной связи с официальной кампанией беспартийных конференций. Смоленское начальство еще не имело твердого понятия о том, как должно отнестись к этому движению, поэтому после обмена мнениями пленум постановил, что «никаких самостоятельных крестьянских организаций не допускать, и поскольку определенно выявилось нежелательное направление беспартийных конференций, разрешать таковые только в пределах волости»[261].

В некоторых губпарткомах, за отсутствием определенных указаний со стороны ЦК РКП (б), велась нерешительная дискуссия о возможности разрешения крестьянских союзов. Например, в Пермском губкоме в октябре 1920 года такая возможность допускалась некоторыми членами губкома в порядке эксперимента[262]. После открытой дискуссии 19 октября пленум губкома постановил создать комиссию для изучения вопроса и составления примерного плана организации союзов[263]. наоборот, 7-я Саратовская губпартконференция в июне 20-го вынесла решение:

«Ни в коем случае не допускать агитации и организации революционными коммунистами т. н. крестьянских союзов и считать существование мелкобуржуазных союзов подрывом работы Советов»[264]. По причине определенной нерешительности и колеблющейся позиции некоторых большевистских парткомов, кое-где крестьянским союзам удалось ознаменовать выступлениями свое кратковременное существование. Был образован Союз хлеборобов в захолустном Вельском уезде Вологодской губернии, но его история была безотраднa. В 1918 году для вельских крестьян свершилось худшее, их уезд оказался прифронтовым и попал во власть произвола военных. В связи с этим они рано заговорили о необходимости защиты своих интересов под флагом союза хлеборобов. Предложения о создании союза звучали в 1919 году на 3-м и 4-м уездных съездах Советов и выслушивались уисполкомом и упарткомом если не сочувственно, то и не безразлично. 28 июля 19-го года президиум уисполкома издал инструкцию по организации союза хлеборобов, и, несмотря на то, что буквально через неделю инструкция была аннулирована, она сделала свое дело, и на 5-м уездном съезде Советов уже присутствовал делегат от одного из волостных отделений союза. Полномочия делегата не были признаны съездом, однако после этого случая самоорганизация крестьянства приняла стихийный, «эпидемический» характер, как отмечалось в одном из протоколов собраний коммунистов Вельска[265]. Она охватила половину волостей уезда и перекинулась в соседний Кадниковский уезд. В проекте устава Союза хлеборобов содержались пункты, явно направленные против продовольственной политики, и в целом он был не чем иным, как протестом против местных советских и партийных органов власти. Крестьяне добивались равных с пролетариатом прав представительства в Советах, участия в распределении накладываемых на уезд разверсток и т. п.

В июне 1920 года, на 6-м уездном съезде Советов, вопрос об организации Союза хлеборобов был встречен полным сочувствием большинства съезда, который вынес решение об организации Союза. Уездный съезд профессиональных союзов также большинством поддержал инициативу создания профессионального крестьянского союза. Образовалось бюро по созыву съезда Союза хлеборобов, во главе которого стал уездный агроном Леонтьевский[266].

Вельские коммунисты, встревоженные итогами уездного съезда Советов, объявили о надвигающейся опасности для пролетариата «в лице собственнических союзов хлеборобов», которые могут быть убийцей революции, полагали они. На общем собрании было решено перевести всех местных коммунистов в состояние боевой готовности, а исполкому продолжать независимо от решений 6-го съезда проводить «твердую политику диктатуры пролетариата» и дать соответствующие поручения органам ЧК[267].

8 июля делегаты съезда Союза хлеборобов съехались в Вельск, но по постановлению уже Вологодского губернского съезда Советов были распущены. Восемь человек, в том числе Леонтьевский, были арестованы за попытку самостоятельной сходки за городом и отправлены в ЧК. Через два дня 10-й уездный съезд профессиональных союзов встал на защиту Союза хлеборобов, мотивируя свою позицию необходимостью укрепления общности интересов рабочих и крестьян, и осудил непримиримое отношение к Союзу своей коммунистической фракции[268].

События в Вельске приобрели настолько выдающуюся остроту, что аппарат ЦК счел необходимым обратить внимание на этот медвежий угол и направил 5 августа специальное письмо в адрес Вельского укома за подписью секретаря ЦК, в котором указывал на падение коммунистического влияния в уезде как результат деятельности Союза хлеборобов. В деревне существуют только объединения батраков и рабочих в советских хозяйствах, – гласило письмо, – «всякие другие объединения мелкобуржуазных, кулаческих слоев должны пресекаться в корне» [269].

В письме ЦК совершенно справедливо подчеркивалось, что в уезде сложилось угрожающее положение. Власти имели сведения, что разогнанный съезд и волею судьбы продолжают свою работу. Через полгода, 15 марта 1921 года, как раз в день принятия X съездом РКП (б) резолюции о замене продразверстки продналогом, в Вельском уезде разразилось восстание. Масса крестьян из нескольких волостей с разных сторон двинулась к городу. Первые попытки остановить движение оказались безуспешными, высланные отряды были обезоружены, избиты и убиты некоторые ответственные работники. Повстанцам удалось даже захватить телеграф, но на второй день удача им изменила, они были рассеяны огнем, и к 30 марта восстание было подавлено [270].

В силу главной своей задачи – защиты интересов крестьянства, крестьянские союзы действительно несли в себе реальную угрозу репрессивной политике военного коммунизма и большевистской монополии на власть. Наиболее очевидно свое организационное и идеологическое значение союзы трудового крестьянства продемонстрировали в Тамбовской губернии, превратившись в костяк, основную опору антоновского восстания. Тамбовская губерния издавна слыла цитаделью эсеровской партии. В свое время они приложили немало усилий для сплочения тамбовского крестьянства в строго партийные крестьянские «братства», а также беспартийные, но строго классовые Союзы трудового крестьянства в волостях. Тамбовские эсеры ставили задачу передачи власти из рук коммунистической партии в руки нового временного правительства из представителей крестьянских союзов, рабочих организаций и социалистических партий, проведения во всей полноте закона о социализации земли. Согласно докладу представителя тамбовской организации ПСР на Всероссийской конференции ПСР в сентябре 1920 года, Союзы трудового крестьянства успешно развивались в Тамбовском, Кирсановском, Усманском, Борисоглебском уездах губернии. Благополучно прошла нелегальная Тамбовская уездная конференция СТК [271]. Хотя партия эсеров и не имела непосредственного отношения к организации самого восстания, следует признать, что без их подготовительной работы оно вряд ли бы сумело принять такие угрожающие масштабы и силу. Как докладывал 15 июня 1921 года в ВКСР главный начальник всех военно-учебных заведений Д. Петровский, по сведениям активно участвовавших в подавлении восстания курсантских частей Союз трудового крестьянства Тамбовской губернии представляет собой сильную и сплоченную организацию. Он является фактически правительством, опирающимся на милиционно-территориальные кадры, использующим не только добровольцев, но и практикующим сложную систему жестких репрессий и мобилизаций в широком масштабе. Между селами существует прекрасно налаженная связь, причем СТК пользуется хорошо поставленным шпионажем, системой тайных знаков и летучей почты. Крестьяне утверждали, что редко кому-нибудь из обнаруживших сочувствие Советской власти удавалось избежать жестокой кары. СТК имеет переплетенную между собой политическую и военную организацию [272].

По своей структуре тамбовский губернский Союз трудового крестьянства подразделялся на три уездных СТК, а те в свою очередь на районные, волостные и сельские отделения. По мнению П. Залуцкого, изложенному в его докладе ЦК:

«С нанесением удара по СТК борьба с бандитизмом облегчается более чем на 3/4» [273].

Несомненно, что 17 пунктов программы тамбовского СТК составлены грамотной эсеровской рукой и относятся ко всем сторонам политики и общественной жизни всей страны. Основные требования сводились к политическому равенству, свободам, созыву Учредительного собрания, восстановлению торговли через кооперацию, возвращению заводов бывшим владельцам и установлению над ними рабочего контроля, кредит частному предпринимательству и мир с иностранными державами. Государству отводилась функция владельца железных дорог, горнодобывающей промышленности, а также высшего контроля над предпринимателями. Звучало чисто крестьянское требование установления твердых цен на промышленные товары при отсутствии таковых на хлеб. В

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org качестве гаранта предусматривалось сохранение «партизанской», читай – антоновской, армии[274].

Было бы неверным утверждать, что повсеместно события начали бы разворачиваться именно по тамбовскому образцу, будь то крестьянские союзы допущены к легальному существованию. Наоборот, тамбовские события во многом явились результатом категорического отказа большевиков от изменения своей крестьянской политики и признания трудовых объединений крестьянства, способных легально отстаивать интересы земледельца перед неумеренными аппетитами государства, прикрашенных утопическими замыслами политических вождей. Осенью и зимой 1920 года, покончив с белой контрреволюцией, большевистские лидеры получили кратковременную возможность отдаться во власть грез относительно реального положения, а более относительно перспектив не столь отдаленного будущего. Калинин вслед за руководством Наркомпрода стал повторять, что признание крестьянами моральной правильности разверстки есть огромный толчок к пробуждению его политического сознания, его ответственности перед государством и всем обществом. Секретарь ЦК Преображенский в молодежной аудитории III съезда РКСМ, кажется, сам проникся юным задором и призывал комсомольцев пробуждать в крестьянине «чувство восторга к будущему коммунистическому строю»[275].

В первой половине 1920 года крестьянство вело себя относительно спокойно, ожидая практических шагов власти в важнейших вопросах деревенской жизни, и только заезжие комиссары подмечали, что крестьяне несколько искоса смотрят им в глаза. Мужик разговаривал с властью, складывая кукиш в кармане. Особоуполномоченный ВЦИК в Новгородской губернии Подвойский сокрушался:

«Почти во всех волостях, после переговоров и объяснений агитаторов, крестьяне соглашались с ними и признают, что действительно власть Советов – народная власть. Но из выслушанных докладов видно, что эти признания совсем непрочны и вряд ли искренни»[276].

Некий военный цензор из Екатеринбурга доказывал начальству необходимость расширения сети военной цензуры, поскольку сведения, собираемые из писем, более ценны и достоверны, чем получаемые из партийных и советских учреждений, присылающих замечательные резолюции, принятые на крестьянских и рабочих собраниях. «По резолюции, скажем, в деревне Бегуново, настроение населения великолепно... а глядишь, через неделю в этой деревне вспыхнуло восстание – вот тебе и резолюция»[277]. А вот конкретный пример из письма, перехваченного цензурой: март 1920 года, Смоленск:

«Настроение крестьян по отношению к Советской власти периодическое, а именно, когда в деревне находятся отряды, то приветствуют во все горло советскую власть и обещаются горой за нее стоять. Когда отряды исчезают, и в крестьянах исчезает это хорошее настроение и обещания»[278]. Настроение крестьян сказывалось в изобретении ими всяческих ухищрений с целью надуть власть. Становились известны случаи, когда крестьяне сознательно вступали в компартию, чтобы быть поближе к власти и иметь возможность обходить ее, но эта хитрость редко удавалась, а потом крестьянину было трудно освободиться от своих новых партийных обязанностей. Иногда новоиспеченные коммунисты напивались до безобразия и сами на себя доносили, но и это не помогало.

В течение 1920 года настроение крестьянства делалось все менее и менее «периодическим», по мере того как становилось очевидным, что политика большевиков клонится к ужесточению политики продовольственной диктатуры. Точки над *i* были расставлены с объявлением разверстки на новый 1920/21 продовольственный год. С этого времени началось открытое противостояние крестьян и государства, наступает очередной перелом в настроении деревни, и уже не в пользу Советской власти. Осенью 20-го повсеместно на беспартийных крестьянских конференциях стали выноситься резолюции, сплошь и рядом противоречащие политике большевиков. В известном Вельском уезде на Щелотской волостной конференции 26 сентября вместо предложенной коммунистами была принята резолюция, гласившая:

- 1) необходимость скорейшего окончания войны;
- 2) проведение внутренней политики без участия партии коммунистов;
- 3) партию коммунистов считать частной;
- 4) с учетом разрухи временно признать трудовую повинность, но все наряды по

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org повинности должны быть представлены на усмотрение самих крестьян. «Да здравствует мир и свобода!» – провозглашала конференция[279].

На юге украинские крестьяне, узнав, что из Крыма идет армия Врангеля, несущая на своих знаменах лозунг «Земля – крестьянам», стали тайно вырезать коммунистов и открыто не исполнять советских распоряжений. Екатеринославские эсеры на сентябрьской конференции ПСР констатировали, что Врангель, сумевший привлечь крестьян обещанием земли за выкуп (а денег у крестьян было в достатке), пользуется большим авторитетом, не меньшим, чем у Махно[280]. Это говорили эсеры; с другой стороны чекисты из Харькова подтверждали, что настроение населения «возвышенное» в связи с новой разверсткой, бандами и наступлением Врангеля.

«Все население, кроме крестьян-бедняков, ждет Врангеля»[281]. В оценке настроений крестьян центра России может прекрасно служить стенограмма совещания представителей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии, проходившего совместно с пленумом Моссовета 15–17 октября 1920 года. Это был первый случай, когда центральная власть в Москве рискнула собрать крестьянских вожаков для обсуждения вопросов аграрной политики. Как очевидно из стенограммы, эксперимент для большевиков оказался явно неудачным. Возбужденные крестьяне много шумели, кричали: «Долой!» – в ответ на речи московских продовольственников. Показательно, что во время выступления самого Ленина в зале не чувствовалось привычного благоговения. Речь вождя неоднократно прерывалась шумом и ироническими выкриками типа: «Давай, давай!»

В выступлениях самих делегатов звучало несколько наиболее волнующих крестьян вопросов. Во-первых, вопрос о земле. Было заявлено, что революция крестьянам земли не дала, всю поделенную землю помещичьих имений крестьяне вынуждены были вернуть совхозам, причем землю наиболее плодородную, которая вскоре пришла в запустение[282]. Еще более бурные выступления завертывались вокруг Советской власти и ее продовольственной политики, Здесь крестьянские рассуждения полностью потекли в древнем русле: царь–де хорош, чиновники плохи. Единодушно (Высказывались, что крестьяне в принципе за Советскую власть, но против советских работников, проводящих негодную политику. Прозвучали затаенные угрозы; «Если вы не измените вашей политики, то у нас все время будут фронты»[283]. «Если к мирным жителям будете слать отряды, то Врангеля не победить, а если и побьем; то вырастут еще десятки»[284]. Завершилось совещание на грустной ноте; Отказы президиума проголосовать резолюцию по продовольственному вопросу и угрозы крестьянам сопровождалась криками: «Над нами насмеваются», «Все расскажем в деревне», «Собрали неизвестно для чего» и т. п. 17 октября председатель Смидович констатировал, что 2/3 собрания разошлось и оно было тихо закрыто. После крушения кампании по созданию крестьянских союзов, попыток договориться через Советы о смягчении большевистской политики в деревне мирных путей для защиты своих интересов у крестьян уже не осталось. Осень 1920 года ознаменовалась началом массовых крестьянских волнений, вооруженных восстаний и повсеместным усилением политического бандитизма. Судя по информационным сводкам ВЧК, политический бандитизм стал основной формой крестьянского повстанческого движения на заключительном этапе военного коммунизма. Нет возможности в нескольких словах воскресить все богатство этой всероссийской бунтарской мозаики. Здесь каждая губерния могла предложить что-то свое оригинальное. Так, осенью 1920 года в районе Златоуста бродила крупная банда, в тысячу всадников под лозунгом: «Долой Троцкого, да здравствует Ленин и Учредительное собрание!» Должно быть, Ленин, читая эту информацию, был очень благодарен за столь своевременную поддержку на местах в профсоюзной дискуссии против Троцкого[285].

На Тамбовщине антоновцы успешно громили войска внутренней охраны. В других местах, наоборот, советские войска жестоко подавляли плохо вооруженные бунты. Комиссар вооруженных сил Евстратовско-Богучарского района Воронежской губернии Воднев 6 декабря докладывал командующему 2-й особой армии о скорой ликвидации восстания в южной части губернии. Он особо обращал внимание, что это восстание по своим формам не имеет «ничего общего» с восстаниями 1918–1919 годов. Тогда бунтовало мужское население, начинавшее с разгрома Советов и избиения совработников. Здесь же «участие в мятеже принимает все население, начиная от стариков и заканчивая женщинами и детьми. Советы не разгоняются, а привлекаются на сторону восставших» и даже восстанавливаются в случаях, когда совработники бежали. Портреты вождей Ленина и Троцкого вместе с красными флагами везде сохраняются. Самый популярный лозунг: «Против грабежей и голода». Отмечались случаи участия в

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org мятеже не только отдельных коммунистов, но и целых партийных организаций. В докладе комиссара Воднева приведены факты о том, что восстание идет из самой глубины деревни, чуждое всякому влиянию кулачества, духовенства и офицерства. Более того, отмечалось много случаев, когда священники укрывали от повстанцев красноармейцев и даже комиссаров в своих домах. Явно поражало то, что, «в противовес бунтам в центральных губерниях в прошлом, здесь бросается в глаза та тупая решимость повстанцев, с которой они принимают смерть в боях с войсками. Каждый из них предпочитает смерть плену (уничтожение более трехсот человек в Криничной), были также случаи, когда тяжелораненые брались за оружие для того, чтобы вынудить красноармейцев добить их» [286]. Истинную причину мятежа так и не удалось установить, поскольку за время боев не удалось взять почти ни одного пленного из лагеря восставших. Однако комиссар пишет, что с уверенностью можно предположить, что причины эти кроются прежде всего в продовольственной политике и методах ее проведения местными властями [287].

Можно проследить, как в течение гражданской войны большевики последовательно истребляли свою социальную базу в деревне. Если в 1918 году происходили восстания действительно зажиточного крестьянства, «кулацкие» мятежи, то в начале 1919 года к ним активно подключаются и середняцкие слои. В 1920 году с поправкой на то, что деревня в Европейской России уже почти поголовно обнищала, можно сказать, что в повстанческое движение широко вливается бедняцкое население. А к концу года, как очевидно из приведенного документа, против власти начинают действовать и деревенские коммунисты. Произошел полный распад большевизма на селе: на одной стороне все крестьянство, включая коммунистов, с другой стороны – государственный аппарат насилия в виде карательных отрядов, агентов Наркомпрода, ЧК и тому подобное. Государственная власть в деревне к началу 1921 года приобрела карательный, экспедиционный характер.

Степень обнищания и безысходности не всегда прямо пропорциональны силе социального взрыва. Окончательный удар политике военного коммунизма суждено было нанести не отчаявшемуся и готовому с голыми руками идти на пулеметы крестьянству России, а еще сравнительно зажиточному и сытому сибирскому мужику. Частичные выступления против большевиков в Сибири начались летом 1920 года, после введения там продразверстки, но они либо сами улеглись, либо были строго подавлены при участии самих же крестьян. Наиболее злостные мятежники были загнаны далеко в тайгу. Обманутое временным затишьем сибирское руководство всю осень наращивало нажим и увеличивало выкачку хлеба. 4 декабря постановлением Сибирского ревкома по всей Сибири, за исключением прифронтовой полосы, было снято военное положение. Но к концу января ситуация стала радикально противоположной. 1 февраля 1921 года предсибревкома Смирнов телеграфировал в Москву, что «крестьяне-коммунисты Алтая ненадежны, а местами открыто выступают против разверстки». Во главе начавшегося восстания стоял крестьянский союз, и Смирнов полагал, что «крестьяне-коммунисты могут с ним соединиться» [288]. Он не ошибся, сибирские крестьяне – коммунисты и некоммунисты, бывшие партизаны, сохранившие оружие, объединились в могучее повстанческое движение, превосходившее по численности все советские войска в Сибири, и надежно перекрыли источники сибирского хлеба. О напряженности борьбы за Уралом говорит тот факт, что в боях с повстанцами или просто в результате партизанского террора погибло около 30.000 партийных и советских работников Сибири [289].

Как писал А. Слепков, вспоминая ситуацию конца 1920 – начала 1921 года:

«Деревня глядела на город уже не столько двуликим Янусом, одно лицо которого выражало расположение пролетарскому городу, а другое – кулацкую ненависть. У деревни появилось общее выражение, которое отнюдь не было выражением готовности идти за пролетарским городом при всяких условиях» [290].

Слепков, как верный бухаринец, комкал и путал фразы, когда речь заходила о «диктатуре пролетариата». Выражение лица деревни к тому времени было выражением чистой вражды. Физическим воплощением этого общего враждебного отношения деревни к диктатуре большевиков стал Кронштадтский мятеж, чья идеология носила ярко выраженный крестьянский отпечаток и где общим фронтом выступили беспартийные матросы и солдаты вместе практически со всей коммунистической партийной организацией крепости. В мятеже проявились те болезненные процессы в Красной армии, которые начались в ней давно, с мобилизацией в ее ряды больших масс крестьянства. Красная армия страдала противоречиями, будучи на 95 % из крестьян, она в то же время была призвана

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org защищать режим, проводящий антикрестьянскую политику. Это подрывало ее боеспособность и выплескивалось в неоднократные мятежи и волнения красноармейских частей в Гомеле, Красной Горке, Верном, Нижнем Новгороде и других местах. К началу 1921 года настроения в армии слились в единое целое с настроениями крестьянского населения России. На какое-то время армия была потеряна для большевиков, и в этот период колоссальное значение в сохранении большевистской власти приобрели краснокомандирские курсы и давно державшиеся наготове коммунистические отряды особого назначения. Именно благодаря им да невскрывшемуся льду Финского залива так скоро пал Кронштадт.

Глава IV. Рабочий класс и «диктатура пролетариата»

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата», – так указывал Маркс приходящему поколению революционеров в своей «Критике Готской программы». Термином «диктатура пролетариата» был некогда определен выдающийся период русской истории, открытый Октябрьской революцией. Это был чрезвычайно сложный период, где сконцентрировались все испытания и тяготы, которые только могут выпасть на долю нового поколения. Была война, была интервенция, экономическая разруха, голод, болезни, восстания и террор. В стране одна часть ее граждан подверглась беспощадному подавлению и истреблению со стороны другой ее части. Словом, была диктатура со всеми ее атрибутами и это несомненно. Однако русский пролетариат донныне хранит загадку своего участия в революции. Кем он оказался в ней, гегемоном, диктатором или просто человеческим материалом в замесе нового общества? Факты противоречивы. Благодаря советской историографии хорошо известны примеры участия рабочего класса России в революции, его роль в строительстве и защите Советского государства. Известна, но гораздо менее изучена другая сторона его активного участия в событиях октябрьского переворота и гражданской войны, от которой походя отмахивались, легко списывали на мелкобуржуазное влияние, сохранение пережитков прошлого и т. п. Давно существует необходимость уравнивать в правах на внимание историков обе эти стороны жизнедеятельности рабочего класса в первые годы Советской власти. Хотя бы для того, чтобы убедиться, верны ли применительно к тому времени все слова в словосочетании «диктатура пролетариата».

Уже сам ход октябрьских событий дает неоднозначные примеры. Была рабочая Красная гвардия, которая ходила занимать почту, телеграф и вокзалы, но был и Викжель, исполнительный комитет Всероссийского профсоюза железнодорожников, который в первые дни после переворота отказал в доверии большевикам, требуя создания «однородного социалистического правительства». И в дальнейшем, несмотря на все усилия большевиков, железнодорожники оставались беспокойным, неудобным для новой власти отрядом рабочего класса, нередко оказываясь в первых рядах контрреволюции, забастовок и саботажа. И в этом плане они представляли собой полную противоположность революционной роли железнодорожников в годы первой российской революции.

После большевистского переворота последние недели 1917 года были отмечены резким усилением продовольственного кризиса, разгромом винных погребов, обилием пьяных на улицах, стрельбой и распространением грабежей. В результате среди той части столичного пролетариата, которая в октябре довольно пассивно наблюдала за суетой вокруг Смольного и беготней вооруженных отрядов по Дворцовой площади, стало расти возбуждение и усиливаться эсеро-меньшевистские настроения. Глубокий раскол среди промышленного пролетариата Петрограда и Москвы показали события 5 января 1918 года. Вооруженные отряды рабочей Красной гвардии стреляли вличные манифестации рабочих, выступивших в защиту Учредительного собрания.

В Москве, 6 января, на заседании исполнительного комитета Московского Совета представители партии меньшевиков негодовали: демонстрации в начале декабря, когда большевики чувствовали за собой силу, прошли беспрепятственно. Демонстрация же 5 января «подверглась самому дикому расстрелу, хотя жертвами падали не какие-нибудь „буржуи“, а самые настоящие рабочие, представители подлинной демократии и социалисты» [291]. По убеждению меньшевиков, это доказывало, что большевики боялись участия в демонстрации именно рабочих. Они знали, что в рабочих массах происходит перелом настроения, и, для того чтобы предупредить выход рабочих на улицу, были использованы все средства. Любопытная особенность нашла отражение в

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org выступлении представителя завода «Феррейн» в пригороде Москвы. Он утверждал, что мужчины на предприятии «почти все меньшевики и эсеры, которые не подчиняются власти, а за большевиками идут женщины»[292].

Накануне 5 января все газеты оппозиции в Москве были закрыты. Заводские комитеты ряда предприятий угрожали увольнением тем, кто осмелится пойти на демонстрацию. В других случаях красногвардейцы силой не выпускали рабочих на демонстрацию, отбирали знамена. В манифестантов зачастую стреляли без предупреждения, причем «стреляли и особенную ретивость проявляли именно красногвардейцы. Патрульные солдаты вели себя гораздо сдержаннее»[293].

В этот период часть рабочего класса еще могла считаться опорой власти большевиков, но разрушительные процессы, особенно быстро прогрессирующие в первые месяцы 1918 года, к весне привели к изменениям и в этой обласканной и привилегированной прослойке рабочих. Начало широкомасштабной гражданской войны в России непосредственным образом связано с ростом недовольства среди рабочих режимом большевиков. Революционная ломка старого государственного аппарата и контрреволюционный сепаратизм регионов разорвали единый экономический организм бывшей империи, что в первую очередь тяжело отразилось на зависимых от привозного сырья и продовольствия центральных и северных губерниях страны. При общем недостатке хлеба в России к маю 1918 года в промышленных центрах стали испытывать острейший продовольственный кризис, настоящий голод со смертельными исходами. Не было ни недели в апреле и мае, чтобы Зиновьев из Смольного не посылал в Москву телеграммы, как правило составленной в истеричном тоне, которая сообщала об отчаянном положении Петрограда: «Пришлите из Москвы хоть что-нибудь!»

В апреле и мае 1918 года в Петрограде и других городах среди рабочих стало активно развиваться известное движение по созданию «Чрезвычайных собраний уполномоченных фабрик и заводов». Эти новые «собрания», по замыслу руководивших движением меньшевиков и правых эсеров, должны были явиться возрождением чисто классовых пролетарских организаций вместо утративших свой классовый характер и превратившихся в простые органы местного управления большевизированных Советов. Собрания должны были проводить независимые от власти взгляды по всем насущным вопросам, начиная от продовольствия, печати, Красной армии и заканчивая Учредительным собранием.

Симптоматичные события развивались в Верхнем Поволжье. 29 апреля в Рыбинске все хвосты, стоявшие у продовольственных лавок, снялись с места и загрохотали площадь и улицы перед местным Советом. Членов исполкома, проходивших в здание, избивали, 40 красноармейцев вызванной караульной команды были обезоружены. Пришлось вызвать целую роту, началась стрельба, были ранены и убиты[294]. Подобные сцены происходили неоднократно во многих российских городах. 20 мая в Нижнем Новгороде начались волнения на почве уменьшения хлебного пайка. Сценарий все тот же, писала газета «Знамя труда»: женщины, толпа, избивание совработников, войска, выстрелы в воздух, военное положение...[295]. В Костроме 23 мая в два часа прекратили работу все фабрики, и вечером во дворе дворянского собрания сошлось около 5 тысяч человек. Обсуждали вопросы об Учредительном собрании, о свободе хлебной торговли и другие. Большевистским ораторам выступать не дали. После бурных прений была принята резолюция о возбуждении перед Совнаркомом вопроса о разрешении свободной торговли под контролем общенародной небольшевистской власти[296]. Настроение в городе повышенное, особенно в связи с известиями о тревожном настроении в Рыбинске и Ярославле, – сообщал костромской корреспондент[297]. Это было не совсем точно. На улицах города Ярославля уже развернулись настоящие бои между частями Красной армии и еще не расформированной рабочей красной гвардией[298]. Не только в Ярославле, но и в других городах бывшая верная опора большевиков разворачивала свои штыки против новой власти.

Выступление чехословацкого корпуса и образование фронта боевых действий в Поволжье было самым активным образом поддержано рабочими Поволжья и Урала. В известном докладе председатель Высшей военной инспекции Подвойский писал, что «рабочие за редким исключением враждебно настроены по отношению к Советской власти. Но нет сомнения в том, что значительная часть их относится к переживаемому нами моменту совершенно пассивно. Безработные демобилизованных заводов чаще всего враждебны нам, некоторая часть рабочих трубного и патронного заводов в Самаре пошла в казаки»[299]. Отмечалось, что особенно непримиримо настроены железнодорожники, чьи действия переходят в прямое сопротивление и саботаж распоряжений большевистской власти[300]. Судьба российского золотого запаса, захваченного чехами в Казани, была в

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org немалой степени определена саботажем железнодорожников при эвакуации грузов из районов боевых действий.

Для российских коммунистов самым неожиданным образом стала очевидной коварная диалектика «цепей пролетариата». В принципе верное умозаключение Маркса о том, что пролетариат не имеет ничего, кроме своих «цепей», на деле оказалось весьма двусмысленным. Отсутствие значительной собственности у рабочих, их организованность, относительная грамотность и слабая привязанность к интересам буржуазного строя действительно превращали рабочих в наиболее революционный класс капиталистического общества. Поэтому марксистская идея использовать силу промышленного пролетариата для свержения власти буржуазии возникла не на пустом месте. Но цепи не только приковывали пролетария к машине капиталистической эксплуатации, они связывали его с системой общественного воспроизводства, в том числе воспроизводства его собственной жизни. Эти цепи, эта единственная собственность пролетариата служили ему единственным источником существования, и, подпилив их, социальные революционеры в один момент лишили рабочих своего куска хлеба. Разорвавшись, цепь одним концом смертельно ранила буржуазию, другим – больно ударила по рабочему классу. Идея освобождения рабочего класса превратилась в свою противоположность – жуткую действительность голодного существования, зависимость от случайных, скудных источников пропитания.

В годы гражданской войны симпатии и настроения рабочих самым непосредственным образом были связаны с их продовольственным снабжением, и поскольку отношения большевистской власти с крестьянством никак не клеились, то это и определяло устойчивое отрицательное отношение рабочих к большевикам. Всероссийский «агитатор» М. И. Калинин, как его называл Троцкий, находясь в бесконечных поездках по Советской республике, мог составить точную картину о настроениях населения в разных регионах страны. И он на заседании ВЦИК 23 октября 1919 года поделился своими впечатлениями с аудиторией. Он определенно указал, что чем ближе продвигаешься к центру от окраин, тем становятся заметнее антикоммунистические и антисоветские настроения. Калинин подчеркнул, что самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода[301].

Особенно много таковых скопилось в Смоленской губернии, что дало о себе знать на выборах в горсовет в начале 1920 года. Рабочие на фабриках не давали говорить коммунистам, представители коммунистов прошли в Совет за редким исключением, только за счет голосов красноармейцев. Рабочие почти всех предприятий отдали свои голоса меньшевикам и беспартийным[302]. В Петрограде среди рабочих шли разговоры, что пускай у власти кто угодно стоит, а нам хлеба дай[303]. Известный партийный оппозиционер Г. И. Мясников, одно время по решению Оргбюро ЦК отправленный в Петроград для исправления своих уклонов, писал:

«Петроград далеко не такой парадно-красный, забастовки, итальянки возникали по любому поводу. Во всех них винули меньшевиков и эсеров, их арестовывали, но забастовки не прекращались и, наоборот, все более обострялись, а меньшевики и эсеры, благодаря гонениям, превращались в героев, и вскоре за них восставали всем заводом, восставали горой. А коммунисты в глазах масс превращались в комищеек. Меньшевики и эсеры могли критиковать порядки, говорить доступную уму каждого рабочего правду, а коммунисты говорили о возвышенных материях, о будущем земном рае. Коммунист был обязан говорить, что все хорошо»[304].

Деятельность меньшевиков и эсеров среди рабочих нередко, особенно в 1918–1919 годах, переводила возмущение рабочих в политическое русло. Сильнейшая волна забастовок на крупнейших предприятиях потрясла Петроград в 1919 году, накануне VIII съезда РКП (б). 10 марта под руководством левых эсеров десяти тысячный коллектив Путиловского завода единогласно принял обширную резолюцию, направленную против «диктатуры ЦК партии большевиков», в которой заявлялось об измене большевиков заветам Октябрьской революции и предательстве интересов рабочих и крестьян России. Выразался протест против террора, навязанного большевиками трудящимся Советской России, против преследований партии левых эсеров, крепостного прикрепления рабочих к фабрикам, против разоружения и вывода революционных моряков и красноармейцев из Петрограда. Выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным Советам, уничтожения чрезвычайек, отмены казней и пыток, свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.[305].

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
В течение недели почин путиловцев поддержали коллективы других предприятий Петрограда, начались невиданные по масштабу репрессии против взбунтовавшихся рабочих. На территорию предприятий вводились броневики, подразделения чекистов и курсантов, отряды, сформированные из латышей и китайцев. Ими были расстреляны общие собрания завода «Треугольник» и Рождественского трамвайного парка, количество арестованных рабочих исчислялось сотнями. На самом Путиловском заводе было арестовано 65 человек, в основном из левых эсеров, которые сгинули где-то в казематах чрезвычайки[306].

Левые эсеры предпринимали усилия к тому, чтобы придать забастовкам в Питере всероссийский характер. В Москве им удалось организовать собрание более 4000 рабочих и служащих Александровских железнодорожных мастерских, которые 19 марта вынесли антибольшевистскую резолюцию с призывом к матросам и красноармейцам спасти питерских рабочих[307].

Здесь любопытно взглянуть, каким образом были ликвидированы волнения рабочих Александровских мастерских. Об этом можно получить сведения, заглянув в протокол заседания коллегии НКПС от 31 марта под предводительством Л. Б. Красина. В повестке заседания только один вопрос: о закрытии Александровских мастерских. (Слушание проекта, согласованного со Всероссийским производственным железнодорожным союзом, Центральной нормировочной комиссией и политическим отделом НКПС.) Постановление по означенному вопросу гласило: ввиду слабой производительности труда мастерские закрыть, мастеровых и служащих рассчитать, Далее следует иезуитская формулировка: «Открытие мастерских произвести в зависимости от условий, дающих возможность рассчитывать на, то, что мастерские будут работать должным образом» причем новый набор рабочих и служащих должен быть произведен через профсоюзные органы[308].

Приведенный документ представляет интерес потому, что в нем отражена типичная схема утишения рабочих выступлений, выработанная и применявшаяся большевистской властью в тех случаях, когда притязания рабочих к своей диктатуре становилось уж слишком непомерными: арест чекой особенно горластых, закрытие, расчет, затем новый набор с просеиванием кандидатур через сито профорганов, которые в таких случаях любезно принимали на себя полицейские функции.

С разгаром гражданской войны в требованиях рабочих все чаще встречались призывы прекратить бойню гражданской войны. Железнодорожники выносили резолюции с требованием немедленно прекратить военные действия и заключить мир с Колчаком[309]. На предприятиях Тверской мануфактуры главное требование забастовщиков в июне 1919 года заключалось уже не в продовольствии и свободных выборах в Советы, а в прекращении войны[310]. Тот обыватель, что попугливее, делился такими своими впечатлениями из Твери во время этих событий:

«Народ очень взволнован, требует чего и не следует; 2 фунта хлеба, 1 фунт масла, 1 фунт леденцу, долой войну, долой Совет, а что нужно, не говорят: или Николая, или Учредилку, но Колчака не нужно»[311].
В самой Москве, в период активного наступления деникинской армии, 9 июля 1919 года, в день публикации обращения ЦК, написанного Лениным: «Все на борьбу с Деникиным!» – по сведениям из частных писем, в Сокольниках рабочие ходили с белыми флагами и лозунгами: «Долой кровавую бойню, дайте хлеба!»; «Да здравствует Учредительное собрание!»[312]. В эти же дни рабочие московской Прохоровской мануфактуры отказались подчиниться мобилизации в Красную армию и устроили демонстрацию с белыми флагами[313]. Помимо многочисленных свидетельств о пассивном или забастовочном сопротивлении диктатуре большевиков история сохранила факты активной вооруженной борьбы рабочих с коммунистической властью. Не только такие широко известные примеры Ижевской и Боткинской добровольческих рабочих бригад, образцово сражавшихся на стороне Колчака, но и другие менее известные эпизоды. Так, по сведениям Раковского, рабочие знаменитого завода «Арсенал» вместе с рабочими других киевских заводов принимали участие в боях против советских войск при попытке занятия Киева Красной армией 15 октября 1919 года. Киевский губернатор, генерал Драгомиров, лично раздавал Георгиевские кресты рабочим, отличившимся в обороне[314].

Любопытен вопрос об участии территориальных подразделений Всеобщего (Всеобщего военного обучения трудящихся Советской России), подхвативших эстафету у Красной гвардии, в локальных мятежах против коммунистического

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org режисера. Об участии рабочих из Всевобуча в чапанном восстании поволжских крестьян упоминал в известном докладе Смидович. Он предлагал всю организацию Всевобуча и имеющееся у него оружие поставить под контроль комячеек, а в тех местах, где их нет, отложить организацию военного обучения до лучших времен[315]. Территориальный полк Всевобуча принимал участие в восстании в Казанской губернии в феврале 1920 года, наряду с офицерами, бывшими помещиками и дезертирами[316].

В течение войны у большевиков при мобилизациях рабочих в Красную армию возникало не меньше проблем, чем при мобилизации крестьян. Рабочие были организованы в профессиональные союзы и имели возможность оказывать сплоченное сопротивление требованиям властей. Уполномоченные ЦК РКП(б) и ВЦИК, направленные в мае 1919 года по всем губерниям для проведения мобилизаций, отмечали, что были случаи отказа целых профессиональных союзов дать хотя бы одного человека[317]. Кроме этого, с большевиками разыгрывали шутку коренные особенности развития российской промышленности, где рабочие сохраняли тесную связь с деревней и нередко имели крестьянские наделы. 19 мая на заседании Оргбюро ЦК профессионалист Рязанов сокрушался, что распоряжение РВСР о мобилизации только одних рабочих (согласно Декрету СНК, опубликованному 11 апреля) повлекло за собой массовый переход рабочих в крестьянство, поэтому процент мобилизованных крайне ничтожен. К слову, тут же им было добавлено, что и мобилизация крестьян-добровольцев тоже ничего не дает[318].

Несмотря на ограничения, прямое давление и обычные подтасовки, которыми большевистские парткомы обставляли выборы в рабочие Советы, перевес оппозиции на выборах порой оказывался настолько подавляющим, что в таких важных промышленных центрах, как Тула, Советы оставались меньшевистскими. Во время войны в Туле на военных заводах компартия не имела никакого влияния, там сложился крепкий меньшевистский центр. До перехода власти в руки Советов в Тульском горсовете у меньшевиков и эсеров было лишь незначительное большинство в несколько голосов, но, как докладывал в ЦК Н. Копылов, один из известных тульских комработников, в начале 1918 года «после перехода власти к Совету начинается крутой перелом в настроении рабочих. Большевистские депутаты начинают отзываться один за другим, и вскоре вообще положение приняло довольно безотрадный вид... Пришлось приостановить перевыборы и даже пойти по пути непризнания перевыборов, где они состоялись не в нашу пользу», – признается Копылов[319]. В процессе сокращения военного производства и увольнения пришлого, неквалифицированного элемента «на заводах создалось прочное кулацко-контрреволюционное ядро», – так характеризует Копылов кадровую, высококвалифицированную прослойку тульских металлистов-оружейников. В рабочих кварталах с каждым днем крепло контрреволюционное настроение[320].

С 1919 по 1920 год меньшевики получали надежное большинство в Тульском горсовете и от имени рабочих, избирателей выступали против диктатуры большевиков, в поддержку бастующих тульских рабочих. При всей важности тульских оружейных заводов, в годы войны забастовки там происходили ничуть не реже, чем в любом другом промышленном центре. Например, в апреле 1919 года тульские рабочие провели итальянскую забастовку. Хотя в требованиях забастовщиков звучали традиционные экономические мотивы, Оргбюро ЦК, рассматривавшее вопрос, признало, что «основа забастовки политическая»[321]. Предложение председателя ВЦСПС Томского о решении вопроса в духе примирения и некоторых уступок рабочим было отклонено членами Оргбюро, поскольку, по их мнению, это не давало «никаких гарантий, что забастовка будет прекращена». Постановили действовать жестко и решительно. Дзержинский телеграфировал тульским чекистам:

«Будьте решительны до конца, не входите ни в какие соглашения»[322]. Забастовка была подавлена путем ареста 290 человек и распределения продовольствия. 10 апреля, после угрозы увольнения всех не вышедших на работу, оружейники частично приступили к станкам. Ровно через год в сводке о партийной работе тульского губкома РКП(б) вновь встречаем информацию о том, что недавно на оруж-патронных заводах происходили забастовки в ряде мастерских. «Причина забастовок – продовольственные затруднения и работа меньшевиков»[323]. Кстати, забавно, что в докладе правительству от одной санитарной комиссии в 1920 году отмечалось: «В Советской республике, быть может, нет ни одного столь преступно загаженного города, как город Тула...»

Главным требованием бастовавших из-за отсутствия продовольствия повсеместно являлось требование снятия заградительных отрядов, которые осуществляли

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org контроль за исполнением важнейшей составной части большевистской политики военного коммунизма – государственной монополии на основные продукты питания.

Продовольственная диктатура явилась неотъемлемой составной частью большевистской диктатуры, и борьбу рабочих против системы продовольственной диктатуры будет правомерно рассматривать в контексте их оппозиции большевистской диктатуре вообще.

Отсутствие продовольствия являлось главным источником напряженности в известном текстильном центре России Иваново-Вознесенском районе. Несмотря на запас мануфактуры, уже гниющей на национализированных складах, ткачи с 1918 года испытывали хронический продовольственный кризис. Поэтому, например, развитие ситуации в Иваново-Вознесенском районе в 1920 году представляет собой картину практически не прекращающихся рабочих волнений.

В начале января рабочие Шуи, Вычуги, Родников и других фабрик бросили работу с требованием снятия заградительных отрядов[324]. 17 февраля на заседании бюро губкома партии отмечалось, что продовольственный вопрос обострился до крайности[325]. Там же 23 февраля поднимается вопрос о слухах относительно возможного выступления рабочих Иваново-Вознесенска, Середы и Вычуги[326]. В тот же день на пленуме горкома заслушивается информация о собраниях рабочих, где выступают против Советской власти, о том, что на фабриках усиленно массируются слухи о готовящемся выступлении рабочих 25 февраля. Отмечается повышенное, злобное настроение рабочих, которые заявляют: «Если взяли власть, то дайте хлеба, а если не можете, то убирайтесь к черту и уступите место другим», На фабрике Куваева в Рылихском районе представитель солдат на тайном совещании рабочих заверил, что солдаты стрелять не будут[327]. 25 февраля на бюро губкома рассматривался вопрос об уже состоявшемся выступлении рабочих, которое приняло форму сходки на центральной площади города с участием приблизительно полутора тысяч человек[328]. И т. д. и т. п. почти через каждый месяц. В телеграмме в ЦК РКП (б), отправленной из Иваново-Вознесенского губкома в мае 1920 года, говорилось, что в связи с продовольственными затруднениями повсюду на местах назревает атмосфера стачек, волнений, выходов на улицу, носивших пока не организованный характер, но грозящих вылиться в массовые стихийные протесты[329].

Самыми трудными в продовольственном отношении были летние месяцы, в преддверии нового урожая, и зимняя пора из-за своих снежных заносов на железных дорогах. 6 декабря 1919 года в адрес VII Всероссийского съезда Советов поступило отношение комитета московского отделения Всероссийского союза рабочих-металлистов, где говорилось:

«В последнее время продовольственный кризис все более и более обостряется, рабочие массы все более сжимаются голодом. Сделанные летом и в начале осени запасы продуктов в большинстве случаев израсходованы, продовольственные учреждения ничего не дают своим потребителям. Рабочие обессиливают, теряют всякую физическую возможность работать у станков... На этой почве на целом ряде московских металлообрабатывающих заводов рабочие близки к открытому выступлению, всюду ими обсуждается продовольственный вопрос»[330]. Делегация завода «Гаккенталь» заявила, что рабочие прекратили работу и требуют разрешения свободного провоза продуктов. Рабочие завода «Добров и Набольц» также предупредили о возможности остановки работ, на Икшанском проволочно-гвоздильном заводе рабочие начали итальянку[331].

Формы голодного протеста на предприятиях не всегда ограничивались разного рода ходатайствами, резолюциями и забастовками. Свое требование открыть свободный обмен хлеба на изделия собственного производства рабочие иногда сопровождали решительными действиями. В январе 1920 года разразился сильный скандал в ВСНХ, нашедший отзвук и в Политбюро ЦК, в связи с событиями на мыловаренных заводах «Ралле и Брокар» в Москве. Рабочие взломали помещения складов и распределили между собой по 12 фунтов мыла и немного парфюмерии в счет зарплаты за январь. Таким образом, были самовольно изъяты сотни пудов мыла, причем ни заводоуправление, ни заводские комитеты не приняли никаких мер по предупреждению инцидента[332]. В ответ на действия рабочих коллегия главка «Центрожир» постановила заводы закрыть, рабочих и служащих рассчитать, о действиях должностных лиц и фабзавкомов доложить в московскую ЧК для расследования.

Безусловно, прежде всего рабочим надо было как-то существовать, в те

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org времена практически каждый горожанин что-то нес, что-то обменивал на вольном рынке, старое нажитое, новое наворованное. Размеры воровства достигли критического уровня, карательные органы зашли в тупик. С воровством и спекуляцией невозможно было справиться; несмотря на аресты и расстрелы, дела становились все крупнее. Проблема массового воровства не ограничивается только сферой криминалистики и уголовных расследований, с полным правом ее можно рассматривать как сознательную форму социального протеста. Не всегда рабочие открыто взламывали склады, тащили и тихо, уносили тайком, но в размерах, превосходящих всякое разумение.

Из секретной сводки ВЧК за апрель 1920 года по Владимирской губернии узнаем, что здесь зарегистрированы случаи, когда рабочие от голода падают у станков в бессознательном состоянии[333]. Далее из сводки отдела военной цензуры РВСР за тот же апрель выясняется, что рабочие в городе Гусь-Хрустальный решили тащить с фабрики все, что попадет под руку. Куски миткалевой ткани сотнями переправлялись в деревню и обменивались на хлеб и картофель. «В несколько дней фабрика превратилась в Хитров рынок». Поставленному контролю рабочие говорили: тащи сам и не говори про меня. На несколько воззваний власти рабочие отвечали: «Дай хлеб, не будем воровать». В один день толпа осадила здание продовольственного комитета с криками: «Дай хлеба, иначе растащим все!» Толпу разогнали вооруженные коммунисты, были аресты. Рабочие дали честное слово, что не будут воровать, и получили по 25 фунтов хлеба[334]. Но это, как видно, оказалось ненадолго. На X партконференции РКП(б), уже в начале НЭПа, кто-то вспоминал, что недавно в Гусь-Хрустальном рабочие на общем собрании решили, что не будут воровать, пока их делегаты ездят в Москву, и получилось, что за две недели, пока делегация вела переговоры, пока рабочие не воровали, выпуск мануфактуры увеличился на 200 %, так и выяснилось, что воровали около 2/3 всей продукции![335]. От владимирцев не отставали и другие. Из Перми весной 1920 года поступала информация, что в связи с катастрофическим продовольственным положением рабочие все, что возможно, тащат из складов и несут на толкучку и в деревню[336].

Система продовольственной диктатуры, очень озлоблявшая рабочих, была одним из главных, но не единственным элементом в общей системе военного коммунизма. Бегство голодных рабочих с предприятий, из городов в сельские районы дополняло невзгоды российской промышленности и ускорило ее деградацию. В период мирной передышки начала 1920 года в плане восстановления народного хозяйства IX съездом компартии был утвержден принцип милитаризации промышленного труда. Это означало, что рабочие теряли остатки прав на свободу передвижения и выбора деятельности и прикреплялись к своему предприятию, подобно крепостным крестьянам при мануфактурах петровских времен. В условиях отсутствия централизованного государственного снабжения подобная мера усугубила бедственное положение рабочих, поскольку лишала их возможности самостоятельно добывать продовольствие мешочническими поездками в сельские районы, в хлебные губернии. Ожесточение рабочих возросло, их протест стал принимать формы злостного вредительства и саботажа.

Из Перми в сентябре 1920 года информировали ЦК РКП(б) о ситуации на Мотовилихинском заводе, где прогрессирует развал:

«Авторитет заводоуправления и нужная внутренняя организационная спайка отсутствует. Живая рабочая сила разлагается. Невыход на работу достигает 50 %, пожары, хищения, умышленная порча паровозов, скрытый саботаж продолжаются»[337].

На Кольчугинском медеобрабатывающем заводе Владимирской губернии, единственном предприятии в стране по отливке патронной латуни и пульного мельхиора, принудительное решение, основанное на милитаризации завода, об увеличении рабочего дня на 2 часа создало невероятную атмосферу, сообщила администрация завода. Были попытки поджечь склады предприятия, уничтожение которых грозило полной остановкой производства[338]. Хороший подарок революционного пролетариата хищникам международного капитала был обнаружен в сентябре 1920 года в Петрограде. Там при выгрузке на склад трех вагонов со снарядами случайно выяснилось, что снаряды «снаряжены» песком, опилками и всякой дрянью[339].

Лаконичная и полномасштабная информация о настроении рабочих на местах содержалась в особых информационных сводках ВЧК, рассылавшихся высшему руководству в Москве. Так, например, в сводке за вторую половину августа 1920 года отмечены забастовки в Калуге, Московской, Владимирской,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Нижегородской, Смоленской; Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Донецкой, Саратовской, Иркутской губерниях[340]. Это есть заурядный список выступлений рабочих, в смысле количества перечисленного, который из недели в неделю видоизменялся только по наличию или отсутствию в нем некоторых губерний. Иной раз в Калуге все было относительно спокойно, зато в соседнем Брянске рабочая буза выходила из берегов.

Чтобы эта, благодатная и в реальной жизни переполненная эмоциями, тема не совсем засохла на бумаге, можно подробнее ознакомиться с отрывком хроники будней рабочих окраин Петрограда, запечатленной добросовестными летописцами из секретного отдела ВЧК в октябре 1920 года:

4 сентября. На 4-й государственной парусиновой фабрике рабочие не приступали к работе до 12 часов, требуя выдачи красноармейского пайка. После выдачи продуктов приступили к работе 9 сентября. На фабрике заготовления Государственных знаков и некоторые мастерские не вышли на сверхурочную работу. Рабочие требовали красноармейский паек и премиальную оплату. Производство стояло с 12 часов ночи до 8 утра, после объяснений председателя профсоюзного комитета работа возобновилась.

18 сентября. В главных мастерских Варшавской железной дороги 1500 человек прекратили работу, требуя освобождения арестованных левых эсеров. Организатор цеха тов. Межев был избит и изуродован, прибывшие тов. Зорин и Сергеев получили название провокаторов и были согнаны с трибуны. Только после вызова матросов рабочие разошлись по домам и 20-го принялись за работу.

20 сентября. Забастовка на 1-й государственной фабрике шерстяных изделий и писчебумажной фабрике «Коммунар».

21 сентября. Забастовка на заводе Речкина.

27 сентября. На Обуховском заводе вместо 4000 на работу вышло 200 человек, на заводе Речкина – 150 вместо 650, на Ижорском заводе 5565 человек просидели без работы до 4-х часов.

2–3 октября. Аресты наиболее активных участников забастовки на Обуховском заводе.

4 октября. На Обуховском рабочие прекратили работу, потребовав немедленного освобождения арестованных.

5 октября. Завод объявлен закрытым, назначена перерегистрация всех рабочих и открыта запись для поступления вновь на службу.

Запись шла успешно.

6 октября. Работал весь завод. Незарегистрированных осталось 400–500 человек. В случае неявки они будут переданы в комдезертир. Производительность завода не пострадала.

5 октября. На заводе «Новый Арсенал» рабочие бросили работу из-за нехватки хлеба в течение нескольких дней.

6 октября. На «Новом Арсенале» рабочие приступили к работе с условием, что 7-го им будет разрешено созвать общее собрание[341].

Скупая хроника одного месяца в одном городе, причем важно заметить, что в продовольственном отношении осень 1920 в городах Совдепии была самой благополучной в течение всей гражданской войны.

Рабочие массы, испытавшие на себе белогвардейские режимы, пережили такой же перелом в сознании, как и крестьянство, в конечном счете отшатнувшись от контрреволюции. Какой музыкой, наверное, звучали в кремлевских кабинетах такие короткие сообщения, как в августе 19-го из Уфимской губернии:

«На Катавском заводе из 2000 рабочих осталось 60 человек, остальные ушли добывать колчака»[342].

В 1920 году, с исчезновением реальной политической альтернативы большевикам, исчезают в основном и политические мотивы продолжающихся

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org рабочих выступлений, более акцентированных теперь на экономических требованиях. В марте какой-то мирный обыватель из Самары писал:

«На днях здесь бастуют печатники, и на казенном трубочном заводе предъявляют требования повышенной заработной платы, продуктов и все вместе просят свободной торговли. Бросают прокламации с призывом: „Долой коммунистов-бюрократов!“ Сейчас на Советской улице разгоняли забастовщиков, кавалерия дала залп и нагайками начала крыть, как в старое время» [343]. Знаменательно, что в 20-м году наблюдаются некоторые новинки в приемах окрепшей власти по умиротворению рабочих выступлений. Теперь они заканчивались не только закрытием предприятия и массовым увольнением рабочих, но нередко отдачей подходящих возрастов в солдаты и отправкой остальных в концлагерь. Например, как докладывал в Москву председатель Екатеринбургского губисполкома:

«В сентябре здешние рабочие выступили против формирования и посылки в деревню продотрядов. Особенно соглашательскую резолюцию вынесли рабочие трамвая. Мы решили принять курс железной политики не только по отношению к кулаку, но и к особенно зарвавшимся группам рабочих. С этой целью в качестве пробного шара... мы закрыли трамвай, рассчитали всех рабочих и служащих, часть из них отправили в концентрационный лагерь, часть на фронт (призывной возраст), а иных прямо в губчека. Это подействовало благотворно, и приток рабочих в продотряды усилился» [344]. Подобные шары катали начальники и в других губерниях. Член РВС Западного фронта И. С. Уншлихт сообщил 21 февраля 21-го года о том, что забастовка на Нельской фабрике в Клинцах Смоленской губернии ликвидирована путем арестов и передачей военнообязанных уезд-военкому [345].

Антоновщина была наиболее ярким эпизодом в череде крестьянских восстаний против диктатуры большевиков, но в тамбовских событиях на стороне повстанцев принимали участие и рабочие немногочисленных предприятий, расположенных в этой крестьянской губернии. Некий товарищ Обьедков, очевидно какой-то профессионалистский функционер, писал в сентябре 1920 года в ЦК союза текстильщиков, что здесь как крестьяне, так и рабочие абсолютно контрреволюционно настроены, а поэтому первое восстание Антонов сделал на станции и селе Сампур, где крестьяне и рабочие, конечно, примкнули к банде [346].

В районе антоновского восстания находилось местечко Рассказово, промышленный центр, где было сосредоточено большинство суконных фабрик, кожевенный, а главное – винокурный заводы. В Рассказове насчитывалось около 250 коммунистов, но когда поступили известия о приближении банды, их осталось человек 80–100.

«Наша надежда была в том, что рабочие охотно пойдут на защиту своих предприятий, но вышло наоборот, – писал Обьедков, – когда я стал призывать товарищей рабочих на охрану фабрики, последние абсолютно не отозвались. Геройски показали себе служащие Арженской фабрики – все, как один, пошли на охрану, не считаясь со временем» [347]. Как видно, товарищ Обьедков был далеко не в восторге от поведения рабочих в зоне антоновского мятежа и не склонен к комплиментам в адрес гегемона революции и самого прогрессивного класса в обществе. В период революции и гражданской войны русский пролетариат, как и другие социальные группы, отнюдь не являлся монолитом и откровенно демонстрировал истории свою неоднозначную, противоречивую физиономию. Комиссар, шагавший в рост под пулеметным огнем, – это рабочий, и мешочник, скрючившийся в углу теплушки, давно забывший дорогу к станку, – это тоже рабочий. Продотрядовец, горячо убеждающий на митинге крестьян помочь голодающему городу, – это рабочий, и разъяренный забастовщик, устремившийся во главе толпы громить советский исполком, – это тоже рабочий. Много подобных лиц открыла у русского рабочего революция, и невозможно сказать, какое из них настоящее, природное. Главное, что все они принадлежат одной и той же голове.

Техническая интеллигенция, давно знакомая с русским заводским людом и с лучшей и с дурной стороны, была очень далека от его идеализации. Выдающийся ученый-металлург В. Е. Грум-Гржимайло с грустной иронией отзывался о рабочих в годы революции. В 1924 году он писал, что заводской народ отвык от работы, самым понятным и близким ему было: «Грабь награбленное!» Хотя все заборы пестрели лозунгами, что «Труд победит все», «фактически заводской люд все еще старается слодырничать, изловчиться и получить средства к жизни не за работу, а за лодырничество» [348].

После Пугачева, в натуре русского рабочего, обихоженного большевиками пропагандистскими посулами и классовыми привилегиями, проснулся Обломов, который стал одним из его самых неприглядных ликов времен всероссийской смуты.

В октябре 1920 года в Костроме, на объединенном заседании губкома, губисполкома и губчека, крупный работник губернского масштаба, некто Лебедев, выступил с просьбой освободить его от работы в комитете. Присутствующие были немало изумлены, сошла прочь дремота заседания, и вопросительно заскрипели стулья. Мотивируя, Лебедев указал на зловещие признаки разложения в партии, злоупотребления ответственных работников и, кроме этого, выразил несогласие с господствующим в политике отношением к крестьянству и рабочим:

«Когда мне приходилось говорить с крестьянами и слышать от них, что рабочие ничего не делают, я защищал рабочих, становился на их сторону, доказывал крестьянам, что рабочие живут в несравненно худших условиях, чем крестьяне, что у них существует суровая трудовая дисциплина, расценки, тарифы. Но ведь я лгал крестьянам, я брал в пример идеальных рабочих, а разве наши костромские таковы? Наш пролетариат скоро будет походить на римский, который только требовал хлеба и зрелищ»[349].

Все правильно, но напрасно Лебедев слишком строго судил свою Кострому и уподоблял ее худшим античным образцам. В Самаре могли сказать то же самое. Одному заезжему кооператору из Москвы пришлось вступить в беседу с тамошними крестьянами по поводу сева яровых. Крестьяне отвечали, что сеять думают только для своего обихода, мол, довольно нами верховодить. Пускай сами попробуют в земле покопаться, жир-то небось живо сойдет. По привычному ходу мысли кооператор предположил, что речь идет о буржуях, но оказалось, что забастовка с посевами направлена не против них, а против... рабочих. Ему открылся целый арсенал обвинений рабочих в дармоедстве (сокращение рабочего дня и понижение производительности труда), и подвиги реквизиционных отрядов, и стремление рабочей кооперации занять положение хозяев во всей кооперативной системе.

«Интересы тружеников деревни и города не всегда совпадают, – писал кооператор, – а вывод... вывод все то же роковое: пушай землю едят, а работать на них мы не согласны»[350].

В таком неприглядном образе нередко представал рабочий в глазах интеллигента, партийного работника, крестьянина: пугачевец, лодырь, дармоед. Заигрывание власти с пролетариатом промышленных центров, классовый паек, о котором крестьяне неблагополучных губерний могли только мечтать – все это в конечном счете усугубляло неприязнь к рабочим в остальном обществе.

Особенностью внутреннего положения в Советской республике осенью 1920 года явилось не только окончание войны с Польшей и разгром Врангеля, не менее существенным признаком стало заметное и отрадное для власти умиротворение настроений среди рабочих крупных промышленных центров. Неплохо поставленный репрессивный аппарат Наркомпрода сумел с начала 1920/21 продовольственного года наладить выкачку продовольствия из деревни и снабжение промышленных регионов. Однако это обещало в недалеком будущем и большие потрясения. Крестьянский карман был далеко не бездонен. Развивающийся кризис сельского хозяйства и усиление крестьянского недовольства к началу 1921 года вызвали небывалый, почти повсеместный рост крестьянских восстаний. По сути, начался новый этап гражданской войны уже внутри самого союза победителей белой контрреволюции. Подвоз продовольствия в январе 21-го года оказался парализованным, отчасти в результате действий повстанцев, отчасти из-за традиционных снежных заносов, к которым в довершение прибавился острый топливный кризис. Прибавилась партийная дискуссия о профессиональных союзах, в ходе которой коммунистические вожди поносили друг друга перед рабочей и военной аудиторией, помогая ей составить мнение об истинном положении дел в стране. Назревал очередной социальный взрыв, в котором, однако, имелись свои особенности.

В начале 1921 года недовольство рабочих политикой военного коммунизма стало универсальным. Ранее они в основном были озабочены собственными проблемами и выдвигали запросы, которые зачастую шли в разрез с интересами крестьян. Что было нового в начале 21-го года, так это проникновение в сознание рабочей массы интересов крестьянства. Слепков вспоминал, что произошел чрезвычайно сильный сдвиг в социальную-политическую идеологию значительных

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org групп рабочих. Еще в 1919 году они говорили: «Мы в городе пухнем с голоду, а они в деревне пухнут от обжорства». К началу 1921 года слышались уже другие речи. На митингах в адрес коммунистов раздавалось: «Вы требуете от деревни хлеба, а что даете взамен?» Процентом 60 рабочих имело связь с деревней[351]. Беспартийная рабочая конференция в Киеве в декабре 1920 года была разогнана властями только за высказанное, но еще не принятое пожелание о замене продразверстки продналогом[352].

Развитие кризиса привело в марте 1921 года к Кронштадтскому мятежу, начало которому положили волнения рабочих, начавшиеся 24 февраля в Петрограде. В конце 20-го года, в период правительственных иллюзий относительно начала экономического роста, в Петроград в порядке трудовой повинности было возвращено большое количество рабочих, бежавших ранее из-за голода в деревню. Труд-мобилизованные принесли с собой из деревни настроения крестьян, взбешенных системой разверстки, запрещением свободной торговли и действиями заградительных отрядов. И когда, в результате топливного кризиса, началось внезапное закрытие большинства только что пущенных в ход предприятий и резкое сокращение пайка, это вызвало особенное недовольство петроградских рабочих. Город охватила почти всеобщая забастовка. Среди забастовщиков стали появляться откровенно антибольшевистские листовки с требованиями коренного изменения политики, освобождения арестованных социалистов и рабочих, свободных пере выборов в Советы.

Волнения начались с Трубочного завода. В одно прекрасное утро завод оказался на замке по причине отсутствия топлива. Рабочие добились его открытия, но к работе не приступили, а начали митинг, на котором вынесли требования гражданских свобод, Учредительного собрания и отмены каторжных законов. На другой день к Трубочному присоединилась фабрика «Лаферм» и смягчила требование Учредительного собрания требованием свободных пере выборов в Советы. В течение трех дней забастовка захватила весь Васильевский остров и перекинулась в Городской район. В первые дни было разоружено более пятидесяти коммунистов, их изгоняли с заводов, а у «Лаферма» даже избили. На улицах ссаживали осанистых седоков с автомобилями и извозчиков. Группа рабочих явилась в здание Петроградского совнархоза, чтобы снять с работы служащих. Часть забастовщиков, вошедшая в здание, была арестована, однако оставшиеся на улице стали захватывать подъезжавших к СНХ коммунистов и уводить в свой район, объявив их заложниками. Наконец, 28 февраля в Невском районе на стенах домов затрепетали листовки с лозунгами, призывавшими к свержению Советской власти и созыву Учредительного собрания.

Неизвестный очевидец, близкий к эсерам, прибывший в Петроград в разгар событий, писал, что он ехал из Москвы в полном неведении, поскольку все советские газеты сообщали, что в Петрограде все спокойно. Прибыв в Петроград, уже на углу Лиговки и Невского, увидел объявление, что в Питере военное положение и хождение разрешено только до 23-х часов. Второе печатное изделие аршинными буквами спрашивало: «Кому это надо?» В ответ довольно туманно объяснялось, что где-то и почему-то есть волынщики, идущие рука об руку с буржуазными шептунами и Антантой. Написано это послание было Зиновьевым и в довольно незлобивом тоне, но зато третье явилось шедевром коммунистического творчества. Оно было озаглавлено: «От красных курсантов». По его смыслу выходило, что пробудилась всякая нечисть и прет на власть. Говорилось: «Воры, студенты, проходимцы, эсеры и меньшевики разжигают ненависть к рабоче-крестьянской власти». В конце концов делалось предупреждение всем волынщикам, что если они не встанут добровольно на работу, то их – заставят сделать это оружием, не останавливаясь ни перед чем[353]. Движение в Петрограде не приняло организованного характера в значительной степени благодаря быстрой реакции петроградской; ЧК, немедленно арестовавшей членов организаций меньшевиков, эсеров, левых эсеров и анархистов, что сразу лишило рабочих централизованного руководства. Но события перекинулись в Москву и Кронштадт, где сложились аналогичные условия. В Москве стачки металлистов начались еще в начале февраля и почти не прекращались. Вторая волна забастовок нахлынула на столицу 23 февраля. На предприятиях из состава заводских комитетов «вышибали», по выражению Шляпникова, коммунистов. 3 марта бюро комфракции ВЦСПС обсуждало вопрос о новой волне забастовок в Москве[354].

Настроения рабочих в период Кронштадтского мятежа очень хорошо характеризует письмо Кавеньяка русской революции, командующего 7-й армией М. Н. Тухачевского Ленину от 10 марта 1921 года. Тухачевский возражает на предложения о введении милиционной системы и пишет:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org «Если бы дело сводилось к одному восстанию матросов, то оно было бы проще, но ведь осложняется оно хуже всего тем, что рабочие в Петрограде определенно ненадежны. В Кронштадте рабочие присоединились к морякам. На Западном фронте я также видел неважное настроение рабочих... И если провести милицию в рабочем районе, даже таком, как Петроградский, то никто не может гарантировать, что в тяжелую минуту рабочая милиция не выступит против Советской власти. По крайней мере, сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, т. к. иначе город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать.

Что касается до подавления восстаний, то здесь, конечно, для нашей Красной армии громадная разница, бить ли матросов, или кулаков, или же рабочих. Если бы рабочая милиция где-нибудь восстала против Советской власти, то нам стоило бы больших трудов подавить восстание»[355].

После подавления мятежа последовали и длинный кнут, и приличный пряник. Наряду с жестокой расправой с кронштадтцами, по свидетельству Мясникова, рабочим Петрограда срочно выдали по 4 фунта мяса и предметы первой необходимости, ассигновали приблизительно по 50 рублей золотом на рабочего (что составляло стоимость более пуда муки) для закупки товаров за границей, сняли заградительные отряды, созвали совещание представителей заводов и фабрик и фактически предоставили свободу слова на собраниях[356]. Но главным результатом социального взрыва в начале 1921 года была конечно же отмена политики военного коммунизма и переход к НЭПу, что явилось существенным отступлением большевиков от своей первоначальной политической стратегии и значительной победой рабочих и крестьян России над диктатурой большевиков.

Как памятно из учений недавнего прошлого, социализм утопический превратился в социализм научный после того, когда было совершено открытие о всемирно-исторической роли пролетариата, как о силе, призванной осуществить социалистическую революцию и преобразовать общество на началах научного управления, социального равенства и справедливости. В дальнейшем это открытие получило развитие в теории диктатуры пролетариата. История XX века обязана была реально воплотить диктатуру пролетариата, чтобы поддержать реноме учения XIX века, подтвердить его истинность. Но она не дала подтверждения.

Не словесные манипуляции, а изучение фактического материала периода, именованного «диктатурой пролетариата», говорит о том, что таковой не было. О ней, как чисто по-английски заметил философ Бертран Рассел, можно говорить лишь в некоем пиквикском смысле. К состоявшейся диктатуре пролетариат имел лишь косвенное отношение. Диктатура оказалась диктатурой нового государственного аппарата во главе с ленинским партийным руководством. Что из того, что известный большевистский деятель Л. С. Сосновский, попав в захолустный уезд Тверской губернии, с восторгом обнаружил, что три четверти местного исполкома вышло из питерских и московских рабочих[357]. Восторг Сосновского свидетельствует отнюдь не о диктатуре пролетариата, а говорит о диктатуре «исполкомов» и прочих «комов». Представители пролетариата в одном случае явились лишь сырым материалом для заполнения вакансий новой государственной структуры, а в другом случае лишь подставляли спины для пробы методов управления вчерашних братьев по классу.

Политика и идеология большевизма еще в 1918 году была подвергнута резкой критике с точки зрения социализма, исповедуемого другими социалистическими партиями. Те громко сказали, что власть комиссара – это поражение рабочей и крестьянской революции. Они констатировали, что государственная власть в лице большевиков, по существу, возвращается к принципам дореволюционной эпохи, только уже в более жестком варианте, освобожденная от груза пережитков и не скованная социальными компромиссами старой эпохи. Государство большевиков проложило себе путь к абсолютному господству над гражданским обществом. Наступила эра государственного абсолютизма.

С позиций социализма – это измена, но как все выглядит с точки зрения объективных законов развития российского общества? Что в этой дилемме более научно, а что более утопично? Думается, здесь кроется главная проблема понимания минувшей эпохи. Что же касается пролетариата и его исторической миссии, впору привести слова бывшего председателя самарского Комитета членов Учредительного собрания В. К. Вольского, социалиста, который в 1919 году высказался так:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org «Иллюзии пролетарской диктатуры надо отбросить. Ростом и умом не вышел пролетариат „вводить социализм“ не то что в деревне, а у себя самого»[358]. Глава V. «Необъятная власть»: вожди, «верхи» и «низы» в партии

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», – продиктовал Ленин в своем знаменитом «Письме к съезду», высказывая опасения по поводу того, сумеет ли Сталин «всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[359]. Как известно, Сталин сумел воспользоваться ею, вначале действуя «достаточно осторожно» и вероломно, а затем все более открыто и прямолинейно, представляя в обличье абсолютного диктатора. Его путь к безграничной личной власти – особый разговор, особая тема, сейчас обратим внимание на ленинскую характеристику поста генерального секретаря ЦК партии, который уже сам по себе представлял человеку, занимающему этот пост, «необъятную власть». Сталин стал первым генсеком в истории партии, но был ли он первым, кому предоставилась такая уникальная возможность концентрации власти в послеоктябрьской системе государственного управления?

Пост генерального секретаря был учрежден 3 апреля 1922 года на первом пленуме ЦК, избранного XI съездом РКП (б), однако он имеет свою весьма прелюбопытную историю. Как известно, со второй половины 1918 года, после неудачной попытки использовать структуру Советов в строительстве нового государственного уклада, большевики встают на путь создания централизованной системы государственной власти, опираясь на низовые провинциальные партийные организации и комитеты бедноты. Осенью и зимой 1918 года партийные органы проводят активную политику подмены советских органов управления и становятся реальной властью на местах, становятся «нервной системой» государственного устройства, приводящей в движение по команде из центра все части «тела» российского колосса. По признанию В. А. Аванесова на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 года:

«Мы (т. е. партия. – С. П.) стали государством»[360]. Высшим руководящим органом этого «государства» формально являлся его съезд. Между съездами руководящую роль на себя принимал избранный съездом Центральный комитет партии, периодически собиравшийся на пленарные заседания. Но и пленум ЦК как учреждение был слишком громоздок и неприспособлен вести повседневную оперативную работу в партии. До революции ею непосредственно занимались члены ЦК и в первую очередь сам Ленин, но после октябрьского переворота, когда цекисты логикой жизнедеятельности нового государственного механизма были «расташены» по различным функциональным государственным постам, собственно партийная работа на какой-то период времени оказалась на втором плане.

Сложилось так, что в то время, когда основные партийные кадры осваивали государственные должности в Совнаркоме, комиссариатах, Советах, армии и других местах, где кипела основная работа по созданию и обороне Советского государства, практическое руководство партийными делами, секретариатом и аппаратом ЦК взял на себя Я. М. Свердлов и его ближайший помощник и жена К. Т. Новгородцева. Свердлов выделился в руководящий эшелон партии между февралем и октябрём 1917 года, когда он проявил необычайную активность и настойчивость в проведении ленинской линии. Свердлов, кроме отменно зычного голоса, не обладал выдающимися ораторскими способностями, как Троцкий, не претендовал на роль ведущего теоретика партии, подобно Бухарину, но оказался весьма способным и фантастически работоспособным организатором. Личные его качества были выше всяких похвал. Данишевский вспоминал, что когда 5 июля 1918 года во время вечернего заседания V Всероссийского съезда Советов на одном из ярусов Большого театра у кого-то случайно взорвалась ручная граната, то избежать естественной в таких случаях смертельной паники и давки помогла только абсолютная выдержка председательствующего Свердлова[361]. С VI вплоть до VIII съезда РКП (б) вся текущая и в первую очередь организационно-кадровая работа в партии легла на его плечи. О нем говорили, что он смело мог сказать, что ЦК – это я[362].

Во второй половине 18-го года заседания Центрального комитета были столь редки, что на VIII съезде оппозиция обвинила ЦК в том, что с весны, со времени борьбы с левыми коммунистами, и до декабря 18-го года он спал «непробудным сном»[363]. В это время партийная политика определялась двумя людьми – Лениным и Свердловым; путем единоличных переговоров друг с другом и отдельными лицами, которые стояли во главе какой-либо отрасли государственной работы. В новых условиях Ленин, как лидер большевиков, уже не имел физической возможности вести государственную и одновременно

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org контролировать чисто партийную, повседневную, в значительной степени рутинную работу, которую он полностью доверил скромному, не обладавшему громкой дореволюционной славой партийного вождя, Свердлову. На X съезде Крестинский в памятной речи о Свердлове говорил, что «политическое руководство почти единолично осуществлял т. Ленин, а организационное – т. Свердлов» [364].

Однако в начале 1919 года, в условиях превращения партии в основу, стержень государственного аппарата, организационная, кадровая партийная работа стала приобретать совершенно исключительное значение. Именно она, как оказалось, явилась лучшим инструментом для отделки твердого алмаза партийно-государственной иерархии и превращения его в бриллиант неограниченной власти.

Сам Свердлов прекрасно понимал, какая сила, какие уникальные возможности оказались в его распоряжении, и ревниво оберегал свои тайны. Когда он умер, с ним умер и целый гигантский архив ЦК, который хранила его феноменальная память. После его смерти осталась записная книжка с зашифрованными записями, в которой абсолютно никто не мог разобраться. За время работы в ЦК Свердлов сумел поставить дело так, что все нити организационно-кадровой работы оказались у него в руках. Он держал контроль над местными парторганизациями путем личных бесед с их представителями. Его память позволяла запоминать ему все необходимые данные, которыми он руководствовался в партийной работе. «В деле учета партийных сил у т. Свердлова в голове хранились сведения о всех партийных работниках, где бы они ни находились. В любой момент он мог сказать, где каждый находится, он же и перемещал их» [365]. Подчиненный ему партийный аппарат конструировался так, что подобранные Свердловым люди всегда были у него в руках. Он умел правильно конкретизировать всякую общую директиву, построить для нее аппарат, подобрать, расставить и пустить в дело нужных людей, чьи способности верно распознавал, оценивал и применял. Это было общее мнение об организаторских способностях Свердлова близко знавших его партийцев.

Если прибавить сюда еще такой же объем обязанностей, которые он выполнял в качестве председателя ВЦИК, занимаясь подбором советских кадров и организацией советского аппарата, то становится вполне ясным его реальное положение в партийно-государственном руководстве. Свердлов, конечно, не мог соперничать с Лениным, чей авторитет и лидерство были непоколебимы, когда тот находился в добром здравии, но при случае Яков Михайлович весьма рельефно проявлял свои недюжинные способности. В сентябре 1918 года, после покушения на Ленина, Свердлов уверенно взял кормило власти в свои руки. Под его председательством ВЦИК и Совнарком принимают решение о беспощадном терроре в ответ на убийство Урицкого и ранение Ленина. Впоследствии у крестьян террор ассоциировался с ранением Ленина, и они в 1919 году радовались:

«Как хорошо, что товарищ Ленин благополучно здравствует, теперь будет гораздо лучше» [366].

24 января 1919 года Оргбюро ЦК во главе со Свердловым приняло не менее известное циркулярное письмо об отношении к казакам, в котором, в частности, говорилось:

«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью» [367].

За короткое время политическая физиономия Свердлова определилась достаточно ясно. Это был человек с железной волей, большим трудолюбием, способный, быстро схватывающий суть дела и весьма склонный к решительным и беспощадным действиям.

Будучи вынужденным сделать на VIII съезде РКП (б) доклад по оргработе, Ленин честно признался:

«Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения» [368]. Такое положение вещей, такая необъятная власть, сосредоточившаяся в руках одного человека, и полная возможность единоличного произвола вызывала беспокойство и подземный гул в слое партийных функционеров. Перед VIII съездом партии «по отношению к нему у некоторых товарищей появилось

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org известное недовольство»[369].

Среди этих «товарищей», недовольных Свердловым, был и сам Ленин. Опытный партийный функционер, он хорошо осознавал всю опасность существования в партии двух сильных центров. По свидетельству Н. Осинского, Ленин в январе 1919 года уже серьезно забеспокоился и поставил в ЦК вопрос о недопустимом развитии в аппарате ЦК личной политики – «цеттель виртшафт», хозяйства путем записок, системы единоличного ведения дел[370]. Постановка такого вопроса напрямую обращалась против Свердлова, но противоречие не успело развиться вполне. В канун VIII съезда Свердлов по дороге из Харькова в Москву заболел и 16 марта 1919 года скончался. В то время и позднее было произнесено немало пышных слов в его адрес, которые, думается, подтверждают безжалостную молву о том, что у для политика важно выбрать момент, чтобы умереть.

Тогда все свои речи памяти покойного Ленин непременно увенчивал указанием на то, что теперь руководство советским и партийным аппаратом не будет сконцентрировано в руках одного человека, а будет осуществляться коллегиально:

«Такого человека, который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности... Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, – эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек»[371]. Итак, Ленин твердо решил раздробить ключевые посты в партийной и советской системе на коллегии, чтобы в дальнейшем не возникало возможности опасного соперничества. 16 марта, на экстренном вечернем заседании ЦК, было вынесено постановление о том, что Свердлова «везде придется заменить... коллективной работой»[372].

VIII съезд РКП (б), состоявшийся в конце марта – начале апреля 1919 года, произвел значительные преобразования в структуре ЦК для укрепления его в новой роли главного органа власти в стране. Учреждаются постоянно работающие коллегии из членов ЦК: Политбюро, призванное принимать решения по вопросам государственной политики, не терпящим отлагательства, и Оргбюро, «направляющее всю организационную работу партии». Ответственным секретарем ЦК пленум ЦК 25 марта утвердил Е. Д. Стасову.

Однако в течение года жизнь внесла в эту идеальную формулу растворения аппаратной власти в коллегиальной жидкости существенные коррективы. В 1919 году между кругом вопросов, решаемых на Политбюро и Оргбюро, еще не было значительной разницы. Оргбюро, заменившее Свердлова, наряду с организационно-кадровыми вопросами постоянно занималось другими, самого разного рода делами. Например, под его непосредственным контролем и руководством находилась работа такой организации, как ВЧК. Большинство вопросов, связанных с проведением красного террора и работы судебно-следственных органов, проходило именно через Оргбюро. В промежуток между VIII и IX съездами РКП (б) состоялось 10 пленарных заседаний ЦК, 53 заседания Политбюро, 19 совместных заседаний Политбюро и Оргбюро и 132 заседания Оргбюро[373]. Таким образом, Оргбюро было наиболее рабочим и оперативным органом Центрального комитета. В отчете к IX партийному съезду указывалось, что «поскольку пленум не мог часто собираться, постольку Оргбюро приходилось решать вопросы, которые при других обстоятельствах оно не брало бы на себя»[374].

Но гражданская война, формирование и функционирование новой государственной власти в центре и на местах ставили перед ЦК и его коллегиями столько вопросов, что даже их регулярные и частые заседания не могли в достаточной степени оперативно и надлежащим образом реагировать на нахлынувший поток больших и малых проблем. Жизнь требовала постоянного непосредственного вмешательства секретариата ЦК, личного вмешательства ответственного секретаря ЦК в текущие дела.

Надо сказать, что Стасова оказалась малоподходящим в этом смысле человеком. Она была преимущественно техническим работником и сама признавалась, что «считала себя недостаточно компетентной в политических вопросах»[375]. В

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org качестве ответственного секретаря был необходим властный и сильный человек, способный взять на себя огромную долю личной ответственности в решении вопросов. Таковым в составе Оргбюро в течение 1919 года выделился Н. Н. Крестинский. Официально ответственным секретарем ЦК он был избран пленумом ЦК только 29 ноября, но уже до этого давно фактически руководил секретариатом и играл ведущую роль в Оргбюро.

За 1919 год состав Оргбюро постоянно изменялся, его членами были Сталин, Раковский, Серебряков, Крестинский, Стасова, Белобородов, Муранов, Каменев, Дзержинский, Троцкий. Текучесть состава Оргбюро отражалась на качестве его работы: иногда выносились неодинаковые решения по одним и тем же вопросам и часто отменялись принятые ранее. Постоянные разъезды и назначения основной массы членов бюро приводили к тому, что регулярную работу вело лишь несколько человек и в первую очередь Крестинский, одновременно занимавший пост наркома финансов. В партийных кулуарах распад Оргбюро не был секретом, и все признавали, что к осени 19-го из всех задействованных там членов ЦК, обладающих организационными способностями, работает только Крестинский.

Касаясь личности Крестинского, нужно заметить, что это был уникальный в своем роде руководитель финансового ведомства, наверное единственный в своем роде во всей мировой истории, который свою задачу как наркомфина видел в аннулировании денежной системы вообще. Среди плеяды большевистских руководителей Крестинский выделялся последовательной военно-коммунистической, государственно-централистской позицией. Как признавал нарком продовольствия Цюрупа, он являлся наиболее верным и надежным сторонником политики продовольственной диктатуры в ЦК и Совнаркоме [376]. Будучи человеком властным и принципиальным, Крестинский даже не видел особой необходимости в сохранении советской ширмы для большевистской диктатуры и откровенно высказывался за упразднение Советов в уездах и некоторых губернских городах Советской России [377]. Благодаря тому, что в 1919–1920 годах позиция Крестинского как нельзя лучше соответствовала общему направлению государственной политики, его карьера переживала взлет.

Однако после опыта со Свердловым Ленин опасался всецело предоставлять аппарат ЦК сильной личности, поэтому он с охотой прислушался к советам Осинского. Осинский, несмотря на свою демонстративную оппозиционность Кремлю, частенько одолевал Ленина частными (и, надо отдать должное, весьма дельными) письмами. В письме Ленину от 16 октября 1919 года он предложил в целях преодоления организационного разлада «учредить организационную диктатуру из трех членов ЦК, наиболее известных в качестве организаторов» [378]. В качестве таковых Осинский рекомендовал Сталина, Серебрякова и Крестинского (с заменой одного Дзержинским) и почти что угадал. После IX партсъезда пленум ЦК учредил секретариат из коллегии трех членов ЦК: Крестинского, Преображенского и Серебрякова, они же составили и костяк нового Оргбюро. Несмотря на формальное равенство трех секретарей, лидером по-прежнему оставался Крестинский. Он был единственным из секретарской троицы, который одновременно входил в Оргбюро и Политбюро ЦК. Между прочим, именно Крестинского впервые начали называть генеральным секретарем [379], хотя формально этот пост еще и не был учрежден.

Помимо секретарей, членами Оргбюро являлись Рыков и Сталин, но это были наименее активные участники «оргий», как в то время иронически прозвали заседания Оргбюро. Сталин регулярно находилась в отлучке, по заданию Ленина подставляя «дружеское» плечо Троцкому в армии, Рыков же, обремененный заботами по спасению гибнущей промышленности, по большей части присутствовал на бюро, если требовалось решить вопрос, связанный с интересами его ведомства. Посему Организационное бюро превратилось в секретарскую вотчину, которые вершили там дела и вместе и порознь. Нередко заседания вел один секретарь, чаще Крестинский, который и принимал «коллегиальные» решения.

Но никакое бюро физически не было в состоянии разрешить все вопросы, выдвигаемые жизнедеятельностью сверхцентрализованной партийно-государственной системы в условиях постоянно расширяющейся территории Советской России, несмотря на то, что иной раз число вопросов, вносимых в повестку заседания, переваливало за сотню. Сплошь и рядом секретарям приходилось выносить самостоятельные решения по важнейшим делам. Секретариат ЦК и его отделы проводили огромную работу по ревизии, инструктированию местных парторганизаций, разрешению конфликтов, занимались массовыми перебросками десятков тысяч коммунистов из губернии в губернию,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org из тыла на фронт, с фронта в тыл и т. д. Судьба и карьера каждого ответственного партийного ли, советского ли, военного или хозяйственного работника напрямую зависела от Оргбюро и секретариата ЦК. Работа их была безапелляционной, т. е. решения являлись истиной в последней инстанции. Такие полномочия были предоставлены секретариату для того, чтобы, по выражению Осинского, «прекратить всякие перекрестные влияния, закулисные ходы всего того человеческого балласта, который обременяет ответственные посты»[380]. В архивах секретариата и Оргбюро нередко встречаются смиренные письма самых отъявленных партийных бузотеров, в которых те преклоняли голову перед всемогущим учреждением и просили сделать какое-либо распоряжение относительно их персоны.

Важнейшие политические вопросы, внешняя политика, экономическая стратегия не входили в компетенцию Оргбюро, но оно распоряжалось «ногами» ответственных работников, чьи стопы одним мановением направляло с места на место, вверх и вниз по служебной лестнице. И при случае власть над «ногами», подбор и расстановка своих кадров, запросто могла распространиться и на «руки» партийных функционеров, делегатов очередного партийного форума. Подобная ситуация позднее получила выражение в крылатом изречении генсека Сталина: «Кадры решают все».

Короче говоря, несмотря на усилия Ленина не допустить опасного раздела партийной власти, логика кадровой работы привела к появлению наряду с Политбюро, руководимого Лениным, второго могущественного центра власти – Оргбюро во главе с секретариатом ЦК. Сформировалось коренное, неустранимое противоречие между государственным функционализмом и системой кадровой власти, которое отныне и до конца являлось источником дуализма в политической структуре, созданной коммунистической партией. На протяжении всего советского периода это внутреннее противоречие неоднократно обострялось, и его первое серьезное осложнение связано с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству. В 1920 году сложилась потенциальная угроза противостояния Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), которое в случае серьезных разногласий в руководстве партии могло превратиться в реальность.

Это и произошло во время так называемой «дискуссии о профессиональных союзах», развернувшейся в партии в конце 1920 – начале 1921 года. Несмотря на весь размах и гласность, с которой проходила эта дискуссия, она до сих пор остается наиболее загадочным и неприятным явлением в истории первых лет Советской власти. Этот крепкий орешек иногда пытались расколоть, используя инструментарий, оставленный одной из спорящих сторон, но думается, что к дискуссии о профсоюзах более всего подходящая известная афоризм о том, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли.

В самом деле, непостижимо, чтобы довольно частный вопрос о роли и задачах профсоюзов буквально расколол руководство и потряс всю партию до основания. Вопросы такого рода регулярно, более или менее успешно, но все же решались в рабочем порядке на пленумах ЦК, в крайнем случае на съездах партии. Нередко допускались ошибки, которые, однако, быстро исправлялись таким же порядком, без выноса на широкое всепартийное обсуждение.

Ленин говорил, что дискуссия была навязана Троцким, и неоднократно подчеркивал, что, «допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку»[381]. Сам Троцкий впоследствии писал, что «дискуссия была совершенно не на тему»[382], она «выросла из хозяйственной безысходности на основании продразверстки и главкократии»[383]. Как у того, так и у другого были все основания недоговаривать.

В ходе дискуссии многие ее участники высказывали соображения о том, что бурное обсуждение профсоюзного вопроса стало одной из форм проявления глубинного общественного кризиса на рубеже войны и мира. На X съезде Зиновьев заявил:

«Если есть кризис, то этот кризис общий, а не особый кризис профессиональных союзов. Теперь, как ни трудно сознаться в этом, мы переживаем некий кризис революции»[384]. Несомненно это так, наряду с крестьянскими восстаниями, волнениями рабочих в Москве и Петрограде, ростом недовольства в Красной армии, Кронштадтским мятежом, дискуссия о профсоюзах стала специфическим проявлением объективного всеобщего кризиса в рядах господствующей партии. Как писал Ленин в январе 1921 года:

«Партия больна, партию треплет лихорадка»[385]. Однако остается непонятной сама механика, подоплека спора, ввергнувшего партию в тяжелый кризис. Нельзя же серьезно предполагать, что собственно те лозунги и словечки, выдвинутые Троцким, а также другими участниками дискуссии о «закручивании гаек», о «школе коммунизма», о «производственной демократии» и т. д. и т. п. и смогли явиться самостоятельной, настоящей причиной раскола, споров до хрипоты и посинения, физического преследования соперников. Как это было, например, в Екатеринбурге, где сторонники Ленина вынуждены были действовать чуть ли не в подполье и почти нелегально издавать свою литературу.

Вопрос о роли и задачах профессиональных союзов в новом общественном укладе возник задолго до самой дискуссии, точнее, он находился в перманентном дискуссионном состоянии, поскольку существовала необходимость управления социально-экономической жизнью страны и существовали профсоюзы и хозяйственные ведомства, руководство которых занималось взаимным перетягиванием каната под наблюдением и окриками ЦК партии. Профсоюзный вопрос обсуждался накануне и во время IX съезда РКП (б), который принял специальную резолюцию о профессиональных союзах и их организации. После этого в очередной раз он обострился осенью 1920 года, когда ввиду близкого окончания войны ВЦСПС усилил свои претензии на пересмотр роли профессиональных работников в управлении промышленностью и транспортом.

Начиная с 1918 года, по мере укрепления военно-коммунистического централизма, положение складывалось не в пользу профессиональных союзов. Сфера их компетенции и влияния на производстве неуклонно сужалась. Профсоюзный демократизм, коллегиальность, выборность вытеснялись назначенством, единоначалием, принудительными методами. Особенно чувствительно эта тенденция проявилась на самом ответственном и уязвимом участке хозяйства – на транспорте, где еще с 1919 года шло интенсивное уничтожение всяческих профсоюзных вольностей. В феврале 19-го был образован т. н. Главполитпуть (Главный политический отдел Народного комиссариата путей сообщения) в качестве временного политического органа, работающего под непосредственным контролем ЦК РКП (б). В январе 1920 года он был реорганизован в Главное политуправление НКПС. Целью создания Главполитпути было проведение чрезвычайных мер, направленных на предотвращение полного развала транспорта. Управление и его отделы имели широкие полномочия, устанавливая военную дисциплину на железных дорогах. Подобный Главполитвод был образован в апреле 1920 года и для водного транспорта. Особенность ситуации заключалась в том, что в 1920 году состав центральных профсоюзов железнодорожников и водников практически полностью совпадал с составом руководства Главполитпути и Главполитвода. Такая же личная уния постепенно происходила и в низших звеньях политуправлений и профсоюзов. Это означало, что руководители транспортных союзов уже фактически не выбирались рабочими и служащими, а непосредственно назначались Оргбюро ЦК по представлению наркома путей сообщения.

В сентябре 1920 года, после слияния Всероссийского союза работников железнодорожного транспорта и Всероссийского союза работников водного транспорта, образовался единый Союз транспортных рабочих. Во главе самого крупного в Советской России профсоюза, объединившего 1.250.000 железнодорожников и 250.000 водников, стоял Центральный комитет союза транспортных рабочих (Цектран), состоявший по назначению из функционеров Главполитпути и Главполитвода. Произошло «сращивание» профсоюзной и государственной структур, и внутри этого грандиозного аппарата царили порядки и люди транспортного диктатора, наркома путей сообщения Троцкого. Здесь не было и речи о демократических профсоюзных началах, господствовало назначенство, милитаризация и суровые наказания.

Троцкий планировал через несколько месяцев после окончательного «сращивания» аппаратов упразднить главные политические управления и вручить всю власть Цектрану. На первый взгляд в этой схеме было непонятно: что же все-таки ликвидируется – главные политические управления или Цектран? Судя по названию, это был план передачи полномочий профсоюзу, но по сути – профсоюз превращался в обычный государственный орган, и аппаратчики Главполитпути и Главполитвода приказом Троцкого переселились бы в цектрановские кабинеты. Свой план Троцкий называл «сращиванием» и почему-то передачей управления профессиональным союзам.

В Цектране Всероссийский центральный совет профессиональных союзов не

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org пускали дальше порога, и ВЦСПС предпринимал активные попытки восстановить свое влияние в промышленности и на транспорте под предлогом критики «бюрократических методов и приказов сверху», а также необходимости изменения организации и управления производством путем внесения туда более демократических профсоюзных методов работы. Я. Э. Рудзутак от имени Президиума ВЦСПС говорил:

«Предположение, что мы можем совершить наше строительство, опираясь на применение принудительных мер, является чистейшим вздором, чиновничьим вымыслом людей, которые не понимают, что творится вокруг них» [386]. Итоги сентябрьской IX конференции РКП(б), прошедшей под флагом борьбы с бюрократизмом и развития демократических принципов в партии, подействовали на профессионалистов как призыв к наступлению на хозяйственную бюрократию ВСНХ и НКПС. Сразу же после IX конференции на пленуме ЦК РКП (б) был поставлен вопрос о применении решений конференции к работе профсоюзов. ЦК партии постановил, ввиду заметного улучшения работы транспорта, начать работу по растворению Главполитпути и Главполитвода в профсоюзном аппарате и затем объединенный союз железнодорожников и водников должен войти в общую систему профсоюзной организации, возглавляемую ВЦСПС [387]. Если в своей первой части постановление ЦК соответствовало политике Троцкого, то во второй шло абсолютно вразрез с его интересами и подрывало его неограниченную власть на транспорте. В воздухе запахло грозой, стало понятно, что не миновать крупного столкновения Троцкого с руководством ВЦСПС, в котором могущественный вождь Красной армии постарается стереть противников в порошок.

Силы пришли в соприкосновение 3 ноября 1920 года, на V Всероссийской конференции профсоюзов, когда Троцкий в выступлении на заседании коммунистической фракции конференции предложил взять Цектран, руководимый главными политическими управлениями, в качестве образца для работы профсоюзов. В военной среде Троцкий набрался военного духа и приобрел привычку говорить откровенно и прямо то, что другие прикрывали тактичными оборотами. Он выдвинул лозунги «завинчивания гаек военного коммунизма», «сращивания» профсоюзов с государственными органами и, главное, «перетряхивания» руководства профсоюзов. «Перетряхивание» решило все. Это уже была не просто идея, предмет для теоретического спора, а конкретная заявка на устранение руководства профсоюзов. Тотчас после этого, по словам Ленина, в Политбюро явился «неслыханно возбужденный т. Томский и, при полной поддержке уравновешеннейшего т. Рудзутака, стал рассказывать о том, как т. Троцкий говорил на этой конференции о „перетряхивании“ профсоюзов» [388].

Троцкий выступил против директивы ЦК, кроме того, Ленин не мог потерпеть чьих-либо претензий на перестановки в высшем партийно-государственном эшелоне, который он сам всегда тщательно подбирал и держал под своим личным контролем. Поэтому на пленуме ЦК 8 ноября, при достаточно сдержанной позиции большинства чекистов, Ленин усиленно поддерживает председателя Президиума ВЦСПС Томского против Троцкого. «При этом в споре, некоторые преувеличенные и потому ошибочные, „выпады“ допускает Ленин» [389]. На защиту Троцкого становятся Рыков, функционер Цектрана Андреев и, что очень важно отметить, секретарь ЦК Крестинский. Остальные двое секретарей ЦК – Преображенский и Серебряков – вместе с большинством членов ЦК пока еще с недоумением смотрят на разворачивающийся конфликт и стараются смягчить позиции спорщиков.

В этой стадии конфликт еще не приобрел ясно выраженного личного характера. Тезисы Троцкого отклонены, ему предлагают «усилить и развить нормальные методы пролетарской демократии» внутри Цектрана и ввести его в состав ВЦСПС на одинаковых правах с другими профсоюзами [390]. Троцкому также предлагают принять участие в работе комиссии вместе с Зиновьевым, который еще занимал нейтральную позицию, и Томским для выработки принципов политики в отношении профсоюзов. Троцкий без видимых причин отказывается войти в комиссию, требуя «не келейного» решения вопроса. С этого момента разногласия начинают стремительно приобретать принципиально личный характер.

Невыходение Троцкого в комиссию стало демонстративным жестом неповиновения и выпадом лично в адрес Ленина. Троцкий очевидно «сорвался». В течение всего 1920 года он чувствовал на себе жесткий прессинг Ленина, который эксплуатировал его, не давая вырваться со вторых ролей на первый план. Поднимать транспорт – это Троцкий, «щупать» под ребра белую Польшу, чтобы в

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org ней «получилась» Советская власть, громить Врангеля – тоже Троцкий, но в то же время одна за другой, при активном участии Ленина, отвергают его инициативы по коренным вопросам политики партии. Как, например, мартовское предложение о замене продразверстки продналогом. Ему также пришлось в основном держать отчет за коллективную авантюру ЦК с «маршем на Варшаву». Война подходила к концу, и Троцкий не мог не задумываться над тем, какую роль он, вождь победоносной Красной армии, станет играть в послевоенном устройстве. Армия отходила на второй план, но сам Троцкий не хотел сдавать завоеванные ею для него популярность и значение в руководстве страны. В период мирной передышки в начале 1920 года он усиленно проводил идею по созданию трудовых армий на базе боевых соединений, с помощью которых надеялся занять прочные позиции в экономике. Тогда военная цензура по всей Ресепсере составляла обширные коллекции выдержек из писем с ругательствами по адресу власти и жалобами на голод и холод, но в переписке из Екатеринбурга, расположения частей 1-й Трудармии, доминировали хвалебные отзывы красноармейцев о самом Троцком и удовлетворение своим житьем: «Живем очень хорошо, хлеба – 2 фунта, сахару – 5 кусков, мяса – 3/4 фунта в день... мыла... табаку... жалованье 800 руб. в месяц. Выдали обмундирование: рубашку, брюки, шинель, ботинки, шапку». Чего еще солдату нужно? Поэтому:

«Пусть буржуазия всего мира видит, как рабочий и крестьянин, не выпуская из рук винтовки, строит себе мирную, счастливую жизнь»[391]. Но московские наркоматы увидели в идее трудовых армий покушение на свою монополию в отраслях хозяйства и объявили ее подрывом принципа централизации. План Троцкого был холодно встречен в Совнаркоме и не был осуществлен в той мере, как рассчитывал ее автор. И вот осенью 1920 года новый удар по позициям Троцкого – в Наркомате путей сообщения.

Если бы в то время у, так сказать, среднестатистического мужика, рабочего, красноармейца спросили: кто управляет страной? То он не вспомнил бы ни Советы, ни ЦК большевиков, он ответил бы: Ленин и Троцкий. Имя Троцкого, как и Ленина, тогда у всех было на слуху, и как бесспорный герой гражданской войны он, очевидно, не отказался бы и от «триумфальной арки» по древнеримскому образцу. Неизвестно, насколько далеко простиралось его честолюбие, но, во всяком случае, он хорошо помнил, что долгое время до революции он пытался на равных разговаривать с Лениным в социал-демократическом движении. Несомненно, что Троцкий был на голову выше всего остального состава ЦК и только он при случае мог отважиться публично заявить Ленину по какому-то поводу, что тот «хулиган»[392].

Под свое выступление против ВЦСПС и Ленина Троцкий поспешил подвести теоретический фундамент. 9, 10 и 11 ноября на любезно предоставленных союзником Рыковым страницах газеты «Экономическая жизнь» Троцкий опубликовал статью «Путь к единому хозяйственному плану (к VIII съезду Советов)», в которой атаковал постановление V профсоюзной конференции, осудившее бюрократические, приказные методы управления производством и отрыв руководства от профсоюзов. Троцкий признал пороки советской главкократии, ее бюрократизм, безжизненную формалистику, невнимание к существу дела, волокиту и пр. Вместе с тем он призвал прежде всего не забывать, что из неуклюжих комиссариатов и главков «мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство, доколе оно остается государством»[393].

Защита Троцким принципа назначенства, административно-командных методов – всему этому очень сочувствовали в секретариате ЦК РКП(б). Сближение Троцкого с Крестинским в начале дискуссии о профсоюзах не было случайным. Троцкий весь 1920 год очень тесно сотрудничал с Оргбюро и секретариатом ЦК по самым разнообразным вопросам. Ему импонировал стиль работы Оргбюро, оперативное принятие важнейших решений, предназначенных к быстрому и беспрекословному исполнению. Это было очень близко по духу председателю РВСР, кроме того, имело значение еще одно важное обстоятельство. В Оргбюро не было Ленина, который строго держал всех вождей революции в «коротких штанишках», и, что бы ни писал впоследствии Троцкий о своем почтении к Ленину после Октября, их отношения были вовсе не безоблачными. Он заметно тяготился под властью и неусыпным контролем Ленина.

Кампания, поднятая против Троцкого и Цектрана, больно задела Крестинского и весь секретариат ЦК. Назначенство было методом работы Оргбюро, для чего оно, собственно, и создавалось. Главные политические управления на транспорте были его любимым детищем. В январе – феврале 1920 года Оргбюро и

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org учетно-распределительный аппарат ЦК провели колоссальную работу, перебросили на транспорт тысячи и тысячи коммунистов. Главполитвод и Главполитпуть в своей работе были подотчетны непосредственно ЦК РКП (б). Про Крестинского говорили, что он боится «пришествия Хама» в партийно-государственный аппарат через митинговые, популистские и местнические каналы, поэтому он принципиально стоял за перевод всей партийной кадровой политики с принципа выборности на принцип назначения. Принятая IX партконференцией по вопросу о «верхах и низах» резолюция по партийному строительству, где было предложено ЦК «при распределении работников вообще заменить назначения рекомендациями» [394], и последовавшая затем травля политуправлений болезненно отозвались в секретариате ЦК.

Ленин, вместо запланированного на ноябрь – декабрь отпуска, получил морочу с Троцким. Наметившийся союз Троцкого с могущественным Оргбюро и секретариатом ЦК сильно обеспокоил Ленина, не допуская каких-либо коалиций за своей спиной. Поэтому, как и встарь, в эмигрантские времена, он начинает комбинировать и проводить фракционную интригу через проверенного в таких делах Зиновьева.

Новый импульс развитию конфликта дало Всероссийское совещание Цектрана в начале декабря, на котором меньшинство, представители водного транспорта, обвинили Цектран в том, что он не проводит в жизнь постановлений IX конференции РКП(б) и пленума ЦК о переходе от специфических методов работы на транспорте к методам, сближающим его с другими профсоюзами. Кроме этого, водники потребовали смены руководства Цектрана во главе с Троцким. Известная зиновьевская комиссия ЦК усилила раскол среди транспортников, поддержав на пленуме ЦК 7 декабря требования водников. В этот же день произошло решительное размежевание членов Центрального комитета, которое, в сущности, уже неотвратимо предопределило дальнейшее развитие событий.

На пленуме 7 декабря большинство цектистов, не одобрявшее немедленную расправу с Троцким, проголосовали за «буферную» резолюцию Бухарина, которая постановляла немедленно упразднить Главполитаод и Главполитпуть, но отвергала требование немедленного пересмотра руководства Цектрана. Ленин это решение воспринял однозначно, что «декабрьский пленум был против нас за Троцкого» [395]. Но Рыков, у которого, надо сказать, было изумительно развито чутье и инстинкт самосохранения, понимая, что дело идет уже не о профсоюзах, а кое о чем посерьезнее, забывает свои разногласия с ВЦСПС и переходит на сторону Ленина. Перебежка Рыкова явилась верным симптомом приближения грозы. Ленин потерпел поражение в своем ЦК, и его реакция обещала быть весьма жесткой.

В ходе профдискуссии Ленин вновь подтвердил себя гениальным тактиком фракционной борьбы. Понимая, что никакая популярность Троцкого не спасет его лозунги в духе «закручивания гаек» от поражения в широкой партийной аудитории, среди рядовых коммунистов, Ленин решает обострить ситуацию и через Зиновьева делает Троцкому предложение опубликовать свои тезисы, поскольку будто бы «дискуссия прет со всех сторон и дальше ее удерживать нет возможности» [396]. По инициативе группы Ленина решением ЦК созыв X съезда был отсрочен. Вынося дискуссию на предварительное партийное обсуждение, Ленин отводил угрозу со стороны парт-бюрократии, которая могла бы поддержать его противников на съезде, отчасти из-за боязни перед Оргбюро, отчасти из-за симпатий к авторитарным методам управления, исповедуемым Троцким и секретариатом ЦК в противовес профсоюзной коллегиальной дряблости. Широкая профдискуссия должна была отсеять и нейтрализовать часть ненадежного партийно-государственного чиновничества.

Честолюбивый Троцкий, «трехнедельный удалец» в профдвижении, как его язвительно окрестил Д. Б. Рязанов, попался на эту удочку и опубликовал брошюру «Роль и задачи профессиональных союзов». 24 декабря пленум ЦК разрешил свободу дискуссии, и 30 декабря на фракции РКП (б) VIII Съезда советов перед тысячами ответственных партийных и советских работников всей России начинается этап всепартийной дискуссии, этап, когда, по выражению одного из участников, дискуссия приняла «разнузданные формы» [397].

Выступления Ленина и Зиновьева 30 декабря приоткрывают завесу над действительной подоплекой конфликта в партийной верхушке. Рязанов на X съезде заметил, что 30 декабря Зиновьев «поднял знамя восстания против Оргбюро», провозгласив:

«Мы не позволим какому-нибудь Оргбюро распоряжаться партией» [398].

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Судя по стенограмме заседания фракции, Зиновьев выразился несколько иначе, он сказал:

«Мы не допустим, чтобы над профессиональным движением, которое объединяет 7 миллионов рабочих, чтобы над ними производилась кухонная стряпня из почтенного учреждения, которое именуется Оргбюро ЦК» [399]. Тем не менее Рязанов точно уловил потаенный смысл и направленность зиновьевского выпада. Группа Ленина наносила прицельный удар в первую очередь по могущественному и ставшему опасным Организационному бюро и секретариату ЦК, которые блокировались с Троцким. «Троцкий и Крестинский будут подбирать „руководящий персонал“ профсоюзов!» – давал сигнал сам Ленин.

«Вот вам настоящий бюрократизм!» [400]. В оболочке дискуссии о профсоюзах выросло то, чего Ленин постоянно опасался, – возникло противостояние Политбюро и Оргбюро ЦК. Вокруг последнего стали консолидироваться недовольные члены руководства. Большинство членов ЦК «взбунтовалось» против самого Ленина. Безусловно, мотивы у каждого из них были разные, это обусловило их большинство на первом этапе дискуссии, но вместе с тем и непрочность этой группы, что продемонстрировал переход струсившего Каменева в лагерь ленинцев в январе 1921 года.

Наряду с расколом в ЦК отчуждение «верхов» и «низов» в партии, отрыв высшей элиты от тех и других, породили в партии массу противоречий. Рядовые коммунисты, низший и даже средний состав партийных функционеров страдали в условиях быстро таявших возможностей влиять на содержание партийно-государственной политики, которая в 1920 году все более отдалялась от реальных потребностей общества. Закономерно, что профсоюзная дискуссия выплеснула на поверхность множество других группировок со своими идеями и лозунгами.

Дух соперничества, обуявший вождей в конце 1920 года, возможно, был бы не столь вреден для государственных устоев, если бы между ними и партийной массой сохранялась надежная, рутинная прослойка из твердокаменных функционеров средней руки. Однако и средний уровень партруководства, даже еще раньше, оказался пораженным червоточинной сомнений, взрыхлен исканиями честолюбий, расшатан бесконечными притираниями партийных и советских аппаратов и заматерел, участвуя в междоусобицах. Повелось это еще с тех пор, когда в 1918 году московский центр приступил к «собираению Руси» под эмблемой красной звезды и созданию необходимого для этого централизованного бюрократического аппарата.

1919 год Советская власть встретила уже в довольно упорядоченном состоянии, и одновременно в столичной прессе появились публикации, противоречиво и порой противоположно оценивающие результаты работы партии по восстановлению государственного централизма. Если Бухарин в своей статье в центральном органе партии с удовлетворением отмечал изживание анархии в государственном строительстве и создание единой централизованной системы власти, то на «страницах той же „Правды“ он, как ее редактор, открывал подшивку 1919 года публикацией статьи И. Бардина (Мгеладзе) „Понять и сказать“, в которой предлагалось „смотреть правде прямо в глаза“. А правда, по мнению автора, заключалась в том, что „Советская власть внутренне больна, на ее теле появились язвы, вскочили отравленные ядом пузыри“ [401]. „Болезнь власти“ – таков был диагноз, поставленный в статье состоянию коммунистической партии на начало 15-го месяца ее пребывания у власти. Превратившись в чиновников, рассеявшись по комиссариатам и центрам, „коммунисты начинают отрываться от массы“, – предупредил автор.

Через две недели газета возобновила обсуждение этой темы. В статье „Новые задачи строительства Республики“ Н. Осинский констатировал „кризис советского аппарата“ [402], который коренится в его бюрократизации. Установление весной и летом 1918 года единоличных, авторитарных иерархических форм управления было необходимо, соглашался автор, но теперь следует обратить внимание на их негативные последствия. В борьбе с ними расстрелы следует заменить гласностью, подчинить ЧК судебной власти и допустить свободу печати, ограничив ее лишь рамками, исключающими призыв к прямому свержению Советской власти.

Подобные рассуждения уже изрядно поизносились в критическом арсенале большевистских оппонентов из социалистического лагеря. Осуждение методов

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org террора, требование свободы печати – все это было не ново. Ново было то, что эти мысли появились на страницах центрального органа партии большевиков и принадлежали ее видным работникам. Январские публикации в „Правде“ стали зримым проявлением происходившего в эти дни процесса образования внутривнутрипартийной, оппозиционной руководству ЦК РКП (б) группы, получившей название группировки „демократического централизма“. Мы зовем не к буржуазной демократии, а к развернутой форме рабоче-крестьянской демократии – провозглашали ее лидеры[403].

В те дни еженедельное приложение к „Правде“ в статье под знаменательным названием „„Верхи“ и „низы““ сообщало своим читателям, что за последнее время в районах сильно дебатировался вопрос об отношении „центров“ к районам, о „верхах“ и „низах“. Какой бы вопрос ни стоял в порядке дня, эта проблема поднималась обязательно. Центры оторвались от мест, „верхи“ стали генералами – шумели на районных конференциях[404].

18 января в Москве была созвана общегородская конференция РКП(б). В фокусе ее внимания стали вопросы о взаимоотношении центров и районов, партийных комитетов с комфракциями в Советах. Представители децистов Е. Игнатова, Н. Лисицын выступили с резолюцией, предполагавшей необходимость коренного пересмотра положений Конституции 1918 года и в частности – ликвидацию фактически независимого Совнаркома с передачей его функций Президиуму ВЦИК, подотчетному съезду Советов. Докладчики децистов выразили недовольство тем положением, что центральная власть принимает решения без учета мнений местных органов. Нейтральную официальную резолюцию Московского комитета спасло от провала энергичное выступление предсовнаркома Ленина, который назвал проект децистов отдающим „тиной местничества“ и, напротив, подчеркнул, что, по его мнению, разруху можно уничтожить „только централизацией, при отказе от чисто местных интересов“[405].

Но уже 2 марта 1919 года Московская губернская партконференция, пользуясь тем, что внимание руководства ЦК было полностью поглощено открывшимся I конгрессом Коммунистического Интернационала, заняла особую позицию в вопросе партийно-государственного строительства, поддержав проект резолюции децистов с критикой политики ЦК и требованием пересмотра Советской конституции, и избрала для проведения своей точки зрения представителей группировки „демократического централизма“ в число делегатов на открывшейся 18 марта VIII съезд РКП (б).

На съезде течение децистов впервые получило возможность в самой подходящей аудитории заявить о себе и выразить недовольство политикой партийно-советской верхушки, скопившееся на среднем уровне руководящего аппарата.

Выступление их основного докладчика Осинского оказалось более скромным по сравнению с его правдинскими публикациями. Опуская вопросы о терроре и свободе слова, он сконцентрировал внимание на болезненном для местных властей развитии безответственности уполномоченных центральных ведомств. Военная обстановка заставляла сосредоточивать в руках небольших коллегий и отдельных лиц исполнительные и законодательные функции. „Это должно было привести к укреплению того бюрократизма, который с другого конца начинает сейчас к нам протекать в лице старых чиновников“[406], – говорил Осинский.

В тезисах, предложенных им съезду от Московской губернской и Уральской делегаций, звучала одна основная идея: путем слияния Президиума ВЦИК и СНК поставить Совнарком, центральную власть, под контроль ВЦИКа и съезда Советов, в которых, как известно, основную роль играли советские „губернаторы“ и „городничие“, т. е. местная власть. Этим-де будет решен вопрос о непонятном параллелизме центральных советских органов и ликвидирован бюрократизм кремлевских чиновников. Для себя, как для местных чиновников и бюрократов, децисты, напротив, выговаривали предоставление исполнительным комитетам „широкого права местного самоуправления“[407].

Второе русло критической кампании децистов, как демократов, облаченных в тоги из зеленого сукна губернского-уездного покроя, было направлено против „спецов“. Вполне понятно опасаясь соперничества на предмет деловых качеств и знаний, ораторы из лагеря демократических централистов всячески подчеркивали ту опасность заражения бактериями бюрократизма, которую несет с собой практика привлечения в советский аппарат чиновников и специалистов старого режима. У партийных функционеров вызывало большую тревогу то обстоятельство, что „спецы“ имеют возможность „крутить“ комиссарами, а

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org также то, что сплошь и рядом назначение и смещение парработников совершалось под влиянием именно „спецов“. На этом направлении децисты нашли общий язык со сложившейся к VIII съезду т. н. „военной оппозицией“, которая выступила против широкого использования старых военных специалистов на командных должностях. Дело даже вылилось в недопустимый инцидент, когда на заседании военной секции съезда докладчик по вопросам военного строительства троцкист Сокольников съездил по физиономии Осинского (якобы за подтасовки при подсчете голосов и оскорбительные выпады).

Судьба оппозиционеров на VIII съезде РКП (б) была одинакова. Победила тенденция к развитию государственного централизма и строительству регулярного аппарата государственной власти. „Партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью“, – подтверждалось в решениях съезда[408]. Впоследствии И. Юренев, видный децист, писал: „На 8-м съезде партия, как мы ее привыкли знать – капитулировала перед государством...“ Переход партии к государственному строительству и „есть начало ее болезни: государство, даже самое „советизированное“, имеет свою логику и соприкосновение с ним, а тем более строительство его не может пройти для партии бесследно“[409].

Децисты, или сапроновцы, как их еще стали называть по имени наиболее непримиримого лидера, председателя Московского губернского исполкома Т. В. Сапронова, не представляли собой организационно оформленной, постоянно действующей группировки. Наиболее активный период их деятельности приходится на 1919 год – время наступления центральной власти на провинциальную анархию и существенного урезания самовластия местных начальников, доставшихся Советской республике в наследство от 1918 года, как периода государственного полураспада России.

Выражая интересы огромной массы средних партийных и советских функционеров, недовольных существенным ограничением своей власти на местах со стороны центральных ведомств, децисты были весьма сдержанны в выборе своих средств. Отнюдь не в интересах провинциальной номенклатуры было раскачивание социально-политической ситуации в стране в целях борьбы с самодержавием Кремля. Поэтому, избегая искушения вынести свои разногласия с центром на суд широкой рабоче-крестьянской массы, главной ареной своей деятельности децисты избрали камерные аудитории из функционеров и активистов губернского и городского уровня, подготавливая главные выступления к съездам и конференциям всероссийского масштаба.

Ленин всегда отдавал должное способностям представителей оппозиционного течения, наличие которых, собственно, и заставляло их шумно протестовать против связывания им рук центральными ведомствами. Лидеров децистов Сапронова и Осинского Ленин называл „высокоценными“ работниками, которые тем не менее „перед каждым партсъездом („кажинный раз на эфтом самом месте“) впадают в какой-то лихорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (фракция „громче всех крикунов“) и торжественно садятся в калошу“[410].

В полемическом задоре Ленин отчасти пошел против истины. Не всегда Сапронов и К° садились в калошу. Потерпев поражение в начале 1919 года, децисты в конце 19 и начале 20-го года, опираясь на усилившееся недовольство политикой центра, повели наступление и выиграли кампанию против ЦК.

На VIII партконференции, состоявшейся в декабре 1919 года, Сапронов выступил от имени Московской губернской партконференции с платформой демократического централизма против официальной платформы ЦК. Он утверждал, что отношения с периферией – самый важный и злободневный вопрос. „Нет двойной зависимости, есть сплошной диктат центра“[411]. В прениях по докладом отмечалась атрофия Советов и их органов, начиная с деревенских и кончая Президиумом ВЦИК. Делегаты с мест в подавляющем большинстве выступали против сложившейся государственной структуры управления. Одобренная большинством конференции платформа Сапронова предусматривала частичное возвращение советским органам реальной власти на местах, ограничение произвола центральных ведомств.

Точка зрения децистов несколько дней спустя одержала победу и на VII Всероссийском съезде Советов, где развернулась основная борьба против „бюрократического централизма“ за „демократический централизм“. В ходе прений по проектам постановления, когда совершенно ясно определилась позиция большинства съезда, проект, одобренный ЦК партии, был снят

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org представлявшим его замнаркома внутренних дел Владимирским еще до голосования.

Однако, несмотря на формальную победу, одержанную оппозицией, трудно было рассчитывать, что в сложившейся системе власти, при фактической диктатуре Центрального комитета партии, решения какого-то съезда Советов будут реально проводиться в жизнь. Это отметил Сапронов уже в конце марта, в выступлении на ЕХ съезде РКП (б): „...Постановлениями VII съезда Советов играли и совершенно с ними не считались“. „По-прежнему отдельные наркомы, на что они не имеют никакого права, продолжали угрожать, – иногда и приводить в исполнение, – арестами целых губернских исполкомов“ [412]. Сам Совнарком игнорировал постановление ВЦИК о том, что вся хозяйственная работа ведется при участии местных совнархозов, а местные совнархозы должны подчиняться местным исполкомам. В полемическом запале Сапронов вызвал немалое изумление делегатов съезда. „Сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, о стремлении ЦК к диктатуре партии, – бросил он в зашумевший зал, – на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества“ [413].

С точки зрения децистов IX съезд стал несомненным шагом назад даже по сравнению с прошлым VIII съездом. Узаконив и расширив практику назначения политотделов вместо выборных партийных комитетов в армии и ударных отраслях народного хозяйства, IX съезд по их выражению дошел до „геркулесовых столпов бюрократизации“.

Провал всяческих усилий и безрезультативность внешних успехов в борьбе против руководства ЦК партии заставили децистов замахнуться на „непогрешимость“ вождей и заговорить о „маленькой кучке партийной олигархии“ [414]. В 1920 году их ведущие теоретики переходят от бесконечных комплиментов в адрес вождя пролетарской революции к углублению критического анализа сложившейся системы власти и роли самого Ленина в „наметившемся процессе перерождения партии в бездушный, механически действующий иерархический аппарат“ [415].

В кулуарах Кремля накануне IX сентябрьской конференции партии ходил документ децистов, с полным основанием приписываемый Осинскому В „Тезисах по вопросу об очередных задачах партии“ [416], как он был озаглавлен, сложившаяся система государственной власти охарактеризована по форме как „пролетарское единодержавие“. Далее говорится, что обычным следствием развития единодержавных форм и системы крайней вертикальной централизации является бюрократическое перерождение верхушки правящего аппарата. В свою очередь на почве бюрократической централизации происходит оседание вокруг партийных и советских центров особой категории людей из „деловых“ работников, опытных в интригах, примкнувших к партии в годы успеха, которые сформировали особый контингент т. н. „кремлевских коммунистов“, чуждых духу идейно-пролетарской среды. В этом процессе крупную роль играют личные свойства вождей. „Личность общепризнанного, бесценного и неоценимого руководителя российской и мировой революции тов. Ленина, – говорится в документе, – не может не играть здесь роли. У вождя пролетарской диктатуры политические интересы и способности подавляюще господствуют над организационными. Забота об обеспечении политически преданными и послушными людьми, чисто „деловыми фигурами“ руководящих мест, господствовала у тов. Ленина еще в эмигрантскую эпоху и особенно проступила за последние годы“. Происходит подбор людей, связанных эмигрантскими и кружковыми связями, а также безыдейных, легко подчиняющихся работников. В такой среде возникает не только разложение нравов верхушки, но, главное, начинается „омертвление центрального советского и партийного аппарата“.

В чем видит решение проблемы автор тезисов? Спасение от бюрократизма верхушек правящего аппарата следует искать в „духе и методе самоуправляющейся периферии“ [417], т. е. в них, в „стоящих на почве партийно-пролетарской психологии, проникнутых привычками общественных деятелей последовательных сторонниках демократического централизма“ [418]. Необходимо влить в состав руководящих органов и ЦК массу работников с мест, дабы „парализовать“ индивидуальные слабости двух главных вождей революции» [419].

В сентябре 1920 года своеобразным ответом на усиливающиеся притязания «совершенно преданных партийному делу и связанных с низами и периферией» децистов стало специальное письмо ЦКРКП(б) «Всем партийным организациям, всем членам партии». В письме отмечались тревожные симптомы разложения

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org партийных рядов на «верхи» и «низы», то есть угрожающее противоречие между средним звеном ответственных работников и рядовой массой партийцев. Основой для издания столь откровенного циркуляра послужило июньское обращение в Центральный комитет партии секретаря ЦК Е. Преображенского, в котором указывалось, что на целом ряде губернских конференций до и после IX съезда партии «обнаружилась резкая борьба т. н. низов партии с верхами». Борьба проходила под лозунгами: «Долой обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, долой привилегированную касту коммунистической верхушки!» «Можно смело утверждать, что последние лозунги встречают сочувствие у большей части рядовых членов нашей партии и разложение наших рядов по этой линии увеличивается с каждым днем»[420], – писал Преображенский. Как утверждал Преображенский, в его секретарском портфеле накопилось около 500 дел подобного характера, но наиболее сильные конфликты отмечались в Самарской, Северо-Двинской, Уфимской, Рязанской, Донской, Оренбургской, Брянской, Орловской и Тульской губерниях[421].

В некоторых случаях события были тесно связаны с рождением нового оппозиционного течения в партии, предъявившего свои требования уже не только и не столько к кремлевской верхушке, а именно к рекламировавшим себя в качестве «демократического» среднему слою партийных функционеров.

В ноябре 1920 года Оргбюро ЦК вынуждено было обратить особое внимание на конфликт, разгоревшийся в Тульском губкоме РКП (б). Обстоятельства конфликта связаны с борьбой группировки децистов с появившимся новым течением в партии, активно проявившим себя в тульской губернской парторганизации и получившим ставшее впоследствии общеизвестным название «рабочей оппозиции». Следует упомянуть, что весь период гражданской войны положение губкома РКП(б) в рабочей Туле была весьма непрочным. На выборах в горсовет большинство рабочих Тулы, постоянно охваченных стачечным настроением, упорно отдавало предпочтение меньшевикам. Центральная власть удерживала свое положение в городе и на предприятиях лишь за счет методов чрезвычайной комиссии и разного рода назначенцев, особых троек, уполномоченных.

Специальная комиссия ЦК, во главе с Артемом, назначенная для разбирательства тульского конфликта, в своем отчете указывала, что конфликт имеет давнюю историю. «Ни в одной из наших парторганизаций во всей стране не было таких длительных и глубоких конфликтов, которые протекали в тульской организации»[422]. Не доверяя даже рабочим-коммунистам, ограничивая внутривнутрипартийную демократию, Тульский губком не назначал своих перевыборов с осени 1918 по февраль 1920 года, когда только и был созван 2-й губернский партийный съезд. На съезде руководству губкома был поставлен в вину полный автократизм в советской и партийной работе, полное отсутствие связи с широкими рабочими массами, утверждение системы ставленничества, покровительство угодным лицам и т. п. Как отмечено в докладе комиссии, съезд избрал новый состав губкома в большинстве из «так называемой рабочей оппозиции, возглавлявшейся тов. Копыловым»[423]. Но рабочая оппозиция не имела необходимых сил с достаточной теоретической и административной подготовкой для того, чтобы провести в жизнь свою программу. Наиболее опытные, старые члены губкома во главе с известным Осинским ушли в глухую оппозицию по отношению к сторонникам Копылова. Отныне их деятельность была направлена только на доказательство того, что рабочая оппозиция не способна справиться с делом, а также на подготовку провала своих противников на следующей губпартконференции. Всех несогласных со своей линией группа Осинского шельмовала как «махаяевцев» и «шляпниковцев» («термин, до сих пор совершенно неизвестный в нашей партии»[424], – отмечалось в докладе комиссии). Внутри организации создались фракции, внутри же фракций – велась конспиративная работа, которая была уже совершенно скрыта от внимания всей парторганизации.

Группа рабочей оппозиции, не сумевшая оказать достойной конкуренции децистам во фракционной борьбе, была разгромлена на 3-й губпартконференции в конце мая 1920 года. После этого группировка Осинского получила полную возможность действовать в Туле в соответствии с заявленными децистами в Москве принципами опоры на массы, свободы критики и рабоче-крестьянской демократии. Но, как гласит доклад комиссии, после 3-й партконференции началась расправа с инакомыслящими, в ходе которой «вырабатывались навыки безответственности, протезирования... создавалась диктатура вождей... все стало основываться на доверии и личном подборе»[425]. Это развалило парторганизацию, между маем и ноябрем 1920 года ее численность сократилась в 2 раза и главным образом за счет выхода рабочих.

Рождение нового, более глубинного течения рабочей оппозиции в партии децисты первыми встретили с нескрываемой враждебностью. Юренев в своей брошюре в октябре 1920 года писал:

«Линия на механическое „орабочение“, если бы она начала проводиться в массах, должна была бы встретить со стороны партии самый жестокий отпор, ибо ни к чему другому, как к сугубейшему развалу партии и жесточайшим склокам, она не привела бы» [426].

В борьбе против рабочей оппозиции за власть в Туле представители децистов проявили совершенно те же качества, за которые они привыкли гневно бичевать с московских трибун центральную власть. Представители среднего звена руководства оказались еще более нетерпимыми по отношению к идущим снизу покушениям на их власть.

В течение 1920 года рабочая оппозиция «вызревала» по всей московской периферии и к осени оформилась в столице из группировки, в которую в основном вошли руководители профессиональных союзов: председатели ЦК отраслевых профсоюзов А. Г. Шляпников, А. С. Киселев, Н. А. Кубяк, И. И. Кутузов, ответственные работники С. П. Медведев, Ю. Х. Лутовинов и другие, в том числе А. М. Коллонтай. Группировка впервые выступила под названием рабочей оппозиции в сентябре, на IX партийной конференции, обсуждавшей поставленный письмом о «верхах и низах» острый вопрос о злоупотреблениях и неравенстве в партии.

Однако было бы неверным ставить знак равенства между низовыми партийными течениями, получившими название рабочей оппозиции, и группировкой «рабочей оппозиции», оформившейся в центре. Рабочей оппозицией называли и то брожение в фабрично-заводской среде Урала и Поволжья в 1918 году, которое тогда помогало прийти к власти Комитету членов Учредительного собрания. Широкое периферийное движение коммунистов-рабочих, недовольных общим положением в партии, осенью 1920 года подхватило и стало представлять в Москве руководство профсоюзов, сузив понятие рабочей оппозиции и вложив в него специфически профессионалистский смысл. Недовольное отстранением от управления промышленностью профсоюзное руководство критиковало политику ЦК партии и настаивало на передаче управления экономикой профсоюзам. На IX партконференции резко прозвучало выступление Лутовинова по вопросам рабочей демократии, чистки партии, с критикой назначения и взаимоотношений советских и профессиональных учреждений с ЦК РКП (б).

Для секретариата и аппарата ЦК профсоюзы в то время уже превратились в некий вид ссылки или отстойника, куда отправляли проштрафившихся или вписавшихся в послушные стройные ряды номенклатуры партийно-советских функционеров. В ноябре 20-го года в тезисах «верхов», выдвинутых как бы в ответ на непомерные притязания рабочей оппозиции, заведующий учетно-распределительным отделом ЦК А. О. Альский и его соавтор Ж. Меерзон верно охарактеризовали ее лидеров:

«Переутомившаяся, отброшенная по своей непригодности силой событий от кормила революции, часть „верхов“, наиболее пораженная в силу этого упадочными настроениями, является руководителем этого течения» [427]. Однако, пытаясь полностью обелить себя, цековские аппаратчики совершенно огульно подошли к основной массе рабочей оппозиции. Дескать, «„непереваренные“ слои мещанства наименее развитая, недавно пробужденная к активности часть пролетарских масс партии, составляет социальную базу „рабочей оппозиции“» [428]. Стоит только почитать те письма и обращения от этих «мещанских», «неразвитых» слоев, во множестве сохранившиеся в архивах ЦК РКП (б), чтобы понять, насколько неверна и оскорбительна подобная оценка.

Партийные массы очень болезненно переживали естественный бурный процесс перерождения партии, ее расслоение на низы и привилегированные верхи. В ЦК писали партийцы со стажем, фронтовики. Вот отрывок из неизвестного письма замначпоарма Д. Фурманова от 4 ноября 20-го года под красноречивым заголовком «Довольно!»: «Российская коммунистическая партия засаривается у нас на глазах, Все мы, члены партии, отлично видим, что она по качеству своих членов далеко не та и значительно ниже, чем в Октябрьские или дооктябрьские дни 1917 года... Я говорю о шкурниках и карьеристах, которые, несмотря на все препоны, прорываются в ряды РКП... Необходимо немедленно положить предел вступлению в нашу партию непролетарским элементам...» и т. п. [429]

Играя на проблеме верхов и низов, группировка рабочей оппозиции сумела осенью 1920 года привлечь к себе симпатии и ощутимую поддержку среди партийцев-рабочих. В ноябре на Московской губпартконференции рабочую оппозицию поддержало до 20 % делегатов, которые даже провели свое «особое» совещание, где выступали против линии МК и ЦК РКП (б).

Дискуссия о профсоюзах в начале 1921 года стала временем взлета группировки рабочей оппозиции. Опираясь на положение партийной программы VIII съезда, где говорилось о том, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым», Шляпников и его единомышленники критиковали ЦК РКП (б) за «военные» методы в работе с профсоюзами. Источник партийного кризиса и общего кризиса в стране шляпниковцы усматривали в бюрократизации аппарата государственной власти.

Со своими тезисами в профдискуссии рабочая оппозиция выступила 25 января 1921 года. А. Шляпников, М. Владимиров, А. Толоконцев и ряд других предложили передать организацию управления народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики»[430]. На местах соответствующие съезды профсоюзов должны учреждать областные, районные и другие местные хозяйственные органы, чтобы предприятиями и хозяйственными учреждениями управляли рабочие комитеты, выбранные рабочими и служащими и работающие под контролем и руководством соответствующего профсоюза как его первичная организационная ячейка[431]. Короче говоря, захиревшего и загрузившего на профсоюзном табурете Шляпникова надо было понимать так: не хочу быть дворянкой столбовою, хочу быть вольною царицей!

Аналогично случаю в тульской парторганизации архивы сохранили примеры захвата власти представителями рабочей оппозиции и в других провинциальных центрах России. Так было в Самаре в 1920–1921 годах. Самарские рабочие в период гражданской войны не раз открыто демонстрировали свое неоднозначное отношение к Советской власти. В 1918 году при их поддержке в городе утвердился Комитет членов Учредительного собрания. Пребывание в 1920 году в Самаре штаба Туркестанского фронта, насаждавшего в учреждениях города дух бюрократизма и военщины, внесшего огромное неравенство между рабочими и всякого рода военным и гражданским чиновничеством, выразилось в усилении оппозиционных настроений среди коммунистов-рабочих и привело в руководство губпарторганизацией сторонников рабочей оппозиции. В резолюциях самарских партийных собраний и конференций стали доминировать мотивы необходимости «нового курса», поскольку, по мнению рабочей оппозиции, до сих пор общая линия партии была неправильно ориентирована на «попутчиков», мелкую буржуазию и крестьянство[432].

Создалась парадоксальная ситуация, когда получившие большинство в руководстве губкома и сами прошедшие в верхи оппозиционеры сосредоточили свои усилия на травле и дискредитировании ответственных работников, когда в их выступлениях на все лады варьировалась тема «верхов и низов». В декабре 1920 года самарские оппозиционеры пытались сколотить блок из нескольких губернских делегаций к предстоящему VIII съезду Советов и X съезду партии. На 7-м губернском съезде Советов в Саратове специальный посланец Самарского губкома делал доклад о борьбе с бюрократизмом, в котором содержалась характеристика основ бюрократической системы, критика идеологии бюрократизма и формулировались методы его изживания:

«Чиновник-бюрократ, обеспеченный государством, не заинтересован в развитии производительных сил страны... VIII съезд Советов обязан произнести смертный приговор бюрократизму»[433]

, – прокламировалось в докладе Самарского губкома. Меры, призванные искоренить бюрократическую систему, в исполнении самарской оппозиции воспроизводили стиль утопического мышления, родившегося еще в европейских рабочих казармах начала XIX века. Предполагалась широкая выборность в управлении, коллективизация сельского труда, общественное бесплатное жильё и питание для городов и деревень, добровольный бесплатный труд по примеру коммунистических субботников и т. п.[434].

В Саратове эта платформа не прошла, были поддержаны тезисы IX партконференции, однако в Самаре эксперимент пребывания у власти рабочей оппозиции продолжился и в первой половине 1921 года. В итоге, как

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org жаловались в ЦК партии угнетаемые самарские ответработники, при милованской группировке рабочей оппозиции бюрократизм стал бюрократизмом в кубе, проводился террор в отношении инакомыслящих. Эксперимент «орабочения» органов власти в Самаре фактически привел к полному развалу партийной и советской работы[435]. Как открывали для себя все оппозиционные группировки, власть, борьба за власть, везде, на любом уровне диктовали единые правила игры, превращая самую демократически настроенную оппозицию в заядлых бюрократов и ревностных гонителей своих противников.

Несмотря на то, что наиболее активный период деятельности рабочей оппозиции приходится на время дискуссии о профсоюзах, Шляпников и его товарищи не были ее главными действующими лицами. Тон и ход дискуссии задавали куда более серьезные политические силы.

Ленин в дискуссии о профсоюзах сам сделал ставку на неприязнь партийных низов к своим верхам, навязанным им из аппарата и Оргбюро ЦК. В широкой партийной аудитории Троцкий и его союзники потерпели сокрушительное поражение, несмотря на то, что в течение двух месяцев он выдвинул пять платформ, в которых последовательно отказался от лозунгов «закручивания гаек», «перетряхивания» и пришел к активной поддержке идеи рабочей демократии. Группировка Ленина и Зиновьева искусно воспользовалась антипатией партийных масс к верхам, к аппаратно-бюрократической прослойке в партии, откуда Троцкий и Оргбюро в основном и черпали свои силы, и разбила их наголову. Например зиновьевцы в Петрограде и Кронштадте при полной поддержке комячек Балтийского флота буквально раздавили командование и политорганы флота, Раскольникова и Батиса, поддержавших Троцкого, что в свою очередь усилило оппозиционные и анархические настроения среди матросов, приведшие к мятежу. В докладе следственной комиссии ВЧК по делу о Кронштадтском мятеже особо подчеркивается, что «одной из основных причин этого движения несомненно являлась страстная полемика в рядах РКП, ослабление внутрипартийной спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии». Большую роль в развитии событий «сыграла невиданная растерянность руководителей кронштадтской [партийной] организации и комиссарского состава Балтфлота и Кронкрепости»[436]. Не будет преувеличением, если сказать, что Зиновьев своими руками выстроил «Кронштадт». Известный партийный оппозиционер Г. Мясников назвал тогда Кронштадт повторением «финской истории» (см. примеч.) в более широком масштабе. «Что это значит?» – спрашивал он.

«Несколько сот коммунистов дерутся против нас!»[437]. Но в расчетах Ленина и его группировки все возможные негативные последствия общепартийной дискуссии отступали на второй план перед необходимостью одержать фракционную победу на X съезде. Ленин заранее сделал заявку на съезд:

«Если надо кого хорошенько обругать и перетрясти, то уж скорее не ВЦСПС, а ЦК РКП»[438]. Главной задачей являлась чистка состава ЦК партии, чтобы он вновь стал аппаратом, всецело послушным Ленину.

Для того чтобы на съезде наверняка продиктовать свой список центральных партийных органов, ленинская «десятка» через того же Зиновьева, через ту же петроградскую партийную организацию, выдвинула предложение о выборах на съезд по платформам, которое и было принято на заседании ЦК 21 января 21-го года.

«Там, где местная организация найдет это необходимым и полезным, – говорилось в постановлении, – допускать выборы на съезд по платформам (тезисам)»[439].

Тактика ленинской «платформы десяти» оказалась верной, на выборах делегатов ее сторонники одержали убедительную победу, благодаря чему на съезде Ленину удалось существенно обновить состав Центрального комитета. Численность ЦК была увеличена с 19 до 25 человек, из которых подавляющее большинство были сторонники «десятки». 16 марта на пленуме нового ЦК был избран новый состав Политбюро и Оргбюро, а также, в чем и заключалось главное содержание кадровых изменений, был полностью обновлен секретариат ЦК. Никто из старой секретарской тройцы не попал в состав высших партийных органов вообще. Вместо них были выдвинуты новые силы из среднего руководящего звена – В. М. Молотов, Е. М. Ярославский, В. М. Михайлов, не имевшие особенного авторитета и связей, что, по-видимому, также не было случайным.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
X съезд РКП (б) формально поставил точку в военно-коммунистической эпопее, но возникшая в этот период «необъятная власть» секретариата и аппарата ЦК продолжала укрепляться.

Троцкий на X съезде вел упорные арьергардные бои, он утверждал, что резолюция о профсоюзах на «платформе десяти» несостоятельна и «не доживет» до XI съезда. Троцкий бросал упреки Ленину, что тот хочет производить выборы в ЦК под углом зрения фракционной группировки, которая вряд ли выдержит двенадцать месяцев, и т. п. [440]. Поэтому, несмотря на полное поражение Троцкого на X съезде, у Ленина не было уверенности в том, что с его стороны вскоре не последует нового покушения на большой кусок от пирога власти. В 1921 году Ленин особенно приближает к себе и всячески способствует возвышению Сталина, который во время профдискуссии еще раз зарекомендовал себя непримиримым врагом Троцкого. Благодаря усилиям Ленина в 1921 году Сталин фактически становится вторым лицом в партийно-государственном руководстве, являясь одновременно членом Политбюро и Оргбюро ЦК вместо Крестинского.

Между тем со второй половины 1921 года у Ленина начинают проявляться и усиливаться признаки серьезной болезни. Его преследовали головные боли, обмороки, наступило резкое ослабление работоспособности. Несомненно, что он с большой вероятностью допускал, что в более или менее отдаленном будущем ему придется отойти от активной политической деятельности. Но его постоянное стремление к абсолютному лидерству в партии, нежелание поступиться хотя бы долей этого лидерства и соответствующий подбор ближайшего политического окружения привели к тому, что достойного преемника он себе не подготовил. Троцкий замечал, что Ленин формировал свой ЦК таким образом, что без него он становился беспомощным и утрачивал свою организованность. В 1922 году Ленин вручил пост генерального секретаря ЦК Сталину, человеку, которого в глубине души недолюбливал и, возможно, презирал, но считал послушным орудием в своих руках. Сталин был нужен еще и потому, что издавна находился в совершенно неприязненных, враждебных отношениях с Троцким, в котором Ленин видел напористого и нежелательного претендента на власть.

Опасения Ленина относительно своего здоровья оправдались быстрее, чем он ожидал. В конце мая 1922 года у него случился первый серьезный приступ болезни, приведший к частичному параличу правой руки и расстройству речи. Ленин находился в Горках до начала октября и в течение всего этого времени почти не принимал участия в политической жизни, более того, был от нее в значительной степени изолирован.

Сталин, будучи постоянным членом Оргбюро с момента его создания, прекрасно понимал, какие возможности открывались перед ним в качестве руководителя секретариата и аппарата ЦК РКП (б). Все его предыдущие занятия: Наркомнац, Рабоче-крестьянская инспекция и прочее – меркли перед его новой должностью. Он получил возможность до конца реализовать то, что в свое время пытались сделать Крестинский и Троцкий. Состояние Ленина стало одним из факторов, побудивших Сталина действовать быстро и решительно. Заручившись поддержкой Каменева и Зиновьева, он приступил к созданию, точнее, к завершению создания номенклатуры – партократии, которая дала бы ему огромный перевес над потенциальными соперниками в грядущей борьбе за власть. В этом деле Сталин превратился уже в ярого сторонника назначения, за которое он так критиковал Троцкого во время профдискуссии.

6 июня 1922 года на места было разослано утвержденное секретариатом и Оргбюро «Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП (б)», по которому инструктора наделялись широкими правами в отношении низовых выборных партийных органов, а подотчетны они были орготделу ЦК, т. е. аппарату. Вскоре аналогичная система назначаемых инструкторов была создана и на низших уровнях партийной иерархии, вплоть до уездов.

С лета 1922 года Сталин через секретариат активно проводит подбор и расстановку своих людей, политику, которую год спустя, на XII съезде он сформулирует так:

«Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять эти директивы, могущие принять эти директивы как свои родные и умеющие проводить их в жизнь» [441].
С теми партийными работниками, которые не чувствовали такого родственного умиления к директиве центра, у Сталина был разговор короткий. В течение

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org года было заменено большинством секретарей губкомов и укомов, иногда путем прямого назначения, а чаще в форме «рекомендаций» и «переизбрания». Аналогичный процесс шел и ниже, причем не только в рамках собственно партийного аппарата, а охватывая руководящие кадры хозяйственных и прочих ведомств. По подсчетам, сделанным на основе закрытой статистики, из 191 человека, занимавших посты секретарей губкомов с лета 1922 по осень 1923 года, «выбранных» было только 97, а остальные были «рекомендованы» или прямо назначены [442]. После массовых перемещений местных партийных работников летом 1923 года практически весь партаппарат на местах был под полным контролем секретариата. Становление сталинской номенклатуры в основном состоялось, а в последующие годы она лишь укреплялась и совершенствовалась.

С августа 1922 года назначение секретарей стало фактически уставной нормой. В принятом XII партконференцией новом уставе партии было записано, что отныне секретари губернских и уездных комитетов должны были утверждаться в должности вышестоящим органом. Также по новому уставу параллельно областным комитетам, выборным и подотчетным областным конференциям, создавались областные бюро, назначаемые и подотчетные только ЦК. Знамя антибюрократизма и назначенства, под которым «десятка» и Сталин в том числе, проводили свою кампанию против Троцкого в период профдискуссии, было отброшено.

Немногословный и исполнительный Сталин оказался не так прост, как о нем думал Ленин. Едва оправившись от первого удара болезни, во второй половине 1922 года Ленин прилагает усилия по сближению с Троцким, в котором видел единственную личность, способную противостоять Сталину. В сентябре Ленин внес в Политбюро предложение о назначении Троцкого своим основным заместителем в Совнарком, что по идее должно было создать некое равновесие на верхнем этаже партийно-государственного руководства. Дело в том, что, по сложившейся традиции, заседания ЦК и Политбюро всегда возглавлял предсовнаркома или его ближайший заместитель. Это могло дать в руки Троцкого сильное оружие против Сталина, но он без всякой мотивировки категорически отказался. Возможно, Троцкий еще остро переживал свое унижение в период дискуссии о профсоюзах в 1921 году и был согласен пойти на мировую только при полном и безоговорочном признании его преемником вождя. Каменев, которого Ленин в конце концов провел в СНК в качестве своего заместителя, был явно слаб против Сталина. Поэтому Ленин прибегает к последнему для него средству и диктует письмо к предстоящему XII съезду, в котором предложил обдумать способ перемещения Сталина с поста генсека и назначить на его место другого человека. Но было уже поздно. В начале 1923 года реальная власть в партии и стране была в значительной степени сосредоточена в руках партократа, на вершине которой находился секретариат ЦК и лично Сталин.

Глава VI. Социальная хирургия – массовый террор

Вопрос о терроре, быть может, как никакой другой, требует строгого соблюдения принципов историзма и конкретности. Демагогам и политикам легко играть на том, что большинству нормальных людей не нравится цвет крови в истории. Однако же нельзя забывать о том, что именно демагоги и политики с нарочитыми всхлипываниями и причитаниями ведут толпы слепых к порогу нового террора. Разве не так поступали те же большевики, оплакивая зверски замученных и убитых царским режимом? В конечном счете кропотливое извлечение и взвешивание всех «за» и «против» большевистского террора неизбежно достигает своего «дна»: А нужна ли была революция вообще? Насколько этот вопрос произвольно естествен, настолько и глуп. История не интересуется у людей, нравится ли она им или нет, она просто творит свое дело. Революция была неизбежна, неизбежен был и революционный террор, ибо известно, что чем дольше оттягивается разрешение противоречия, тем с большей разрушительной силой оно проявляется впоследствии. Воображающие о России, которую «потеряли», аристократично «не замечают» миллионы поротых крестьян, замордованных солдат и матросов, две бездарно проигранных войны и многое, многое другое.

В удел историку остается лишь малое – вопрос о мере. Но многое в этом малом. Сегодня уже недостаточно описать конкретный механизм взаимодействия материальных и идеальных факторов, определивших своеобразие исторического отрезка. Нужно постичь степень свободы коллективного разума перед объективной необходимостью, то есть то, насколько идея способна довлеть над порядком вещей, разнообразить и искривлять их течение. Следует научиться разоблачать вечно жуликоватый частный интерес, прикрывающийся

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org общепризнанной идеей, чтобы навязать себя людям в качестве интереса всеобщего.

Красный террор периода гражданской войны – явление многогранное и не поддается однозначной характеристике. Террор использовался большевиками как орудие борьбы с контрреволюцией, как средство против коррупции и злоупотреблений в собственном аппарате, как метод выколачивания из крестьян продовольствия и денежных налогов, как метод комплектования Красной армии. Да мало ли где большевики использовали это универсальное оружие, выковывавшееся в кузницах всех революций и общественных переворотов! Динамика революционного движения, не достигающая своей цели, всегда неотвратимо приводит к репрессиям и террору как к последнему средству, вне зависимости от того, какими бы благородными и гуманными лозунгами ни питалось это движение в самом своем начале.

Но большевизм внес в террор новое содержание, вознес на качественно новую ступень. Главная особенность красного террора – это то, что он одновременно служил и орудием борьбы, и инструментом социального преобразования общества. Террор врос корнями в большевистскую идеологию классово-борьбы и строительства бесклассового общества, питался ее соками, получая от нее энергию и нравственное оправдание. В ходе гражданской войны большевики выработали установку путем физического истребления т. н. эксплуататорских классов преобразовать общество в соответствии со своей доктриной, причем количество подлежащих истреблению, как бы велико оно ни было, не имело значения. И это было не просто теоретической выкладкой или досужей болтовней малоответственного партийного краснобая. Эта установка была четко сформулирована, глубоко осознана и беспощадно проводилась в жизнь карательными органами, рожденными российской революцией.

Для красного террора не имело значения, виновен ли перед Советской властью конкретный человек, которого чекисты выводили на край оврага. Если это был буржуй, буржуазный интеллигент, член оппозиционной партии, то он прежде всего был повинен смерти своей причастностью к враждебным кругам, своим происхождением, определялся априори как враг Советской власти и, значит, подлежал истреблению. Член коллегии ВЧК, председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте М. Я. Лацис писал в 1918 году:

«Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, каково его образование и какова его профессия. Эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого» [443]. Правда, высказываясь с подобной откровенностью, Лацис вызвал неудовольствие кое у кого наверху и в своих неопубликованных воспоминаниях писал, что за эту статью он получил нагоняй от Ленина, который при их встрече стал рассуждать о том, что задача состоит отнюдь не в физическом истреблении буржуазии, а в ликвидации тех причин, которые порождают буржуазию. После того как Лацис успокоил его оправданием, дескать, просто допустил неосторожное выражение, а на практике его действия носят иной характер, Ленин удовлетворился и задержал свою специальную статью, предназначенную для опубликования в «Правде» [444]. Цюрупа верно подметил у Ленина особенность, что он, делая решительные шаги, всегда стремился ослабить впечатление от них.

Конечно, все начиналось не так свирепо. В начале революции, в конце 1917 – начале 1918 года правительство большевиков, сравнительно легко заполучив власть без особенной борьбы и кровопролития, было озабочено налаживанием госаппарата и с помощью образованной Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем пыталось относительно мягкими способами, путем арестов, заключений и измором заставить приступать к исполнению обязанностей армию саботирующих служащих центральных учреждений. Более того, в этот период большевики сами старались бороться с процветающей разбойной и террористической деятельностью анархически настроенной матросни. Ленин в январе 1918 года не на шутку был рассержен самочинным убийством матросами бывших министров Временного правительства Шингарева и Кокошкина. То, что с полным правом можно назвать террором, тогда исходило не от правительства, а, так сказать, стихийно изливалось из глубин душ, облаченных в серые шинели и черные бушлаты, в виде их беспощадной ненависти к офицерству, белой кости за прошлый мордобой, карцеры и унижения. В январе – феврале 1918 года, после взятия советскими войсками Киева, там было убито около 2500 офицеров, около 3400 офицеров расстреляно в Ростове-на-Дону и около 2000 в Новочеркасске.

До начала широкомасштабной гражданской войны, до укрепления централизованной советско-партийной системы, до того, как террор превратился в большевистскую государственную политику, он являлся более продуктом «революционного творчества» масс, как на рубежах Совдепии, так и в ее центрах. Сохранились чрезвычайно интересные и назидательные образцы подобного творчества низов. Например, исполком Выборгского райсовета в марте 1918 года издал распоряжение о явке на общественные работы всем домовладельцам и квартиронанимателям, снимающим четыре, пять и более комнат. «Виновные в неисполнении сего приказа будут расстреливаться», – гласило распоряжение[445].

В скольких в то время городах и поселках заборы пугали несчастных буржуев подобными угрозами, сказать трудно, но совершенно очевидно, что тенденция обострения гражданского противостояния развивалась к своему логическому венцу – государственному провозглашению красного террора, Начало фронтовой гражданской войны похоронило весенние задумки компромисса с буржуазией и поставило большевиков перед необходимостью ее окончательного подавления. Требовался лишь детонатор к уже снаряженной бомбе красного террора, каковым и стало убийство Урицкого и покушение на Ленина в конце августа 1918 года.

С. П. Мельгунов в своей классической книге «Красный террор в России» справедливо заметил, что полуофициальные заявления центральных карательных органов о числе взятых заложников и количестве классово-чуждого элемента, расстрелянного в порядке красного террора, если даже и верны, то во всяком случае совершенно не отражают общую картину террора по всей Советской республике. Точный подсчет жертв террора невозможен, поскольку с осени 1918 года не только ВЧК, ГубЧК, но и их уездные органы проводили собственные, не санкционированные руководством кампании по захвату и расстрелу заложников.

Сколько по РСФСР в 1919 году появилось улиц и площадей имени К. Либкнехта и Р. Люксембург! Каждое уездное захолустье спешило переименовать свои растеряевки фамилиями убитых вождей германских коммунистов. В архивах большевистского ЦК сохранились десятки, если не сотни, телеграмм, требовавших кровавого возмездия. «За каждого павшего вождя будут истреблены сотни тысяч кровопийц, бандитов», – кричала телеграмма, отправленная в ЦК тархановской комячейкой Ардатовского уезда Симбирской губернии[446]. «Царицынский комитет РКП, пылая ненавистью и гневом к буржуазии – убийцам передовых вождей пролетариата тт. Либкнехт и Люксембург, вынес постановление: объявить террор буржуазии и расстрелять некоторых заложников из банд контрреволюции», – сообщала теле-, грамма из Царицына от 27 января 1919 года[447].

После волн красного террора, связанных с покушением на Ленина, убийством германских коммунистических вождей, политикой в отношении казачества, очередная мощная волна расстрелов прокатилась вслед за взрывом, устроенным анархистами в помещении МК РКП (б) в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 года. Сам ЦК большевиков с опасением отнесся к проведению террора в период успешного наступления деникинских армий. 27 сентября на заседании Оргбюро было указано по поводу одной публикации в РОСТА о взрыве, заканчивавшейся горячим призывом к массовому террору, что подобная статья не соответствует постановлению ЦК и решено номер в провинцию не рассылать, а если он уже разослан, то дать телеграммы, чтобы статья не переписывалась[448].

Но на местах и не нуждались в агитации РОСТА. На заседании Оргбюро 8 октября секретарь ЦК Стасова информировала, что почти все телеграммы, поступающие в ЦК из провинции по поводу взрыва в Леонтьевском переулке, требуют красного террора[449]. Так, например, в сентябре 1919 года Темниковский уезд ввиду мамонтовского прорыва был объявлен на военном положении, а после взрыва в Москве укомпарт вообще провозгласил красный террор в уезде[450]. Имели место совсем курьезные случаи. Сохранилась резолюция коммунистов, заключенных в Бутырскую тюрьму, с требованием «немедленного и поголовного расстрела всей буржуазии, бывших офицеров (за исключением малого процента истинно преданных коммунизму), губернаторов, помещиков, земских начальников, видных лидеров продажных партий и т. д., кем бы они ни были и где бы ни находились. А в случае неутверждения данного предложения, – грозили заключенные-коммунисты, – мы сами объявим террор всем этим злодеям, находящимся в настоящий момент в Бутырской тюрьме»[451].

Этих бутырских сидельцев, понятно, призвали к порядку и запретили какие-либо формы коммунистической организации среди арестантов, но

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org остановить ненависть, разливающуюся по всей территории Советской республики, конечно же не было никакой возможности. 13 октября на заседании Оргбюро было зачитано предписание Калужского ревкома всем уездам о том, что в связи с московскими событиями 25 сентября следует изъять в губернии «весь контрреволюционный, буржуазный, саботирующий, спекулятивный и прочий паразитический элемент», кроме того, немедленно привести в исполнение приговор в отношении всех лиц, уже осужденных к высшей мере наказания[452]. Дзержинский, докладывая вопрос о Калуге, предложил разослать циркулярную телеграмму во все губернии с подтверждением старого постановления, что все расстрелы производятся только по утверждению ВЧК[453].

Нельзя сказать, насколько бывали эффективны подобные циркуляры в условиях обостряющейся гражданской войны. В Витебской губернии общее собрание сурожской парторганизации 29 августа 1919 года постановило объявить с 1 сентября город Сурож на военном положении, взять с каждой волости по 30–40 заложников и в случае убийства хотя бы одного советского работника немедленно расстрелять и взять новых[454]. В годы Великой Отечественной войны в Минске за 1 убитого немецкого солдата оккупанты расстреливали по 50 человек, сурожские партийцы оценили свою жизнь дороже почти в десять раз.

Институт заложничества приносил ощутимый эффект, в этом вынуждены были сознаться даже отчаянные террористы с большим дореволюционным стажем – эсеры. Большевики заставили эсеров сложить оружие террора. Бросать бомбы в члены императорской фамилии, убивать царских министров оказалось намного легче, чем прикончить соработника средней руки. На нелегальной конференции партии социалистов-революционеров в сентябре 1920 года в выступлениях подчеркивалось, что «метод террора устарел. Сожжение сел принесет больше вреда, чем террор пользы»[455]. При обсуждении вопроса о вооруженном восстании против большевиков екатеринославский делегат наряду с замечанием, что факт недовольства властью в Советской России силен и долготерпение народа исчерпано, признал, что «единственное оружие против выступления – это заложники»[456].

Любопытные данные содержатся в отчете уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП (б) по проведению мобилизации в Рязанской губернии Овсянникова. Он писал, что обширное крестьянское восстание в губернии в 1918 году было «вызвано нашими безобразиями». Оно не затронуло только два уезда – Скопинский, где проводилась мягкая политика и этих безобразий не было, и Данковский, в котором, наоборот, «невероятным террором было задавлено все»[457]. Так вот, «с крестьянством можно обращаться только двумя способами – или пряником, или палкой до бесчувствия», – заключал он в выступлении на собрании уполномоченных в Цека партии[458].

Однако порой секира красного террора действовала достаточно гибко и разборчиво. Так, 17 октября 1919 года Оргбюро постановило: ввиду того, что в условиях развивающегося наступления Юденича в Петрограде производится массовый расстрел заложников, «во избежание случайного расстрела... предложить тов. Дзержинскому вытребовать Потресова в Москву»[459]. А вот еще более любопытная запись, затерявшаяся в архивах Наркомата земледелия. На заседании коллегии НКЗ от 23 октября 19-го года рассматривался вопрос: «О службе родственников Романовых в финотделе». Постановление коллегии было кратким:

«Разрешить»[460].

Восстанавливая картину красного террора в России, непростительно не упомянуть о его одном характерном аспекте. Уцелевшие во время гражданской войны летописцы из эмигрантского лагеря в своих воспоминаниях непременно подчеркивают масштаб чудовищных злоупотреблений и произвола карательных органов Соввласти, процветавших в условиях их чрезмерных полномочий и слабого контроля. Однако поощрение подобных явлений отнюдь не являлось государственной политикой большевиков. Напротив, обнаруженные злоупотребления в госаппарате карались не менее беспощадно, чем контрреволюция. Малоизвестно, что предвчк Дзержинский создал при себе группу особо верных чекистов, ее называли «железная группа», специально для неожиданных налетов на госучреждения, проверки их работы и следствия по обнаруженным злоупотреблениям. На счету «железной группы» числилось немало успешных дел по разоблачению бюрократов, мздоимцев и насильников в коммунистической шкуре, которых она передавала в руки карательных отделов.

С еще большим пристрастием большевики относились к злоупотреблениям в самой ЧК. Е. Бош 10 января 1919 года в докладе ЦК о своей поездке в Астрахань

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org сообщила, что до ее приезда местная чрезвычайка четыре раза меняла свой состав и при этом «почти что каждый раз состав обязательно попадал в тюрьму»[461]. Подобных примеров множество. Весьма характерна телеграмма самого Ленина в Петроград Зиновьеву:

«Члены ЧК детскосельской Афанасьев, Кормилицын и другие изобличены, по словам Луначарского, в пьянстве, насиловании женщин и ряде подобных преступлений. Требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне имена особых следователей, ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский Совет. Комиссаров Афанасьева арестовать. Предсовнаркома Ленин»[462].

Благодаря пристрастности большевиков к собственным работникам сохранилась возможность узнать подробности некоторых карательных мероприятий Соввласти не из свидетельств сторонних очевидцев, а из собственных показаний участников и исполнителей. Так, в 1919 году в Саратовской губернии действовал карательный отряд некоего Черемухина. По оценке саратовских властей, он добился значительных результатов по утверждению Советской власти и большевистского влияния в Поволжье. Но в чем-то Черемухин «перестарался», где-то расстрелял племянника видного саратовского большевика, где-то без достаточных оснований поставил к стенке члена союзной партии революционных коммунистов, у которого также нашлись влиятельные защитники в Москве, и полетели в ЦК РКП (б) жалобы на «преступные действия, грабежи и расстрелы», произведенные отрядом Черемухина[463]. ЦК реагировал указаниями Саратовскому губкому на недопустимость преследования «нашими товарищами» революционных коммунистов[464]. По приказу из ВЧК Черемухин был привлечен к ответственности и отозван с должности, составилось целое дело, материалы которого дают возможность получить наиболее объективное представление о деятельности карательных отрядов, подобных отряду Черемухина, которых в то время по Совдепии маршировало великое множество.

Сам Черемухин Николай Алексеевич, коммунист, 37 лет, из крестьян Ковенской губернии. В 1907 году за покушение на адмирала Ирицкого и вооруженное сопротивление при аресте был осужден на 20 лет каторги, откуда бежал в 1915 году. После Октябрьской революции одно время был товарищем военного комиссара Кубано-Черноморской советской республики, принимал участие в разгроме Корнилова, дважды участвовал в боях с Красным под Царицыном. Разбил трехтысячный отряд поднявшего восстание Петренко, а также 3-ю украинскую армию под командованием Березова. Вызванный со своим отрядом в мае 1918 года в Саратов на подавление восстания, серьезно пострадал при крушении поезда и год после этого находился на излечении. В июне 1919 года предложил свои услуги Саратовскому губпродкому и был назначен уполномоченным по сбору продразверстки в Балашовском уезде.

Летом 1919 года по причине приближения деникинского фронта ситуация в Саратовской губернии, особенно в ближайших к фронту Балашовском и Аткарском уездах, сложилась не в пользу коммунистической власти. Положение было такое, что все волостные и сельские Советы находились в руках кулаков, откровенно сочувствовавших Деникину. Деревенские коммунисты были вынуждены днем прятаться в конопле, а на ночь собираться в одну избу из-за боязни расправы. Отдельные волости слали гонцов к Деникину с призывами, процветала откровенная белогвардейская агитация. О сдаче хлеба государству никто и не помышлял, существовала свободная торговля хлебом, мясом, маслом, базары были завалены горами колбасы. И, как отмечали комработники из Балашовского и Аткарского уездов, только после прохождения отряда Черемухина на западе губернии стала возможной коммунистическая работа. Кулаки стали покидать сельсоветы и волисполкомы, заявляя:

«Теперь мы не годимся, мы не свои, давайте коммунистов»[465]. Но это произошло позже, а началось все с обращения предсовнаркома к саратовскому губернскому советскому, партийному руководству и воинскому начальству. В телеграмме от 8 июля Ленин потребовал активизации карательных действий:

«Необходимо особыми отрядами объехать и обработать каждую волость прифронтовой полосы, организуя бедноту, устраняя кулаков, беря за них заложников, подавляя зеленых, возвращая дезертиров»[466]. Во главе одного из таких отрядов и оказался Черемухин. Как он писал в своем отчете, в Балашовском уезде, на посту уполномоченного губпродкома его застало восстание «зеленых». Имея при себе хорошо вооруженный отряд, он

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org вступил в бой с зелеными и восставшими крестьянами под селом Малиновское, разбил их, сжег 283 двора и сразу ликвидировал восстание. Решительные действия Черемухина обратили на него внимание председателя ревкома Саратовской губернии и начальника Саратовского укрепрайона Н. В. Крыленко, который назначил его начальником укрепленного района Аркадак – Ртищево – Сердобск и командующим всеми отрядами по борьбе с бандитизмом в губернии. Крыленко выдал Черемухину, как тогда говорили, «аршинный» мандат, где перечислялись бесконечные чрезвычайные полномочия, и после этого его деятельность многократно активизировалась. Отряд Черемухина прошел по территории Балашовского, Аткарского, Сердобского и Петровского уездов, карая за укрывательство хлеба, оружия и дезертирство, арестовывая и расправляясь с кулаками, спекулянтами и самогонщиками, накладывая на села денежные и хлебные контрибуции. Председатель Саратовского губисполкома В. А. Радус-Зенькович высоко оценивал результаты деятельности Черемухина и всячески ограждал его от внимания ЦК и ВЧК.

Операции черемухинского отряда носили однообразный характер и сводились к следующей схеме: быстро передвигаясь из волости в волость, из уезда в уезд, отряд высылал вперед конную разведку и тайных агентов, которые первыми входили в намеченное село, затем посылались квартирмейстеры и курьеры, готовившие квартиры отряду, и назначали время заседания сельсовета и общего схода. Вступив в село и получив сведения от разведчиков, местных сочувствующих и представителей власти, Черемухин требовал списки дезертиров, кулаков, имеющих оружие, и тому подобной публики и немедленно приступал к выкачке хлеба. Общий сход сельчан обеспечивала кавалерия, которая при необходимости силой заставляла идти на собрание. После так называемого митинга, на котором, как правило, выступал один Черемухин, отряд охватывал собравшихся плотной цепью, затем дезертирам, кулакам, грабителям совхозов приказывали отойти в сторону, причем звучало предупреждение, что имеются их списки и кто после троекратного вызова не откликнется, тот тут же на месте будет расстрелян. Отобранных выводили в амбар, и они считались заложниками до выполнения селом требований о сдаче оружия и обмундирования. Как сообщает Черемухин, было только два случая, когда пришлось расстрелять на глазах у схода двоих отказавшихся сдать оружие и одного кулака, не вышедшего по приказу. Всего, подытоживает Черемухин, за время с 18 июля по 22 сентября в четырех уездах было расстреляно 139 человек[467].

Список расстрелянных, который имеется в деле Черемухина, представляет собой любопытный социальный срез, демонстрирующий те общественные группы, которые Советская власть числила своими врагами. Означенный в списке под № 1 Василий Горелов из села Ольшанка Балашовского уезда расстрелян за участие в боях против советских войск и убийство двух коммунистов, № 11 Аркадий Гоптаев из Летяжевки расстрелян как бывший стражник, № 15, 16, 17 – Федор, Иван и Михаил Мельниковы из Малиновки – как «кулаки, самогонщики, имеющие 4 тысячи пудов ржи», № 54, 55 – Афанасий Быков и Василий Субботин из села Полужино – «пойманы на месте гонки самогона с аппаратом» и т. д.

Этот неполный и небрежно составленный список содержит имена 127 человек, из которых за дезертирство и вооруженную борьбу против Советской власти расстреляно 75 человек, за грабежи совхозов и прочего советского имущества – 19 человек, за выделку самогона – 13, за убийство и выдачу коммунистов – 9, 5 человек – просто потому, что кулаки, 3 – как слуги бывшего режима (стражник, урядник, пристав) и 3 – как бывшие каторжные уголовники и убийцы[468].

Несмотря на частую неполноту и небрежность, подобные служебные отчеты, списки и прочее являются наиболее достоверным источником по выяснению общей картины и числа жертв карательных экспедиций и красного террора периода военного коммунизма. Вернемся опять из губернии в Саратов. На основании опубликованных материалов от потерпевших, очевидцев и их родственников С. П. Мельгунов в своей книге указывает цифру расстрелянных за 1918–1919 годы в Саратове в 1500 человек. Он приводит отрывок об овраге около Монастырской слободки, который был завален горами трупов. «И этот овраг с каждой неделей становился страшнее и страшнее для саратовцев. Он поглощает все больше и больше жертв. После каждого расстрела крутой берег оврага обсыпается. Вновь засыпая трупы, овраг становится шире. Но каждой весной вода открывает последние жертвы расстрела...»

«Что же, все это неправда?» – спрашивает Мельгунов[469]. Правда, но не совсем. Нельзя строить исследование только на основании показаний сторонних

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org очевидцев или впечатлений перевозбужденного сознания потерпевших. Цифры несомненно будут преувеличены, ужасы умножены и это, как говорится, химический факт. Более достоверная информация содержится в служебных отчетах карательных органов, предназначенных для губернского и московского руководства.

Так, в 1918 году в Саратовской губчека велось 2645 дел, по которым было расстреляно 224 человека, из них:

шпионско-монархический заговор..... 43
участие в вооруженном восстании..... 8
преступление по должности..... 14
контрреволюция..... 27
взяточничество..... 6
бандитизм..... 53
подделка документов и печатей..... 18
фальшивомонетки..... 7
шантаж..... 9
применение красного террора.....39[470].

Итак, явно невиновных, только по классовому принципу в порядке красного террора казнено 39 человек. Очевидно, что для этой цифры рамки, смастеренные эмигрантской печатью, чересчур просторны. Белогвардейская литература, бесспорно, впитала в себя элементы народного вымысла в описании красного террора.

Можно возразить, что ЧК была не единственным карательным органом, выносившим смертные приговоры, существовали еще и революционные трибуналы. Есть данные и о них.

Как следует из отчета Саратовского ревтриба с 1 января по 25 октября 1919 года в нем и следственной комиссии числилось 1360 дел, из них:

разобрано в судебных заседаниях..... 144
отослано в нарсуд по подсудности..... 591
прекращено по амнистии..... 149
отправлены в уезды..... 22
находящихся в следствии..... 335
из 144 рассмотренных ревтрибуналом дел вынесены следующие приговоры:
расстрелов.....25
к тюремному заключению до 25 лет..... 15
до 10 лет..... 30
условно приговоренных..... 13
отправлено на фронт..... 9
оштрафовано..... 7
объявлено общественное порицание..... 4
оправдано..... 11

отложено за неявкой представителей обвинения и по другим причинам.....
40[471].

Как понятно, деятельность Саратовского ревтрибунала не могла заполнить до краев овраг у Монастырской слободки. За десять месяцев 1919 года – 25 казненных, за следующий месяц расстреляли только одного.

В течение гражданской войны пароксизмы красного террора периодически терзали население России, но по большей части они еще носили карательный характер за совершенные преступления против Советской власти или являлись превентивной мерой против контрреволюционных заговоров и выступлений. В составную часть социальной политики военного коммунизма, в инструмент социального планирования и экспериментирования красный террор стал активно преобразовываться лишь в 1920 году, когда победа большевизма в гражданской войне стала очевидной и Советская власть располагала многочисленным, опытным, разветвленным аппаратом карательных органов, способным единовременно охватить своими действиями десятки и сотни тысяч человек.

Впервые большевики попытались существенно изменить социальный состав юга России в свою пользу методами террора в отношении казачества в начале 1919 года. Причины появления на свет известного постановления Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января о проведении беспощадного массового террора против казачества следует усматривать не только в террористическом характере большевистской диктатуры в целом или же в наклонностях отдельных ответственных лиц. Таковые есть всегда, но не всегда им сопутствуют благоприятные условия для реализации своих установок. Многое в эпизоде с казачеством происходило из несовершенства неустоявшейся системы партийно-государственной власти в республике. В тот период, в январе – апреле 1919 года, до образования Донревкома, вся полнота военной, гражданской и партийной власти на Дону была сконцентрирована в руках одного С. И. Сырцова, который будучи начальником гражданского управления Южфронта, одновременно руководил и работой Донского партийного бюро. Единовластие Сырцова и отсутствие стороннего глаза соворганов над партийными и, наоборот, контроля партийных комитетов над советским аппаратом принесло огромный вред делу Советской власти на Дону, приведя к Вешенскому восстанию и тяжелому поражению Красной армии. Член РВС Южфронта Г. Я. Сокольников прямо говорил:

«Восстание в Вешенском районе началось на почве применения военно-политическими инстанциями армии и ревкомов массового террора по отношению к казакам, восставшим против Красноя и открывшим фронт советским войскам»[472].

В январе 1919 года по докладу Донбюро (т. е. Сырцова), никем не оспоренного, Оргбюро под руководством Свердлова (который, кстати, также рискованно совмещал в своем лице и партийную и советскую власть) выработало известную директиву о терроре. Как позже, 10 июня, писал в Оргбюро член Донревкома и военком Особого экспедиционного корпуса на Дону В. А. Трифонов, сам из казаков: в январе Сырцов и Донбюро исходили из огульных соображений, что казачество в принципе контрреволюционно и поэтому казаков нужно уничтожить, тем более что Красная армия в состоянии это сделать.

«Донбюро до сих пор еще считает, что целесообразно заменять советское строительство репрессиями, а здравый смысл и марксистское рассуждение решениями с кондачка»[473].

По свидетельству самого Сырцова, в Вешенском районе было расстреляно около 600 человек, и остальные ревкомы нисколько не отставали от Вешенского. Так, в помещении Морозовского ревкома было обнаружено 65 изуродованных трупов казаков – не успели похоронить. Позже председатель этого ревкома, некто Богуславский, был расстрелян по приговору трибунала. Весной 19-го года Цека партии еще неоднократно обращался к вопросу о «высасывании» казачества из Донобласти путем трудовых и военных мобилизаций. 22 апреля Оргбюро по предложению Сырцова приняло решение о проведении террора по отношению к контрреволюционному южному казачеству, а также о вооружении тамошних крестьян и заселении казачьих хуторов выходцами из Центральной России[474]. В мае были уже выработаны и согласованы конкретные мероприятия по переселению значительного количества крестьян с севера и центра России на казачьи земли, но восстание на Дону и наступление денкинской армии развеяло эти планы.

В мае Сокольников прислал Ленину подборку очень выразительных листовок,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org которые вешенские мятежники распространяли среди частей Красной армии. В одной из них говорится:

«Товарищи, мы оружие здавали, здайте теперь вы оружие, мы возьмем над вами власть и будем десятками расстреливать с завязанными назад руками, как расстреливали ваши жида-коммунисты мирных жителей. Если желаете мира, то удалитесь в свою территорию и не лезьте к нам, а мы к вам не пойдём, следовательно война будет кончена. Мы тоже исповедуем Советскую власть, но не в таком духе как вы грабите и все уничтожаете. Товарищи, время одуматься. Вас жида-коммунисты обманывают, обещают вам хлеба и всего многого, но нет не так. Ваши братья умирают с голоду, вернитесь, уничтожьте жидовню и поставьте власть народную, не единоличную и самозванную как Ленин – Троцкий. Товарищи, вам приходит конец, вы казаков оружием не сломите, то хотите обмануть политикой и разными бумажками, но нет не так, до тех пор не сложим оружие, пока вы не удалитесь из Донской области. Товарищи, не верьте своим социалистам, они вас обманывают, ведут Россию к полной гибели и разрухе и потом вас самих же сделают рабами» [475].

Очень характерно: обращаются к красным «товарищи» и тут же – «вам приходит конец»; «мы тоже исповедуем Советскую власть» и рядом – «уничтожьте жидовню и поставьте власть народную». В тисках подобных противоречий тихий Дон метался всю гражданскую войну, припирало его с юга, и получал он тяжкие удары молота с севера. В последние годы появились интересные работы, посвященные советской политике расказачивания [476], но исследователям еще далеко до полного опустошения сокровищницы революционной мысли в области социального планирования. Очень содержательна и не требует особых комментариев докладная записка члена Донского ревкома И. И. Рейнгольда, поданная им в ЦК РКП (б) 6 июля 1919 года, в период безрадостного и местами панического отступления Красной армии на Южном фронте.

Рейнгольд сразу подчеркивает, что подобное положение есть результат близорукой политики, проводившейся на Дону.

«Надо прежде всего отметить, что наша казачья политика с октябрьских дней вообще отличалась отсутствием устойчивости и последовательности. Сперва мы заигрывали с казачеством, давали ему автономию и выборную Советскую власть, согласившись даже на Донскую республику, создавали Войсковой казачий походный крут, издали декрет о льготах казачества. Потом, в связи с успешным продвижением Красной армии к Ростову и Новочеркасску, у нас закружилась от успехов голова, и, почувствовав себя победителями, мы бросили вызов казакам, начав их массовое физическое истребление. Это называлось расказачиванием. Этим мы надеялись оздоровить Дон, сделать его если не советским, то покорным и послушным Советской власти. И это в то время, когда Дон был далеко еще не в наших руках, когда ни у одного советского органа на Дону не было реальных сил, не было достаточно сильных гарнизонов, чтобы чувствовать себя в состоянии справиться с казаками и подавить то массовое брожение и жестокое сопротивление, которое неизбежно должны были оказать свободолюбивые казаки при подобном расказачивании. Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен. Казаков, по крайней мере огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством. Ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор – крепость. И политика их массового истребления приведет к тому, что мы с Доном никогда не справимся, а если справимся, то после долгой, кровавой и упорной борьбы. Опыт вешенского восстания показал, что казаки чрезвычайно чутки к проводимой по отношению к ним политике и, раз загоревшись, пожар восстания быстро охватывает десятки тысяч казаков. Между прочим, ничто не содействовало так успеху восстания, как попавшие к ним, благодаря возмутительной расхлябанности местных советских органов, тезисы и директивы Цека партии по вопросу об отношении к казакам. Эти тезисы в руках казачьих офицеров послужили прекраснейшим материалом для агитации против Советской власти как явно стремящейся к уничтожению казачества. Отсюда и сила и отчаянное упорство восставших, которых мы не победили и которые достигли своей цели – соединиться с наступавшей казачьей армией. И это сделали те самые вешенцы, которые первые открыли путь Советской власти, первые перешли на нашу сторону» [477]. Рейнгольд формулирует ряд макиавеллевских рекомендаций, которые впоследствии были приняты Цека большевиков на вооружение и блестяще практически осуществлены. Предлагалось, учитывая исконные противоречия зажиточного донского юга с середняцким Севером, постараться разрушить

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org старый казачий уклад руками самих же казаков. Тут сразу следует вспомнить конные корпуса, затем армии, Буденного и Миронова, укомплектованные в основном из казачества беднейших Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Их роль в коренном переломе войны на юге России хорошо известна.

Далее Рейнгольд советует подтвердить первые декреты об автономии Дона или даже декларировать его независимость и образовать Донское советское правительство. Только под вывеской этого правительства «мы должны проводить на Дону красный террор против казачьей контрреволюции, действуя и оружием, и словом, и аграрно-переселенческой политикой»[478].

Безусловно, не все из большевистского руководства, имевшие отношение к выработке казачьей политики, полностью разделяли точку зрения Рейнгольда, особенно касательно донской автономии. Но несмотря на обостренные дискуссии, вторую половину военной кампании 1919 года московское правительство и командование Красной армии проводили с большей осмотрительностью и осторожной политикой в казачьих областях. В этом деле решающим образом сказалась позиция, занятая самим Лениным, который принял сторону выступавших за тактику смягчения казачьей политики Цека. Представитель Цека на Южфронте Сталин пробовал было что-то бурчать Калинин, приехавшему информировать его о последних решениях по казачьему вопросу: дескать, казачество уважает силу и уступки, может, и принесли бы некоторую пользу, «если бы мы их били», а так как происходит наоборот, то практического результата от нее ожидать нельзя[479]. В конце концов оба сошлись на том, что если нет пользы, то и вреда тоже не будет.

20 октября Оргбюро по предложению Стасовой постановило конфиденциально предупредить члена РВС Южного фронта И. Т. Смилгу о необходимости проследить за тем, чтобы на Дон вновь не попали работники, чьи имена связаны с проведением январской директивы ЦК о терроре среди казачества[480]. 24 октября в той же коллегии была утверждена амнистия казакам, воевавшим на стороне белых, объявленная Туркестанским фронтом[481].

В 1920 году большевики, почувствовав силу, вновь перешли к более активной политике в казачьих областях. На Северном Кавказе агенты Наркомпрода усилили нажим на казачество и крестьянство в выкачке хлеба по разверстке. Советской властью были аннулированы все белогвардейские дензнаки, что очень больно ударило по карману население региона. Представитель терской организации партии эсеров на Всероссийской конференции ПСР, нелегально состоявшейся в сентябре 20-го года в Москве, говорил, что население Ставропольской губернии с нетерпением ожидало прихода Красной армии, но очень скоро наступило разочарование, когда начались беспощадные реквизиции. Помещичьи имения не были отданы крестьянам, а превращены в советские хозяйства, где работы велись принудительным образом силами окрестных жителей. Вскоре новые порядки вызвали в Ставрополье крестьянские волнения, которые отозвались и на Терек.

«Террор у нас царит небывалый, – докладывал делегат. – Недавно за убийство на дороге между Ессентуками и Кисловодском председателя Пятигорской чрезвычайки было расстреляно 246 человек»[482]. Скрываясь в горах, терские казаки все же не хотели первыми поднимать открытого восстания, говоря, что пускай вначале поднимутся ставропольские мужики. Но и ставропольские крестьяне не спешили лезть на большевистские пулеметы, зато по соседству, на Кубани, положение все более обострялось. В июле 1920 года, в дни активизации врангелевской группировки, в Москву стали поступать сведения о резком усилении белогвардейских настроений на Кубани и появлении множества банд.

16 июля член Кавбюро ЦК РКП(б), зам. председателя Кавказской трудовой армии А. Г. Белобородов телеграфировал Ленину и ЦК:

«Положение в крае становится серьезным. Хлебная разверстка, понижение ставок, аннулирование белогвардейских денег служат причинами все более растущего противосоветского настроения. Достигнутые Врангелем успехи расцениваются как доказательство бессилия Соввласти, заставляют даже колеблющихся ориентироваться на возвращение белых»[483]. В другом письме, от 30 июля, на имя замнаркомпрода Брюханова Белобородов сообщал, что по всей Кубани, Ставропольской и отчасти Донской и Терской областям бродят банды, которые имеют связь с Врангелем и пытаются поднять всю Кубань и Дон[484]. Через день в телеграмме Белобородова и

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org уполномоченного Наркомпрода на Северном Кавказе Фрумкина от 1 августа, отправленной в адрес руководства СНК, ЦК РКП(б) и ВЧК, уже все предельно ясно:

«Вся Кубань охвачена восстанием, действуют отряды, руководимые единой врангелевской агентурой. Зеленые отряды растут и значительно расширяются с окончанием горячей поры полевых работ около половины августа... В случае не ликвидации Врангеля мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа... Под ударом все Черноморское побережье»[485].

Располагая агентурными данными о готовящемся десанте Врангеля на Кубань, Кубано-Черноморский ревком и командование 9-й армии решили беспощадно подавить разрастающееся повстанческое движение в области, лишив врангелевцев опоры на восточном побережье Черного моря. Началась чистка Кубани от оставшихся деникинских офицеров. 31 июля особый отдел 9-й армии издал приказ за № 19, которым предписывалось «явиться на регистрацию в Краснодар (Екатеринодар) всем бывшим военным, без различия рода службы, здоровья и возраста»[486]. Явившиеся в легком летнем платье, без багажа и денег были отправлены на север, в Архангельск и Холмогоры истой поры совершенно исчезли для своих родных и близких. Ходили слухи, что они (около тысячи человек) были утоплены на барже близ Холмогор.

Следующий сокрушительный удар красного террора был обрушен на кубанское казачество. Как писал в частном письме член РВС 9-й армии С. А. Анучин, в июле РВС армии совместно с Кубано-Черно-морским комитетом РКП (б) и ревкомом сформировали ударные отряды, которыми была «расстреляна не одна тысяча противников Соввласти и сожжена не одна станица (не одна сотня домов). И это чрезвычайно благоприятно подействовало на казачество, отрезвило его. Так, некоторые станицы с топорами и вилами отогнали бело-зеленые банды сами. После ликвидации десанта, очевидно, придется изменить нашу тактику, а именно перестав церемониться с казачней», – делает вывод Анучин[487].

В результате принятых мер улагаевский десант на Кубани не получил ожидаемой поддержки со стороны казачества, в течение 14 августа – 7 сентября он был разгромлен, и его остатки эвакуированы в Крым. Белобородов в очередной телеграмме от 24 августа сообщал:

«Оглушенное репрессиями, широко примененными за восстания и помощь зеленым, казачество сидит смирно, с белыми уходит население только тех станиц, которые занимались противником»[488].

Нивелирование общества, устранение социальных различий являлось стратегической, программной целью партии большевиков, и, надо отдать должное, в первые двадцать советских лет они добились в этом немалых успехов. Вначале процесс примитивизации социальной структуры российского общества происходил более стихийно, чем осознанно, в ходе вооруженной классовой борьбы, гражданской войны, а также в результате массовой эмиграции противников советского режима. В годы войны революционное творчество большевиков в области социальной инженерии проявлялось еще довольно слабо и более влеклось за событиями, но не опережало их, и там трудно отыскать отчетливый момент в череде событий, когда стихия стала уступать инициативу плановой политике. Вопрос этот сродни вопросу о начальной дате военного коммунизма, то есть принципиальный и во многом условный.

Несомненно, террор против казачества был весьма масштабным и чрезвычайно разнузданным, но он проводился еще в рамках гражданской войны, где невозможно определить меру оправданной жестокости. История может предложить другую, хорошо очерченную границу, которую нельзя стереть или поставить под сомнение. Она – в пределах военного коммунизма, но вне рамок гражданской войны, и в этом случае любые ссылки на необходимость самообороны или превентивных мер отпадают, перед глазами остается одна неприкрытая идея. Эта граница есть само окончание гражданской войны.

Красный террор на Кубани стал для большевиков генеральной репетицией перед их самым грандиозным экспериментом по социальной хирургии, проведенной в Крыму в конце 1920 – начале 1921 года, после взятия его Красной армией. К тому времени Крым, по образному выражению Троцкого, представлял собой «бутылку», куда в течение гражданской войны, особенно ее последнего года, стекались массы «классово чуждых» Советской власти элементов и остатки разбитых белогвардейских армий. Не все смогли или не захотели эвакуироваться вместе с Врангелем, и как выразилась в письме Оргбюро ЦК от

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
14 декабря 1920 года председатель президиума Крымского обкома РКП(б) Р. С. Самойлова (Землячка):

«Буржуазия оставила здесь свои самые опасные осколки – тех, кто всасывается незаметно в среду нашу, но в ней не рассасывается»[489]. В кругах большевистского руководства задолго до взятия Крыма зрели проекты капитальной чистки его населения. Учитывая, что в Крыму скопище контрреволюционеров, «после овладения Крымом надо послать туда не маниловых, а энергичных и твердых работников», – делился своими мыслями с Крестинским сотрудник Крымского обкома А. Шаповалов в письме от 28 июля 1920 года[490]. В ЦК партии такие соображения встречали полное понимание, поэтому после взятия полуострова состав областного комитета партии был обновлен. Слишком «мягкого» Гавена понизили с поста председателя, и на его место была прислана известная своей «твердокаменностью» Землячка. Позже побывавший в Крыму по татарским делам работник Наркомнаца М. Х. Султан-Галиев характеризовал ее как «крайне нервную и больную женщину, отрицавшую в своей работе какую бы то ни было систему и оставившую по себе у всех крымских работников память „аракчеевских времен“»[491]. Под ее руководством обком положил в основу своей работы «решительную борьбу с остатками контрреволюции в Крыму», твердую линию в отношении меньшевиков и меньшевистствующих коммунистов[492]. Во главе Крымского ревкома был назначен прославившийся своей жестокостью Бела Кун.

До того как они начали воплощать в жизнь привезенные из Москвы инструкции, внутренняя обстановка на полуострове складывалась относительно спокойно, если не считать повального грабежа населения, традиционно учиняемого кавалеристами 1-й и 2-й Конармий, которым Буденный молчаливо давал на разграбление взятых городов «законные» три дня. Разумеется, эти три дня растягивались на недели, к грабежу присоединялись другие красноармейские части, махновцы, и никто не мог их остановить. Но так как грабеж производился без особых насилий и убийств, население притерпелось и примирилось.

Из белогвардейцев в Крыму остались по большей части те, кто не чувствовал за собой вины перед Советами. Тотчас по занятии Крыма была объявлена регистрация всех военных, служивших в армии Врангеля. К этой регистрации население отнеслось без особого страха, так как оно рассчитывало, во-первых, на заявление Реввоенсовета 4-й армии о том, что офицерам, добровольно остающимся в Крыму, не грозят никакие репрессии, и, во-вторых, на предложение, опубликованное Крымревкомом первого состава, спокойно оставаться на месте всем рядовым офицерам, не принимавшим активного участия в борьбе против Советской власти, гарантирующее им неприкосновенность.

При регистрации, которая проходила с 15 по 20 ноября, все бывшие офицеры были задержаны и разделены на две части. Первая: больные, инвалиды, старше 50 лет, а также все местные жители, имеющие семьи, – они были размещены по госпиталю и семьям. Во вторую вошли все остальные офицеры – эти были отправлены по железной дороге в северные концлагеря. Причем отправка происходила на самых гуманных условиях, раздетым выдавалось оставшееся на складах старое военное обмундирование. Оставшимся была объявлена амнистия, «которая была встречена не только офицерами и населением города, но и рабочими с чувством глубокого удовлетворения и светлой радости», – писал очевидец из Феодосии[493].

В «Известиях феодосийского военного ревкома» от 25 ноября появилось прочувствованное обращение амнистированных к советским властям, которое начиналось словами: «Дорогие товарищи! Мы, бывшие офицеры и чиновники армии Врангеля, получив извещение о дарованном нам помиловании, не находим слов для выражения чувств восхищения и благодарности человеколюбивому к нам отношению представителей власти и Советской Армии...» Заканчивалось обращение так:

«Движение нашего сердца подсказывает нам, что отныне все силы, вся наша жизнь будут направлены на счастье Российской Рабоче-Крестьянской Республики. Да здравствует Республика! Да здравствуют доблестные вожди Советской России и Красной Республиканской Армии!»[494]. Так было в течение тех нескольких дней, когда крымчане были предоставлены самим себе, однако с севера уже надвинулись тучи. С прибытием назначенцев из Москвы обстановка резко изменилась. С середины двадцатых чисел ноября в Крыму начался красный террор. Казалось, ничто не предвещало его, и он явился совершенно неожиданным не только для офицеров и населения, но и для

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
партийных и советских органов.

Через 2–3 дня после окончания первой регистрации была назначена новая, которая проводилась Особой комиссией 6-й армии и Крыма по регистрации. Регистрации теперь подлежали уже не только военные, но также буржуазия, священники, юристы и прочий тому подобный элемент. Все военные, только что амнистированные, вновь были обязаны явиться на регистрацию, которая продолжалась несколько дней. Не явившиеся были арестованы, и затем сразу же после регистрации начались массовые расстрелы.

Операция по красному террору в Крыму вошла в историю России как беспрецедентная акция, которая по размаху и числу казненных в сравнительно короткий промежуток времени не имела аналогов в прошлой истории России; кажется, не дал их впоследствии и период сталинского террора.

Расстрел такого количества людей в кратчайшие сроки был задачей не из легких даже для опытного в этих делах отлаженного репрессивного аппарата ЧК. Организация казней осуществлялась со значительными дефектами. Как правило, приговоренные выводились большими группами за город и расстреливались беспорядочно, гуртом. Один эпизод расстрелов описывается в обращении одного видного феодосийского коммуниста в ЦК РКП(б). В Феодосии на расстрел была выведена очередная партия в 29 человек, больных и инвалидов, накануне положенных в госпиталь. «Расстрел был обставлен невероятно жестокими условиями: предназначенные к расстрелу предварительно раздевались почти донага и в таком виде отправлялись на место расстрела. Здесь, видимо, стрельба производилась прямо в толпу. Окраины города огласились воплями и стоном раненых. Кроме того, вследствие, может быть, стрельбы в густую толпу, многие из расстреливаемых оказывались неубитыми, а лишь легко ранеными» [495]. Оставшиеся в живых по окончании стрельбы разбежались, расползались по окрестностям, и их появление в деревнях и на окраинах городов в голом виде и почти в сумасшедшем состоянии производило неизгладимое впечатление на население. Их прятали, кормили и направляли либо в горы, либо скрывали в госпиталях. Когда же эти факты стали известны чекистам, то начались аресты и расстрелы укрывателей, пошла цепная реакция массовых расстрелов не только офицеров, буржуазии, чиновничества, но и простых обывателей, крестьян и даже рабочих. Трясина террора просто засосала те карательные органы, которые его проводили. В результате, имея целью добить остатки контрреволюции и уничтожить классово чуждый элемент, советские карательные органы с силой ударили по всему населению Крыма.

Социальный состав попавших под репрессивный молот ЧК оказался крайне пестрым, здесь были все слои населения. Как свидетельствует Мельгунов, в Севастополе расстреляли около 500 портовых рабочих за то, что содействовали погрузке Врангеля на корабль [496]. Были арестованы и расстреляны некоторые зеленые, в свое время помогавшие коммунистам-подпольщикам. Сделали было попытку расправиться и с махновцами, штурмовавшими вместе с большевиками Сиваш, но те лихо выскочили из крымской бутылки, с боем прорвав окружение. Репрессии затронули и сам партийно-советский аппарат. Землячка проводила постоянные чистки кадров и без колебаний отправляла многих работников в особые отделы и ЧК.

Учитывая то обстоятельство, что при первой регистрации белых офицеров были оставлены и амнистированы местные жители, то, естественно, в Крыму у них имелись и семьи, и родственники. Как докладывал по горячим следам наркомнацу Сталину и ЦК РКП(б) приезжавший в Крым в марте – апреле 1921 года Султан-Галиев:

«Самое скверное, что было в этом терроре, так это то, что среди расстрелянных попало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д.» [497].

Землячка писала в Оргбюро ЦК, что у крымских партийных и советских работников сохранилась связь с буржуазными слоями и «от красного террора у них зрачки расширяются и были случаи, когда на заседаниях Ревкома или Областка вносились предложения об освобождении того или иного крупного зверя только потому, что он кому-то из них помог деньгами, ночлегом» [498].

У старых крымских коммунистов-подпольщиков зрачки были в порядке, когда во

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org времена еще белого террора по приговору военно-полевого суда под председательством генерала Кутепова на главных улицах Симферополя в течение недели развешивалось по 50 и свыше казненных. Оставшиеся в живых продолжали самоотверженно работать. Но уже при Советской власти, будучи во главе партийных и советских органов, многие из них «прибегали» с заявлениями о том, что они снимают с себя обязанности и т. п. Такие заявления стоили им положения, как, например, освобожденному и арестованному за подобные действия секретарю бюро Севастопольского комитета РКП(б) Куценко.

Султан-Галиев писал, что среди всего крымского населения красный террор, расстрелы вызвали «неизгладимо-тяжелую реакцию» и сильное озлобление[499]. С усилением антисоветского настроения и возможными последствиями на полуострове нельзя было не считать. Поэтому 2 января 1921 года на заседании Крымского обкома было принято решение «согласиться с мнением Крымчека, чтобы особый отдел, вынося приговор о расстреле, вместе с тем делал постановление о высылке из Крыма семьи расстрелянного»[500]. И поползли на север эшелоны с семьями казненных, умножая по пути число жертв красного террора в Крыму. Сталинская практика ЧСИР зиждилась непрочно на фундаменте ленинского периода.

Крым в разное время именовали то Всероссийской, то Всесоюзной здравницей, а в 1921 году его называли «Всероссийским кладбищем».

Масштабы бойни, учиненной в Крыму, потрясли воображение современников, и о числе ее жертв ходили самые разнообразные слухи и сведения. Мельгунов в своей книге приводит некоторые данные, почерпнутые из различных источников: 50.000, 100.000–120.000 и даже 150.000. «Какая цифра соответствует действительности, мы, конечно, не знаем», – признается он[501]. Не знаем и мы. Очевидно, не знала и сама ЧК, осуществлявшая этот террор, точного числа людей, попавших под ее пулю. Но безусловно наиболее объективные данные надо искать не в кошмарных слухах запуганных и обозленных крымчан, а во внутренней документации учреждений и лиц, имевших отношение к проведению акции.

Землячка в информационной сводке для ЦК РКП (б) о деятельности Крымобкома за период с 22 ноября по 13 декабря 1920 года сообщала:

«Путем регистрации, облав и т. п. было произведено изъятие служивших в войсках Врангеля офицеров и солдат. Большое количество врангелевцев и буржуазии было расстреляно (например, в Севастополе из задержанных при облове 6000 чел. отпущено 700, расстреляно 2000, остальные находятся в концлагерях)... в облове, произведенной в г. Симферополе, приняли участие ответственные сотрудники Областкома, с целью недопущения случаев ареста рабочих, имевших место в Севастополе»[502]. Султан Талиев в своем докладе писал:

«По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20.000 до 25.000. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12.000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70.000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось»[503].

Большевики произвели попытку с помощью террора превратить Крым в камень чистой рабоче-крестьянской воды, но она не достигла цели; в течение 1921 года Крым еще неоднократно лихорадило от разного рода «приложений» к массовому террору. В начале 21-го года Крымчека по поручению обкома партии провела операцию по высылке всех меньшевиков с полуострова. 2 января обком вынес решение «поручить Крымчека для чрезвычайной сессии ревтриба создать процесс меньшевиков, скомпрометировавших себя при Врангеле»[504]. 22 июня президиум обкома рассмотрел вопрос и принял постановление «о выселении из Крыма буржуазии в связи с экономическим и политическим положением Крыма»[505]. Высылались сдавшиеся зеленые, с которыми летом было заключено устное соглашение о прекращении преследований в обмен на прекращение партизанской борьбы.

Все это были отзвуки той акции красного террора, которая многими наблюдателями из большевистского лагеря была признана как крупная ошибка. Сохранились свидетельства о том, что вопрос о терроре не мог быть даже поставлен на обсуждение в местных партийных организациях. Упомянутому коммунисту в феодосийском парткоме прямо ответили, что комитет бессилён что-либо сделать. В Симферополе заместитель председателя Крымревкома Гавен заявил, что видит ненужность и даже вред террора, член ревкома и обкома Д.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org И. Ульянов также разделял эту точку зрения. Ходатаю было указано, что единственная возможность повлиять на ситуацию в Крыму заключается в поездке для доклада в Москву [506].

Здесь естественно выступает вопрос, которым неоднократно задавались современники и историки крымской трагедии: кто в первую очередь несет ответственность за террор? Кто принимал принципиальное решение о его проведении? Звучали и звучат обвинения в адрес Бела Куна и Землячки, поднимаются и выше, до указания на Троцкого: мол, тот заявлял, что не приедет в Крым до тех пор, пока там остается хоть один контрреволюционер. Эти предположения лишь скользят по поверхности, не затрагивая существа проблемы.

Непосредственными организаторами красного террора в Крыму были: член коллегии ВЧК, начальник особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов В. Н. Манцев и ударная группа особого отдела Южфронта во главе с Е. Г. Евдокимовым, а также особые отделы 6-й, затем 4-й армий и Крыма. Особые отделы (военные отделы ЧК) в своей деятельности непосредственно подчинялись приказам из центрального аппарата ВЧК. Машина чекистского террора могла быть приведена в действие отнюдь не решениями крымских властей и даже не Троцким, а только с Лубянки. В свою очередь хорошо известно, что коллегия ВЧК и ее аппарат работали под непосредственным контролем и руководством ЦК РКП (б) и все крупные вопросы, касающиеся чекистских органов выносились на решение высших партийных инстанций – пленума, Политбюро и Оргбюро ЦК. Террор в Крыму и являлся вопросом именно такого ранга, который не мог быть решен ВЧК самостоятельно, без санкции ЦК. Исследователей сбивает то, что в известных партийных документах нет никакого упоминания о подобном решении. Не стоит и трудиться, переворачивая горы архивной документации ЦК большевиков за 1920 год. Его там нет и быть не может. Полезнее посмотреть протокол заседания Политбюро ЦК еще от 8 ноября 1919 года, на котором рассматривалось заявление Сталина о том, что «некоторые сведения о заседаниях ЦК доходят до врагов». Заявление вызвало обеспокоенность высочайшего синклита, и было постановлено:

«Решений по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол» [507].

Скорее всего, и это решение о терроре в Крыму осталось записанным только в памяти секретаря ЦК Крестинского.

Теперь, если учесть, что никакой важный вопрос на Пленуме и Политбюро ЦК не мог быть решен против воли председателя, чьи обязанности бесценно исполнял председатель Совнаркома, то становится ясно, что в конечном счете все нити в организации грандиозного эксперимента по социальной хирургии в Крыму ведут лично к Ленину. И здесь вновь вспоминается фраза Молотова, который в ответ на вопрос собеседника: «Кто был более суровым, Ленин или Сталин?» – без колебаний ответил:

«Конечно, Ленин» [508].

В свое время большевики, упоенные неограниченной властью и ослепленные своей доктриной, позволяли себе высказываться более откровенно, нежели их позднейшие апологеты. Сейчас понятно, что известная фраза о принуждении во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, как методе выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи, – это не революционная поэзия чрезмерно увлекающегося Бухарина, а самая что ни на есть правда. Здесь в обнаженном виде предстала та практическая установка, которой руководствовались научные утописты от марксизма в стремлении преобразовать мир и подарить человечеству счастье.

Глава VII. «Тени» военного коммунизма – спекулятивный рынок и спецраспределение

Истории известны примеры, когда власть, попадая в затруднительные условия и будучи увлеченной какой-нибудь идеологической крайностью, предпринимала попытки либо полностью запретить рыночные экономические отношения, либо, наоборот, предоставляла полнейшую свободу торговому предпринимательству. И как свидетельствует опыт, и в том и в другом случае немедленно возникало то, что при любом строе и в свете любой идеологии называлось и называется спекулятивным рынком. Большевицкая власть, в соответствии с исповедуемой ею теорией, полагала в качестве незыблемого принципа своей политики задачу искоренения свободных экономических отношений и замену их плановым,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org централизованным ведением общественного хозяйства. Как казалось, эта задача диктовалась естественным ходом событий, объективной потребностью в усилении государственного регулирования, возникшей в результате войн и разрухи. Свободная торговля поднимала цены на продовольствие и товары до чудовищных высот, доступных только имущим классам, торговый капитал в погоне за максимальной прибылью выпрыгнул далеко за рамки общенациональных интересов и тем самым приговорил себя на замену централизованной системой снабжения.

Уже через несколько месяцев после начала войны, в апреле 1915 года, далекая от марксизма газета русских националистов «Московские ведомости» стала выступать за энергичные меры в отношении спекулянтов. На ее страницах появилась критика городских управ, которые никак не решались поднять вопрос о реквизиции товаров, «хотя им хорошо известно, что нынешняя дороговизна, если не всецело, то в значительной степени, обуславливается спекулятивной деятельностью банков, которые искусственно задерживают появление товаров на рынке» [509]. Горячка наживы захватывала все более широкие слои населения. Из Воронежской губернии писали, что там, в хлебородном краю, после трех порядочных урожаев сряду также ощущается продовольственный кризис [510]. Появились промышленники-крестьяне, которые не допускали пшеницу к городам, скупали ее на месте и контрабандно доставляли через все кордоны городским спекулянтам, зарабатывая рубль прибыли на рубль капитала. В обществе стала ходячей стереотипная фраза: «Деревня завалена деньгами». Газета обвиняла чиновников и общественных уполномоченных в небескорыстном пособничестве торговцам и банкирам и в публикации накануне февраля почти символически подвела итоговую черту усилиям свободному предпринимательству по «укреплению» тыла во время великой войны:

«Образовалось какое-то своеобразное общество взаимного грабежа» [511]. Февральская революция усугубила хозяйственный развал страны. В этом обоюдную роль сыграли как промышленники, так и сами рабочие, усилившие свою борьбу за лучшие условия труда и увеличение заработной платы. Весьма популярное и казавшееся бесспорным требование 8-часового рабочего дня, разумеется при сохранении зарплаты на том же уровне, вело к удорожанию всех товаров и перевозок. Иначе говоря, закон о 8-часовом рабочем дне был подарком рабочим не только за счет предпринимателей, но и всего остального общества. Промышленники, ввиду неопределенного положения на рынке, спешно ликвидировали дела, капитал извлекался из всех тех предприятий, которые не имели возможности совершить его оборот в 2–3 месяца. Буржуазия скупала ценности, валюту, другие активы и переводила их за границу. В условиях политической нестабильности не могло быть и речи о каком-либо развитии производства.

В течение 1917 года десятками закрывались или сокращали свою выработку мелкие и крупные промышленные предприятия, повсеместно росли масштабы безработицы. В деревне стала чувствоваться острая нехватка товаров, началась спекуляция изделиями промышленного производства. В этих условиях государственная монополия и твердые цены на продукты сельского хозяйства стали абсолютно неприемлемы для крестьянства. И, следовательно, под оболочкой хлебной монополии, на развалинах крупной хлебной торговли вырос спекулятивный вольный рынок – мешочничество и лоскутничество. Десятки и сотни тысяч людей везли продовольственные продукты в голодающие города и регионы, сбывали их там имущим потребителям, закупали у крупных спекулянтов городской товар и везли его в деревню, чтобы сбыть крестьянину. Мелкая спекуляция наносила народному хозяйству гораздо больший ущерб, чем сотни крупных спекулятивных дельцов, работавших на виду и руководствовавшихся длительным хозяйственным расчетом. Давно замечено, что отмирание общественного явления происходит в форме его наивысшего, гипертрофированного развития. Российский рынок приближался к своему краху через захлестнувшие его волны спекуляции. Господство аграрной и промышленной буржуазии в 1917 году привело к неизбежности установления всеобъемлющей государственной хлебной и промышленной монополии, каковая и явилась в лице военно-коммунистической политики большевиков.

Однако в течение первого года своей власти правительство Ленина не имело достаточных экономических и политических возможностей подкрепить свои идеологические установки по части замены свободного обмена организованным государственным снабжением населения необходимыми ему продуктами и изделиями. Свободный рынок продолжал господствовать, в отношениях между городом и деревней. Вытеснение свободного рынка могло осуществляться лишь по мере укрепления большевистской власти в деревне и соразмерно успехам ее продовольственной политики. Одной из первых вех в этом направлении явилось

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
введение классового пайка вскоре после начала кампании вооруженного похода в деревню.

27 июля 1918 года коллегия Наркомпрода поставила в качестве первоочередной задачи введение классового пайка. С точки зрения теории классовой борьбы это был гениальный выход. Цюрупа приписывал появление идеи классового пайка Ленину, который еще при наркомпроде Шлихтере сказал: «Хлеба у нас нет, посадите буржуазию на восьмушку, а если не будет и этого, то совсем не давайте, а пролетариату дайте хлеб».

«Это было блестящей идеей, – считал Цюрупа, – благодаря этому мы продержались»[512].

Первым блестящую идею по собственному почину начал проводить Петроград – в июне 1918 года, а в июле присоединилась и Москва. Население было поделено на четыре категории: 1 категория – особенно тяжелый физический труд, 2 – обыкновенный физический труд, больные, дети, 3 – служащие, представители свободных профессий, члены семей рабочих и служащих, 4 – владельцы различных предприятий, торговцы, не занимающиеся личным трудом, и прочие. К сентябрю выдача продуктов была официально установлена в следующих пропорциях – 4:3:2:1 (Москва) и 8:4:2:1 (Петроград). Но как утверждали образованные мемуаристы, «евшие» в то время по низшим категориям, некоторый паек практически получали только две первые категории, третья – изредка, четвертая – никогда (5) и была вынуждена или искать иные источники пропитания, или угасать от «умеренности».

Это могли бы засвидетельствовать все непролетарские писатели, художники, представители других творческих профессий и интеллигенции. В Петрограде наибольший процент смертности от голода был зафиксирован среди мелких лавочников, приказчиков, потерявших работу. Однако некоторые назойливые исследователи уже тогда обращали внимание на то, что классовый паек имел скорее политическое значение. На 2 августа 1918 года в Петрограде по 1-й категории получало 43,4 % населения, по 2-й – 43,3 %, по 3-й – 12,2 %, по 4-й – 1,1 %[513]. Так что того «буржуя», за счет которого хотели накормить пролетария, не оказалось. Улучшить питание 99 человек за счет 1 человека оказалось достаточно проблематичным.

В те времена ходил довольно глупый, но характерный анекдот: Законоучитель спрашивает в гимназии: «Итак, Спаситель насытил тремя хлебами пять тысяч человек. Скажите, как назвать сие?» Ученик бойко: «Карточная система». В дальнейшем, в период военного коммунизма и НЭПа, карточно-распределительная система неоднократно изменялась и совершенствовалась, ее история намного длиннее, чем библейский пересказ чудес Спасителя. Существенная корректировка системы произошла в апреле 1919 года, когда пленум ЦК РКП (б) принял принципиальное решение о введении единого трудового классового пайка, которое уравнивало в правах советских служащих с рабочими.

В крупных городах центра и северо-запада России неизменным спутником классовой распределительной системы был голод среди значительной части обывательского населения. По сведениям Зиновьева, которые он привел на заседании ЦК 13 апреля, смертность от голода в Петрограде составляла 1/3 от общей смертности[514]. В самые трудные зимние дни 1919 года Президиум Моссовета 9 декабря вынес специальное постановление о скорейшем удалении трупов умерших из жилых помещений[515].

Военно-коммунистическая политика централизации экономики обязывала государство принять на себя все бремя функций свободного рынка и приступить к плановому формированию цен на промышленную продукцию и продовольствие. В условиях жесткой борьбы со спекуляцией государственные цены не могли быть иными, кроме как твердыми, и степень их «твердости» напрямую зависела от экономической и политической силы государства. Последовательное проведение твердых цен на промышленную продукцию явилось бы очень сильным ударом по спекулятивному рынку, но подвох заключался в том, что это мероприятие не менее чувствительно ударило бы и по зарплате рабочих промышленных предприятий, которым свободные цены на продовольствие стали бы совершенно не по карману. Поэтому все опять-таки упиралось в главную, определяющую социально-экономическую проблему военного коммунизма – отношения большевистской власти с крестьянством.

В августе 1918 года, одновременно с повышением твердых цен на хлеб нового урожая Советским правительством была проведена попытка привести в стабильное соответствие цены на всю сферу товаров сельского хозяйства и

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org промышленности. Надо отдать должное, работа была проведена тщательно и, можно сказать, виртуозно. Все было учтено. Не было учтено только отсутствие хлеба по твердым ценам. По известным причинам крестьяне продолжали саботировать государственные заготовки продовольствия. В итоге, в феврале 1919 года виртуозное соответствие августа было окончательно сломано повышением цен на изделия промышленности, которая была вынуждена приспосабливать зарплату рабочих к ценам на вольном рынке. Отсюда началась уже безудержная эмиссия, инфляция и разрушение денежной системы. Антирыночная идеология и классовая политика большевизма возымели обратный результат, укрепляя позиции спекулятивного рынка.

В статье «О свободной торговле хлебом», написанной в августе 1919 года, Ленин приводит цифру 105 миллионов пудов хлеба, как итог закончившейся продовольственной кампании 1918/1919 года[516]. В его глазах это представлялось как несомненный успех советской продовольственной политики по сравнению с предыдущим годом. «Точные исследования о питании городского рабочего доказали, что он только половину (приблизительно) продуктов получает от государства, от Компрода, другую же на „вольном“, „свободном“ рынке, т. е. от спекулянтов»[517]. В своих выводах Ленин опирался на таблицу о потреблении хлеба и других продуктов в 1918–1919 годах в 21 губернии Советской России, представленной ему из ЦСУ[518]. Однако цифры, приведенные в таблице, красноречиво свидетельствуют, что самые беспокойные подопечные Наркомпрода, рабочие Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска – трех «красных», как тогда говорили, губерний в 1919 году получали по карточкам в среднем не более 29 % всех потребляемых продуктов. То есть намного меньше, чем половину. Таким образом, председатель Совнаркома поддался излишнему оптимизму, и прогресс в государственном снабжении основных потребителей по сравнению с летом 1918 года оказался очень невелик. Из этого следовало то, что, несмотря на широковокальные заявления и шумную борьбу с вольным рынком, у власти не было иного выхода, кроме как мириться с его существованием.

Относительно чего сохранились признания некоторых большевистских лидеров, сделанные ими в камерных партийных и советских аудиториях. Известный литературный классик А. И. Куприн, переживший годы гражданской войны в Гатчине, под голодным Петроградом, восклицал: «Памятник мешочнику, спасшему в гражданскую войну многие тысячи жизней городского и сельского населения. Памятник ему!»

Более того, скоро опомнившись, правительство большевиков начало восстанавливать на пепелище декрета от 21 ноября 1918 года о государственном снабжении населения уничтоженную было легальную торговлю. Так, постановлением Президиума Моссовета от 30 апреля 1919 года была разрешена свободная мелочная торговля ненормированными (немонополизированными) продуктами, а также торговля всеми изделиями кустарного производства, заграничными товарами и т. п.[519]. Фактически же в ассортимент открывшихся мелких лавчонок сразу же пролезли и нормированные продукты, не подлежащие свободной купле-продаже[520].

В кустарном производстве заработки были намного выше, чем на государственных предприятиях. Рабочие в кустарной промышленности получали по 15–20.000 рублей (приблизительно в 10 раз больше, чем по государственным тарифам 1919 года) и бежали туда с государственных предприятий. Частные предприниматели обходили положение декрета от 26 апреля 1919 года, в котором им разрешалось иметь не более 10 работников. По сведениям комиссии ВЦИК по борьбе со спекуляцией, в 1920 году имелись кустарные предприятия, работавшие исключительно на вольный рынок и насчитывавшие до 2000 рабочих[521].

Легальная торговля ненормированными продуктами и изделиями кустарного производства с некоторыми коррективами властей продержалась весь период военного коммунизма, вплоть до своего полного освобождения НЭПом[522].

В годы гражданской войны Советская Россия была буквально поражена саранчой мешочничества. Мешочники, в основном молодые, здоровые люди, были главными конкурентами Наркомпрода в деревне. Они в значительной степени снабжали вольный рынок, придавая неповторимый колорит эпохе военного коммунизма. На вокзалах Совдепии была страшная скученность, антисанитария, воровство. «Не спи, товарищ, спать нельзя!» – делился своими впечатлениями один кооператор о своей поездке зимой 1919 года. Зима была временем снежных заносов, нарушения всяческого порядка движения. На вокзалах люди сходили с ума. Как

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org описывает кооператор, один молодой мужчина, потеряв рассудок, бросался на всех с кулаками, кусался и вопил:

«Я сошел с ума, я сошел с ума...»[523].

Тучи людей с мешками, забившие теплушки и облепившие крыши вагонов, сражения за места на вокзалах и при посадке – это движется армия мешочников, везущая свой драгоценный груз через кордоны заградительных отрядов.

На каждой крупной узловой станции располагались заградительные отряды продовольственной армии Наркомпрода. Они вели упорную борьбу с индивидуальным и организованным мешочничеством, которая нередко выливалась в самые ожесточенные сражения. Злополучная для мешочников станция Тихорецкая в Кубано-Черноморской области была свидетельницей самых упорных боев со стрельбой из пулеметов и метанием ручных гранат. Такие столкновения обычно заканчивались разоружением мешочников, но иногда заградотрядовцам приходилось идти на компромисс, пропускать часть продуктов на север, во избежание напрасной гибели людей. В годы гражданской войны мешочничество было хоть и прибыльной, но весьма опасной профессией. Опасности грозили предприимчивым коммивояжерам не только со стороны советских кордонов, но и кого бы то ни было, кто имел в руках винтовку, а за поясом запас гранат. Так, в августе 1918 года, во время боев за Казань, чехи и белогвардейцы затопили два парохода на Волге (против фабрики Поляри), битком набитые мешочниками[524].

За отсутствием продовольствия, а иногда и просто достаточного количества денежных знаков, предприятия и профессиональные союзы практиковали выдачу в качестве зарплаты рабочим изделий их собственного производства, которые немедленно препровождались на тот же спекулятивный рынок. Только во второй половине 1920 года ВЦСПС начал активно бороться с практикой подобной натурализации заработной платы. Несмотря на то, что политика военного коммунизма была направлена на искоренение свободной торговли, которая, по справедливому замечанию большевистских теоретиков, «ежечасно» порождала мелкую буржуазию и возрождала капитализм, на деле получалось то, что спекулятивная торговая лихорадка охватывала все новые слои населения, ранее не знавшие этого ремесла. Национализация торговли означает, что вся нация торгует, говорили остряки.

Да, мешочничество являлось существенным источником вольного рынка, но далеко не основным. 28 марта 1920 года московская газета «Коммунистический труд» статьей Мясникова (возможно, секретаря МК РКП (б) А. Ф. Мясникова) вопрошала: «Откуда хлеб на Сухаревке?» И отвечала: «Ежедневно часть выпеченного хлеба, измеряемая сотнями пудов, утекает на Сухаревку». И в заключение делала вывод: «Разврат и разложение – вот что царствует в нашем хлебопечении».

«Разврат и разложение» царствовали не только в хлебопечении. 22 июня 1920 года на пленуме Моссовета председатель контрольного совета Пельше риторически спрашивал:

«Как появляются продукты на Сухаревке? В то время, когда мы ничего не имеем, там есть все виды продуктов как питания, так и ширпотреб. Вы знаете, что рыбу никоим образом, никаким мешочникам провезти нельзя... Ясно, что рыбой и другими продуктами снабжают Сухаревку магазины и склады различных учреждений, в том числе и МПО»[525].

Еще в октябре 1919 года ревизия госконтроля московских холодильников сделала вывод, что неограниченное снабжение Сухаревки производится «исключительно и только холодильниками города Москвы»[526]. Но ревизоры тщетно настаивали на немедленной передаче всей коллегии Наркомпрода суду революционного трибунала, в таком случае надо было судить в придачу и весь ВСНХ.

Поскольку главкам и организациям ВСНХ было выгодней реализовывать свои товары по ценам вольного рынка, а не отдавать за бесценок для распределения через потребительскую кооперацию, постольку борьба со злом спекуляции носила безнадежный характер. Созданная в первой половине 1920 года специальная комиссия ВЦИК по борьбе со спекуляцией вскрыла совершенно чудовищные масштабы этого явления.

Как докладывал 18 июня 20-го года на комфракции ВЦИК ее председатель, наркомюст Крыленко, спекуляция представляла собой второй источник снабжения

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org не только для населения, но и для национализированных предприятий. Сухаревка не есть примитивная форма торговли, как считают некоторые, подчеркивал Крыленко:

«Это есть не что иное, как вновь возродившаяся частнокапиталистическая торговля с крупным массовым предложением и крупным оптовым спросом, с большой, великолепно развитой агентурой как по сбыту, так и по заготовке»[527].

Настоящая Сухаревка – это были не старушки, продающие последнее имущество на хлеб, и не безработные интеллигенты, торгующие с лотка довоенными серными спичками. Товары, предлагавшиеся на вольном рынке: мануфактура, машины, станки, электротехника, бумага и прочее – все это было изделиями производства национализированных советских предприятий. Оказывается, несмотря на всю идеологическую подоплеку и новый социалистический статус промышленных предприятий, их вовсе не устраивала система тотального централизованного распределения продукции, навязывавшаяся им политикой военного коммунизма. Не устраивала она и само руководство советских наркоматов. Когда в 1920 году особая комиссия выработала проект декрета о том, что закупать на вольном рынке могут только распределительные организации типа Центросоюза, но никак не государственные учреждения, то Наркомпусть, Наркомвоен и, в особенности, ВСНХ стали на дыбы. В Малый совнарком, где обсуждался этот проект, был внесен встречный вариант декрета, который, наоборот, предусматривал расширение прав государственных учреждений по операциям на вольном рынке. Национализированные предприятия, точно так же, как и частные, проявили свою кровную заинтересованность в существовании вольного рынка. Подобная ситуация была характерна не только для Москвы. Харьковские чекисты осенью 1920 года установили, что почти все продукты на местный вольный рынок попадают из советских учреждений, а «крупная спекуляция идет организованным путем между учреждениями УССР и РСФСР»[528].

Наряду с борьбой отдельных предприятий за расширение самостоятельности в реализации своей продукции, сам Президиум ВСНХ вел борьбу против монополии Наркомата финансов в сфере контроля над кредитно-бюджетными операциями. Все идеологические и политические установки отодвигались на второй план, когда речь шла об экономических интересах. Это справедливо не только по отношению к отдельным предприятиям и ведомствам, «Сухаревскими» приемами пользовались и само государство. Крестьяне жаловались, что агенты Наркомпрода торгуют солью по огромным, спекулятивным ценам. Значение соли было велико, как тогда заметил Бухарин, в условиях обесценения денег именно соль превращалась во всеобщий эквивалент в частных торговых операциях.

Вообще торговые пути военно-коммунистического государства были неисповедимы. Например, канцелярские принадлежности для Совнаркома закупались даже не на Сухаревке, а за линией фронта, на деникинской территории. Отношения Совдепии с регионами, находившемся под контролем белых, далеко не исчерпывались военными операциями. Кооперативные организации и продовольственные органы продолжали нелегальным путем пересылать дензнаки за линию фронта для заготовки продовольствия. Но поскольку и деньги и товары нередко разграблялись белыми, подобные предприятия были прекращены приказом наркома Цюрупы от 14 августа 1919 года[529].

Изучая теневую экономику военного коммунизма, нельзя отыскать практически ни одной отрасли национального хозяйства, не вовлеченной в сферу оживленной купли-продажи. Это касается в том числе и объектов национализированной недвижимости – земли, домов, предприятий. Самым компетентным статистиком в этой области являлось конечно же не ЦСУ, а чека со своей тайной агентурой. Секретные службы большевиков внимательно отслеживали конъюнктуру вольного рынка, выясняя состав потенциальной клиентуры лубяньских подземелий. Спекулятивную среду чекисты условно делили на три группы: кустари, мелкие торговцы и оптовики.

«У всех них одинаковое отношение к советской власти, – говорилось в справке ВЧК в ЦК РКП (б) от 2 июня 1919 года, – нажить деньги, свергнуть Советскую власть и зажить спокойно. Но аппетит приходит во время еды. Чем больше они наживают, тем больше им еще хочется, а отсюда: пусть Совет: екая власть продержится еще месяц»[530].

Особый интерес на Лубянке вызывала, конечно, группа оптовиков. Дельцов, обладающих крупными партиями монополизированных товаров, любовно изучали по четырем категориям:

- 1) Уполномоченные продорганов и кооперации, как в центре, так и на местах. (Получая товар, они или частично, или целиком пускают его на вольный рынок.)
- 2) Лица со связями в госучреждениях, которые, добывая товары по нарядам, питают ими вольный рынок.
- 3) Большинство владельцев мастерских воензага.
- 4) Владельцы случайно не опечатанных складов.

Далее в справке отмечалось, что за последнее время в группу крупных спекулянтов добавились бывшие владельцы имений, домов, акций, паев и т. п.

«Уже около месяца в Москве и Петрограде идет усиленная покупка всего национализированного. Владельцы национализированных домов продают их под расписку и получают за это крупные суммы наличными. То же самое наблюдается со всеми имениями и фабриками. На все это с успехами белых повысились цены и спрос»[531].

Все лето 19-го года, по мере развития успехов южной контрреволюции, спекулятивные притоны столиц и других городов захватывала лихорадка торговли национализированным. Она приняла столь оживленные формы, что о ней уже открыто писали в советских газетах. Бывшие хозяева стали посматривать гоголем, навещать «свои» владения и открыто вмешиваться в работу администрации. Кто имел связи в советских центрах и главках, хлопотали о том, чтобы к приходу белых «своя» фабрика имела запасы, уговаривали совслужей о пристройках, железнодорожных ветках и т. п.

Вся эта активность вызывала беспокойство не только в ЧК, но и в руководстве ВСНХ. Известный борец против финансового капитала Ю. Ларин в августе потребовал от Президиума ВСНХ срочно создать комиссию для выяснения того, какие акционерные общества еще продолжают свое существование, с целью их окончательной ликвидации. В последнее время, писал он, создается впечатление, что «не без вызова начинается безболезненное вращение в буржуазный строй»[532]. Ларин тревожился, что все отчетливее выясняются попытки старой буржуазии вновь взять в свои руки элементы хозяйственного механизма либо в виде смешанных государственно-капиталистических трестов из оживленных акционерных обществ, либо в виде частных предприятий под простым контролем государственных органов[533].

С целью «освежения атмосферы» Ларин готовил ряд «штучек», в том числе постановление ВСНХ о воспреещении советским хозяйственникам вступать в переговоры с буржуазией и проект декрета Совнаркома о сожжении всех старых акций и облигаций и уголовной ответственности тех, кто будет впредь их хранить[534]. Но бурному расцвету подпольного оборота ценных бумаг и всякого рода обязательств положил конец только коренной перелом в ходе гражданской войны. В период драматических событий октября 1919 года, когда деникинской армии удалось взять Орел, чтобы через неделю навсегда оставить его, те дельцы, которые до 20 октября продали свои бумаги, нажили огромные прибыли, а их менее счастливые и недалёковидные покупатели потерпели финансовый крах.

Бессилие официальной военно-коммунистической доктрины в борьбе против спекулятивного рынка проявлялось и в лавинообразном развитии хищений и злоупотреблений среди рабочих и советских служащих. Население, имевшее в качестве источника пропитания только окошко потребительской кооперации, было обречено на вымирание. Падение уровня жизни ниже всяческих норм толкало горожан на любые ухищрения и воровство. Впечатляющая характеристика криминальных аспектов сосуществования Советского государства и вольного рынка была дана Каменевым в письме Ленину от 29 июня 1920 года. Его содержание настолько точно и выпукло отражает ситуацию, что заслуживает детального воспроизведения.

Каменев пишет Ленину, что председатель Московской ЧК С. А. Мессинг официально признал, что МЧК в тупике. Невозможно справиться с воровством и спекуляцией. Аресты и расстрелы ни к чему не приводят, дела становятся все крупнее. «В ВЧК сейчас Главтоп, Главкожа, Москватоп и т. д.». Основная причина развития хищений заключается в том, что голодный минимум – красноармейский паек, оцениваемый в 40.000 рублей в месяц, получают только 150.000 человек, включая гарнизон. Остальные обеспечены только на пять дней

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org в месяц. Кремлевский паек оценивается в 200.000 рублей, и надо иметь минимум этого, чтобы работать. «Каким-то путем они это добывают, ибо мрут не все» (!) «Путей много: лучшие полулегальны (совместительство, подарки, распределение среди служащих продуктов производства для продажи и т. д.), остальные явно преступны».

Каменев приводит такие цифры: за первые четыре месяца 20-го года смертность в Москве составила 40 человек на 10.000, в Питере – 79. Объяснение статистика Михайловского: спасает Сухаревка. «На Сухаревке воры покупают у воров», – резюмирует Каменев. «Когда отдается приказ: завтра отремонтировать автомобиль, через неделю поправить водопровод или что-либо подобное, это значит: выдать такую сумму денег, которая достаточна для покупки на Сухаревке материалов и продуктов. Подлог счетов при этом неминуем».

«Итог: я не вижу выхода немедленно... Дело давно приняло размеры, превышающие средства и разум ЧК.

Предлагаю. Создать партийную (не ведомственную) комиссию, которая поставила бы диагноз болезни и серьезно обдумала спешные меры общей борьбы. Если же брать специально Москву и центральный аппарат власти, который надо спасти от окончательного разложения, то спасение в одном: 1) обеспечить 300.000 служащих и рабочих красноармейским пайком, рассматривая весь „служилый состав“ как армейскую часть. 2) Сделав это, закрыть Сухаревку (в общем смысле). 3) Расстреливать каждого, приобретающего что-либо сверх пайка, подняв на них рабочих, как в первый период революции они были подняты против буржуазии»[535].

Итак, Каменев в своем проекте обрекал большинство москвичей на голодную смерть и расстрел. Это чудовище выползло из-под его пера не только от отчаяния, метод социальной хирургии, путем массовых расстрелов и умерщвлений, на третьем году власти уже прочно вошел в сознание большевистских руководителей, __ июня 1920 года на пленуме Моссовета Каменев указывал, что путь к коммунизму увит жгучими терниями, усеян голодом и холодом. «Мы не буржуазия, а социалистическая республика и можем производить опыты, которых не в силах производить ни одно государство»[536]. И это говорил Каменев, чей большевизм по праву считался умеренным, «рыхлым», в сравнении с другими вождями революции.

В 1920 году, наряду со свертыванием боевых действий на фронтах гражданской войны, во всю мощь стала разворачиваться сеть злоупотреблений порожденного военными условиями бесконтрольного государственного аппарата. Картина ужасающего произвола и бесхозяйственности содержится в докладе ревизора Наркомата госконтроля некоего Б. Н. Майзеля, который был переслан Ленину. После ревизии хозяйственных органов в отдельных городах на Украине и в Белоруссии Майзель писал: «Я спустился с коммунистических небес и увидел самую страшную действительность, угрожающую существованию Советской республики». В докладе перечислялись установленные факты расхищения тысяч пудов соли, сахара, сгнившего продовольствия, речь шла о целых эшелонах с медикаментами и товарами, исчезнувших в пути бесследно. «Я остановился на нескольких полураскрытых крупных злоупотреблениях, а между тем они были бесчисленны, – писал Майзель, – грузы прибывают в запломбированных вагонах, но все же расхищенные. Крадутся через крыши, через пол, указывается ложный вес, вагоны сахара портятся от искусственного отсырения. Крадут при отгрузке на подводы, а затем уже на складах». «Но самое страшное в том, – продолжает ревизор, – что нет никакого оздоровления, что в эту тину втягиваются все больше и больше людей, не исключая и партийных». Все жалование семейному человеку на три дня на хлеб, поневоле заставляют воровать – вот рассуждения советских служащих[537].

А как же ЧК и другие органы, призванные стоять на страже советского имущества и революционной законности? Они также начали покрываться разрушительной коррозией злоупотреблений и взяточничества. Майзель сообщал, что в Екатеринославском ЧК за 20–30 тысяч рублей любой мог получить пропуск. В Харьковской ЧК почти все обыски, аресты и освобождения осуществлялись ради наживы. В Киеве к концу 20-го года все кофейные и т. п. привлекательные места были уже прикрыты, но на задворках Крещатика процветала кофейная «Дюльбер», посещаемая ответственными советскими лицами, где обделывались различные дела – освобождали людей, товары, снова арестовывали и снова освобождали[538]. Петерс в марте 20-го тоже жаловался Дзержинскому из Ростова, что особые отделы армий Южного фронта занимаются чем угодно, спекуляцией, обысками в городе, но только не своим делом – борьбой с контрреволюцией и шпионажем[539].

А ревизор Майзель оказался настойчив и зол. В конце 1920 года он внес письменное предложение в ВЧК об усилении борьбы с бесчинствами, творимыми в губернских и уездных продовольственных органах: объявить красный террор растущим хозяйственным хищениям! «Расправа с виновными должна быть жестокая» и широко опубликованная. Хозяйственные хищения должны быть приравнены к хищениям военного имущества и караться высшей мерой наказания[540].

Эмиссия 523 390 186

Продразверстка 121 223 480

Цифры обозначают миллионы золотых рублей[541].

Опять же, двойное дно было не только у отдельных советских и партийных чиновников, но и у самого Советского государства. В тени – риторики о беспощадной борьбе со спекуляцией и вольным рынком Советское правительство проводило неограниченную эмиссию. Вся эта денежная масса, не обеспеченная государственными активами, целиком и полностью обслуживала тот самый спекулятивный рынок, с которым велась борьба. Только 5 % из всего объема выпускаемой денежной массы поступало в деревню легально, в уплату за сданные по твердым ценам продукты, остальные деньги выбрасывались предприятиями, рабочими, крестьянами, служащими и армией на вольный рынок.

В системе военного коммунизма денежная масса обслуживала значительную часть обмена между государственным сектором экономики и мелкотоварным частнохозяйственным укладом, который в основном представляло крестьянское хозяйство деревни. Поэтому, так или иначе, через различные каналы большая доля денежной массы оседала у крестьян, которых в 1918–1919 годах было трудно удивить пачками ассигнаций. Попытки Советской власти поставить правильную финансово-денежную систему путем введения денежных налогов на крестьянство потерпели в 1919 году такое же фиаско, как и первые мероприятия продовольственной диктатуры. Пачку денег было намного проще спрятать, чем мешок с зерном. С середины 19-го года в правительстве уже было возобладала тенденция борьбы с финансовым кризисом путем всевозможного сокращения выпуска в оборот новой денежной массы при выплате зарплаты и кредитовании промышленности, но голод и рынок диктовали свои условия. В 1920 году все буржуазные «предрассудки» были отброшены, и Наркомат финансов смело взял курс на неограниченный выпуск дензнаков, имея на дальнем прицеле совершенное уничтожение денежной системы путем ее самоудушения массой обесцененных «цветных бумажек».

Помимо использования запасов царского режима и слабой работы остатков промышленности государственные доходы, за счет которых большевики вели гражданскую войну, складывались из двух источников – эмиссии и продразверстки, т. е. за счет спекулятивного рынка и реквизиционной крестьянской политики. По мере усиления государственного аппарата главное значение как источника государственных доходов к последнему году войны приобрела продовольственная разверстка.

По сравнению с дооктябрьским периодом к началу 1920 года количество денег возросло примерно в 150 раз, твердые цены повысились в 60–100 раз, а спекулятивные цены взлетели в 1000–10.000 раз, в зависимости от региона и вида продуктов. Уже в мае 1918 года 1 рубль по своей покупательной способности был равен 1 копейке 1914 года. Вольные цены на хлеб поднялись еще выше, с 1914 по март 1919 года он вздорожал в 600–900 раз (вместо 3 коп. за фунт – 18–27 рублей). Четко определился недельный ритм скачкообразного повышения цен. Если в Петрограде в начале июня 1918 года стоимость нормального продовольственного пайка принять за 100 %, то на второй неделе она уже равнялась 116 %, на третьей – 125 %, на четвертой – 135 %, на первой неделе июля – 135 %, на второй 160 %, на третьей – 174 %, на четвертой – 163 %[542].

Прокрутившийся за время революции и гражданской войны калейдоскоп режимов и правительств оставил после себя многочисленные брызги в виде денежных знаков самого разного образца: николаевские, керенки, советские, украинские, марки, кроны, «колокольчики», билеты региональных правительств. В 1920 году этот причудливый коктейль в совокупности образовывал весь объем

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org денежной массы, обеспечивавший жизнедеятельность вольного рынка на территории Советской России. Каждый денежный знак в определенных местах имел свою определенную стоимость по сравнению с другими валютами.

Причудливость взаимоотношений различных дензнаков на рынке не уступала узорам их графики. Например, в Киеве в 1919 году за керенку достоинством в 20 рублей можно было купить все, а те же керенки достоинством в 40 рублей не стоило и трудиться предлагать – их не брали. Разумеется, в иерархии стоимости различных дензнаков советские деньги, по причине их количественного преобладания, как правило, занимали низшие ступени, но Наркомфин мог быть доволен, ибо сов-знаки стали тем эквивалентом, которым измерялось достоинство остальных валют. Значительное влияние на колебания их курса оказывала военно-политическая ситуация в стране, а подчас и самые нелепые слухи.

Существенная разница в стоимости валют являлась источником устойчивого процветания нелегального валютного рынка. К примеру, в начале 1920 года в Харькове 500-рублевая романовская купюра стоила 6500 советских рублей, 100-рублевая «катенька» – 1000 рублей, думские деньги – 3500 и 4500 советских, керенки – с надбавкой в 100 %, 10 золотых рублей – 12 тысяч совзнаков, германская марка – до 60 рублей, австрийская крона – 15 рублей.

Игра на постоянно прыгающих курсах валют доставляла дельцам немалые прибыли. Весной 1920 года в Одессе, несмотря на жестокие преследования, облавы и аресты, расстрелы валютных дельцов, валютная биржа продолжала жить очень интенсивной жизнью и являлась, по сути, единственным видом уцелевшей торговли, так как спекуляция товарами совершенно замерла ввиду отсутствия таковых и крайних опасностей, связанных с их хранением.

В рыночной, спекулятивной стихии рядовые обыватели вынуждены были вариться весь период гражданской войны. Другим характерным признаком времени явилось то, что наряду с борьбой коммунистической власти против рынка и спекуляции происходил совершенно некоммунистический процесс становления системы привилегированного государственного снабжения. Возникновение т. н. спецраспределения стало подтверждением той истины, что серая, будничная реальность неизменно приводит в соответствие с собой любую, самую возвышенную идею.

Первоначально, так сказать, в романтический период революции, партийные и советские функционеры, их элита делили в области потребления значительную долю невзгод, испытываемых большинством обитателей столиц. Американский исследователь М. Мэтьюз неправ, когда берет за утверждение, что система привилегий, присущая образу жизни советской элиты, возникла уже в первые месяцы и даже недели после революции [543]. Под этой скороспелой системой привилегий он подразумевает сверхвысокие оклады и заработки т. н. «спецов», на которые вынуждена была пойти большевистская власть, оказавшись в условиях бойкота со стороны технической интеллигенции. Но это мероприятие не имело отношения к становлению собственно советской системы социальных привилегий. Напротив, скорее это была «антисоветская» система, временная уступка классово чуждым буржуазным специалистам. Новая, советская иерархия начинала свою государственную карьеру с очень скромного оклада и пайка. В смольнинский период большевистского правительства Петросовет не раз прекращал выдачу продуктов сотрудникам ВЦИК и СНК за полным отсутствием таковых. И после переезда в относительно сытую Москву с ее обширной спекулятивной торговлей советские наркомы пытались выдерживать коммунистическую марку равенства в личном следовании принципам партийной идеологии и политики. В Москве продолжали жить по-петроградски скудно.

Старый большевик И. Врачев, встречавшийся со многими из большевистского руководства, вспоминал, что он был свидетелем того, как в роскошный номер Свердлова в гостинице «Метрополь» официант принес чай. Нес он его весьма торжественно, на большом серебряном подносе, где стоял изысканный кофейник, покрытый, как полагается, белоснежной салфеткой. После подобной церемонии все присутствующие расхохотались, когда увидели, что в кофейнике плещется какая-то коричневая бурда, а на тонких фарфоровых тарелках несколько крохотных ломтиков черного хлеба из муки пополам с овсом [544].

Партийно-советское руководство и его аппарат жили таким образом весь 1918 год, срываясь временами в преследуемое ими же самими незаконное «мешочничество». Управление делами СНК завело штат собственных агентов-коммерсантов, которые занимались в провинции закупками

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org продовольствия для правительства и связанных с ним учреждений, используя известные льготы и послабления, недоступные для других. Сама всемогущая ВЧК нижайше обращалась в июле 1918 года в Моспродком за разрешением снарядить в хлебный Аткарский уезд Саратовской губернии маленький отряд с мануфактурой (2880 аршин) и обувью (145 пар) для обмена на продукты, а также закупки в селах Тамбовской и Воронежской губерний до 500 пудов мяса. Управа Моспродкома, стоя на страже монополии, немедленно переправила эти ходатайства в СНК Ленину с просьбой «разъяснить ВЧК недопустимость подобных обращений» [545]. «Недопустимость обращений» на Лубянке была учтена, и впоследствии она действовала уже без официальных ходатайств по своему усмотрению.

Что происходило внутри стен Кремля, можно представить по воспоминаниям Н. И. Данилова, бывшего кремлевского курсанта. Прибыв в феврале 1919 года в Москву из еще изобильного Поволжья, где на рынках можно было дешево купить все, группа откомандированных саратовских курсантов была неприятно поражена обшарпанным видом кремлевских зданий, стертymi ступенями внутренних лестниц. Окончательно саратовцы были удручены скудным обедом, предложенным им. Суп состоял из воды, заболтанной ржавыми отрубями с запахом селедки, на второе была опять же селедка с гарниром из пшенной каши и жидкий чай с одним куском сахара. Черный хлеб – наполовину с мякиной. «Кремль – сердце республики. Люди здесь должны были жить лучше, но увы! В действительности оказалось не так». Качество обедов в кремлевской столовой для ответственных работников было тоже плохое [546]. Тем не менее совнаркомовская столовка являлась самым притягательным местом в Кремле. По крайней мере там было тепло и всегда можно было перехватить кусок и выпить горячего чаю. Наркомы и прочие работники встречались там, обсуждали проблемы, вершили дела, творили высокую политику.

Однако, по мере укрепления коммунистической власти, укреплялось и материальное, в том числе продовольственное положение советско-партийной элиты. Активно действовали агенты кооператива «Коммунист» во главе с управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем. Кооператив этот был создан в 1918 году корпорацией старых спекулянтов «Монбикав» (Монисов, Биксон, Австрих) специально для снабжения жителей Кремля. В течение нескольких месяцев кооператив «Коммунист» приобрел столь скандальную известность делами, не имеющими отношения к снабжению кремлевцев (служба прикрытием для широкомасштабных махинаций Монбикава), что 5 марта 1919 года специальным постановлением ЦК РКП (б) его ликвидировали. Но несмотря на это Наркомпрод еще и в мае того же года жаловался в СНК, что предприимчивые агенты несуществующего кооператива продолжают производить закупки и отправки всевозможных товаров в свой адрес [547].

Коммерческо-кооперативная лавочка оказалась неподходящей для большевистского руководства, исповедующего принципы борьбы с рынком и свободной торговлей. Кроме того, аппарат Наркомпрода к лету 1919 года приобрел уже достаточно возможностей для того, чтобы удовлетворить если не голодающее население столиц и промышленных центров, то хотя бы запросы партийно-государственного аппарата. Отсюда и начинается своя славная история система спецраспределения в порядке государственного снабжения населения. 29 мая 1919 года Оргбюро ЦК в ответ на запрос продовольственного отдела Моссовета о том, как снабжать товарищей, обращающихся в отдел по указанию ЦК РКП (б) и других центральных учреждений, вынесло историческое постановление, открывшее эру спецраспределения:

«Предложить продовольственному отделу обратиться в центры с просьбой представить в распоряжение отдела определенное количество предметов широкого потребления, чтобы иметь возможность удовлетворить запросы центральных учреждений» [548].

Далее по поручению Оргбюро была разработана инструкция, в соответствии с которой Главпродукт Наркомпрода по соглашению с органами ВСНХ образовывал сверх общегосударственных плановых распределений спецфонд всех предметов широкого потребления, из которого «по каждому требованию, немедленно отпускается определенное количество продовольственному отделу Московского совета» [549]. Разрешения на удовлетворение «нуждающихся товарищей» писались на специальных бланках, и предназначалась эта, по меркам гражданской войны, роскошь первоначально всем товарищам, командующимся ЦК РКП(б) и Президиумом ВЦИК «во все концы света» или приехавшим в Москву «со всех концов света» в распоряжение вышеуказанных организаций, а также постоянно находящимся в их распоряжении и не имеющим возможности жить на общегосударственном положении [550].

Но кушать хотелось не только тем ответработникам, которые направлялись «во все концы света». Возникшая система продолжала свое логическое развитие, в декабре 1919 года Совнарком вынес решение выдавать «незаменимым специалистам» через Московское потребительское общество добавочный паек сверх получаемого в общем порядке. Число незаменимых первоначально было определено в 200 человек вместе с семьями. Вскоре замнаркома финансов С. Е. Чуцкаев, на которого была возложена обязанность по распределению спецпайков, утонул в ворохе заявок за подписями различных наркомов, хлопотавших о своих подопечных. Двести пайков держались в осаде ходатайств на удивление долго, но в конце концов оборона была сломлена. 25 марта 1920 года СНК постановил увеличить число пайков до 300, а 7 апреля – до 350 и т. д. [551]. Все бумаги по делам о распределении спецпайков проходили как военная документация под грифом «сов. секретно». Сам Чуцкаев писал, что он «с конца 1919 года по специальному поручению Ленина, „архи-секретно“, выдавал через МСПО продовольственный паек 200 наиболее ответственным специалистам всех ведомств – „чуцкаевский“ паек, превратившийся потом... в пайки совнаркомовский, академический и др.» [552]. Норма совнаркомовского пайка, которым к середине 20-го года пользовалось уже 370 человек (вместе с семьями 1250), составляла: мука ржаная – 20 фунтов, масло коровье – 1 1/4 ф., мясо – 25 ф., рыба – 20 ф., соль – 1 ф., кофе – 1/4 ф., крупа – 3 ф., сахар – 2 ф. в месяц. В то же время по академическому пайку снабжалось 1000 человек, и надо признать, что он был значительно весомей и разнообразнее. Например, муки выдавалось 35 ф., крупы – 18 ф., сверх того выдавались табак, спички, мыло. Потом система привилегированных пайков была еще раз расширена и унифицирована постановлением СНК от 14 июня 1920 года.

Нарком просвещения А. В. Луначарский много хлопотал за бедствующих выдающихся представителей творческой интеллигенции, чтобы их имена попали в завещные чуцкаевские списки, доказывая их несомненную «высокоценность» и «незаменимость». Благодаря этому в продовольственных папках Совнаркома отложились интересные театро- и литературоведческие этюды о жизни и творчестве известнейших актеров и писателей. К примеру, включенной в число двухсот артистке Малого театра М. Н. Ермоловой, одинокой, было назначено 20 фунтов муки, 1 1/4 ф. масла, 45 ф. капусты, 1 ф. соли, 1/4 ф. чая, 2 ф. сахара. В списке с Ермоловой фигурировали такие знаменитости, как Е. К. Лешковская, О. А. Правдин, А. И. Южин [553].

С укреплением системы госснабжения в 1920 году расплодилось множество привилегированных и полупривилегированных выдач. В Москве существовал спецпаек для медперсонала, которым удовлетворялось около 23 тыс. человек. Во всероссийском масштабе имелись красноармейский паек и система «продфазтопа» для рабочих ударных предприятий. Все это – не считая того, что различные военные и гражданские ответ работники имели широкие возможности «самоснабжения» в обход установленных правил Наркомпрода и закона.

Прогрессирующая система спецснабжения явилась следствием того, что государство было не в состоянии обеспечить всех нуждающихся необходимым довольствием. Спецснабжение стало одним из существеннейших признаков социального неравенства в послереволюционном обществе и находилось в первом ряду причин недовольства рядовых партийцев и обострения на IX партконференции в сентябре 1920 года вопроса о «верхах» и «низах» в партии. В результате на свет родилась т. н. «кремлевская» комиссия – комиссия ЦК РКП (б) и Президиума ВЦИК по обследованию Кремля, приступившая к работе 25 ноября. Комиссия скрупулезно изучила быт кремлевских обитателей, заглянула в их покои и кладовые, взвесила все, вплоть до последнего золотника приправы к совнаркомовскому обеду и... растворилась в других делах, оставив шлейф любопытных бумаг, запротоколировавших гастрономические аппетиты и вкусы кремлевских обитателей и их домохозяев. Оказывается, что помимо совнаркомовского пайка существовали еще индивидуальные выдачи из продовольственного отдела ВЦИК. Этими выдачами пользовались десятки человек, самые известные имена.

Считается неприличным заглядывать в чужую тарелку, но если это тарелка Ленина, то, думается, допустимо. Ведь, как любили говорить, нам дорога каждая черточка вождя. Так, например, на имя Ленина по ордеру № 10646 2 ноября 1920 года было выдано 10 фунтов мяса, 30 яиц, 5 ф. сыра. Другой раз, 27 ноября: 10 фунтов ржаной муки, 2 ф. манной крупы, 3 ф. сыру, 1/8 ф. чая, 2 ф. сахара, 2 ф. икры, 1/4 ф. кофе, 2 ф. сала, 2 ф. сливочного масла и 100 штук папирос. Всего подобных выдач за один месяц – восемь. На имя Ленина

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org продукты брались чаще всех остальных. Другие брали намного реже – 2–3 раза в среднем. Семья Сталина воспользовалась спецраспределителем ВЦИК в ноябре 4 раза, брали сравнительно скромно, и что бросается в глаза, так это 5 ф. мяса и 1/8 ф. перца за 25 ноября. Имя Троцкого за ноябрь встречается всего два раза, брали орехи, мед, монпансье – очевидно, детям. Нарком продовольствия Цюрупа стоит в рядах средних потребителей вциковской кормушки[554].

Помимо всех пайков и выдач кремлевские обитатели широко пользовались столовыми ВЦИК, СНК и делегатской столовой Коминтерна. Здесь меню для сотрудников ВЦИК было намного беднее прочих (явно в соответствии с реальным значением ВЦИК в системе «советской» власти), их не баловали, как совнаркомовцев и коминтерновцев, дичью, сыром, ветчиной, сардинами и икоркой. Комиссия не стала долго переваривать листы с меню столовых, ее вердикт был скор и ужасен:

«Нормы столовой Совнаркома и особенно Коминтерна необходимо пересмотреть в сторону значительного их сокращения, приняв во внимание общее положение с продовольствием... Что же касается индивидуальных выдач ответственным работникам, то необходимо установить единообразную норму, чтобы не получалось такого, что некоторые товарищи получают по несколько раз в месяц»[555].

В период военного коммунизма в каждом городишке имелось свое «кремлевское» снабжение, более или менее напоминающее московский оригинал. Конечно, все эти фунты, ветчина и икра в столовых государственного руководства в ином случае не стоили бы и строчки исторического исследования. Трудно что-либо возразить против того, чтобы руководство страной, правительство пользовалось обеспеченным и полноценным снабжением и питанием. Но если изобилие спецраспределителей и столовых существует на фоне общего неблагоприятного положения страны, к которому привела политика того же руководства, когда оно существует наряду с пропагандистской фразеологией равенства, прикрываясь грифами секретности и сказками о том, как нарком продовольствия падал в обморок от голода на заседаниях Совнаркома (это были обычные для слабого здоровья Цюрупы сердечные припадки), то это заслуживает внимания, поскольку лишний раз подчеркивает раздвоение сознания коммунистического руководства и общественной морали, которые сыграли важную роль в стагнации, кризисе и гибели советского строя.

Вместо заключения Еврейский вопрос в революции, или О причинах поражения большевиков на Украине в 1919 году

Насколько обоснованно выносить в качестве заключения ко всей книге частный, казалось бы, вопрос? На наш взгляд, вполне, поскольку без еврейского вопроса – нет истории революции. Любой серьезный анализ русской революции и вообще всей истории коммунизма неизбежно поднимает т. н. еврейский вопрос. Его значение в ходе революции и гражданской войны в пределах бывшей Российской империи было исключительно велико, и не найдется такой крупной темы, которая бы в той или иной степени не затрагивала его. Настроения крестьянства и рабочего класса, террор, борьба в высшем коммунистическом руководстве, спекулятивный вольный рынок и т. д. – все эти проблемы обостряют внимание к еврейскому вопросу в годы становления Советской власти в России и союзных ей республиках.

Более того, в дальнейшем окажутся малосостоятельными попытки сколько-нибудь продвинуться в объективном отражении важнейших событий русской революции, если продолжать по-прежнему осторожно оглядываться или пренебрежительно перешагивать через проблему еврейского участия в этих событиях, поскольку оно наложило глубокий отпечаток на все развитие революционного движения в России. Насколько отпечаток был силен, говорит и то, что в сопредельной Польше, среди большей части поляков, разгоряченных борьбой против промелькнувшей во всеильном Париже идеи «Юдо-Полыпи», господствовало искреннее убеждение, что большевистская революция, как и все коммунистическое движение, есть просто еврейское национальное захватническое движение[556]. Но подобный взгляд является примером уже чрезмерной абсолютизации вопроса. Еврейское движение, еврейское участие в революции столь же неоднозначно и столь же вопиет противоречиями, как и все прочее, к чему мы бы там ни прикоснулись.

Судя по многочисленным копиям, на которые постоянно натывается исследователь, просматривая документы ЦК РКП (б) за 1919 год, тогда в цеховских кабинетах внимательно изучали статью видного сиониста Пасманника

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org «Еврейский вопрос в России», опубликованную в парижской газете «Общее дело» от 14 сентября 1919 года[557]. В этой статье доктор Пасманник ставил под сомнение распространенное мнение о том, что армии Колчака и Деникина враждебно настроены против евреев и несут им всякие беды. Напротив, утверждал он: «Несмотря на антисемитское настроение тех или иных офицеров и солдат, (деникинская) армия в своем целом не допустит погромов, которые в последнем счете приносят с собой семена государственного разложения», – и призывал еврейство поддержать белое движение, объявляя большевизм «огромнейшей опасностью для всего русского еврейства», поскольку он ведет к полному разрушению экономического быта русского еврейства, которое в подавляющем большинстве принадлежит к средней и мелкой буржуазии. «Троцкие, Каменевы, Зиновьевы и Ларины – евреи по рождению, но не имеют ничего общего со своей народностью. Об этом цинично заявил сам Троцкий», – писал Пасманник и выносил приговор:

«Большевизм, по существу своему, является потенциально неиссякаемым источником юдофобии, и те евреи, которые так или иначе защищают и поддерживают Ленина и Троцкого, являются злейшими врагами нашей народности и еврейской массы»[558].

Ясно, что лидер сионистов лукавил, заявляя помимо прочего о том, что на территориях, уже занятых армией Деникина, не было ни одного еврейского погрома. Как раз именно в эти погожие сентябрьские дни, когда писалась статья, тылы Красной армии приводились в смятение дерзким мамонтовским рейдом и евреи были осведомлены, что одевались казаки на своем пути, в занятых ими Козлове, Тамбове, Ельце. Один очевидец писал в Наркомнац, что как только мамонтовцы оказались на улицах Ельца, то сразу же принялись за погром: «Где жида? Выдать жидов». Врывались в дома, пытали, терзали, число убитых евреев дошло до 200 человек[559].

Призывы Пасманника против большевиков и за белое движение в контексте действительных событий говорят лишь о том, что и еврейская среда во время революции была затронута глубоким расколом. В значительной мере раскол этот имел характер того противостояния поколений, обнажившегося на революционном переломе, о котором мы читали в «Донских рассказах» Шолохова и видели на примере чапанной войны. Традиционализм зажиточного и обустроенного еврейства столкнулся с претенциозным молодым неофитством, расцветшим на огороженном скудном местечковом поле. И этот конфликт начал вызревать еще задолго до революции.

Условности и ограничения, которые накладывали на еврейский народ царское законодательство и российское общество, явно не соответствовали культурному уровню, запросам и финансово-экономическому могуществу значительной части еврейской общины, что, несомненно, способствовало аккумуляции мощного революционного потенциала среди части российских евреев, который активно проявлялся в оппозиционных самодержавию политических движениях и революционных событиях. Самым распространенным приемом в доказательстве их исключительного влияния на судьбы России в XX веке до сих пор является указание на количество лиц еврейской национальности среди большевистских вождей и советских руководителей всех рангов. С некоторого времени на видное место в этом впечатляющем списке стал претендовать и сам В. И. Ульянов-Ленин (см. статью А. И. Елизаровой в журн. «Моя Москва», 1992, № 4). Однако перечнем большевистской верхушки проблема далеко не исчерпывается. Сохранились и другие важные, но практически не отраженные в историографии свидетельства специфического еврейского участия во всероссийской смуте XX века.

В гражданской войне 1917–1920 годов успехи или неудачи враждующих сторон существенно зависели от настроений российского крестьянства, которое своими людскими и продовольственными ресурсами представляло собой наиболее тяжелую гирю на чашах весов расколотого общества. В течение войны колебания крестьянских симпатий были весьма сильны. Как, например, в 1918 и начале 1919 года украинские селяне обрекли на поражение прогерманский режим Скоропадского и петлюровщину, так вскоре провалили и Советскую власть. Весной и летом 1919 года Красная армия на юге России – и в частности на Украине – потерпела позорное поражение от объединенных сил деникинской и петлюровской армий. Рассматривая причины этого поражения, историки справедливо указывают на утрату опоры Советской властью в украинской деревне как результат земельной политики большевиков, которые отказались отдать украинскому крестьянству плодородные земли помещичьих имений, сохранив их под новой вывеской госхозов.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Но имелаась и другая причина, возможно, более важная и весьма деликатная, поскольку была связана с межнациональными отношениями. Речь идет об участии представителей еврейского населения в установлении Советской власти на Украине в начале 1919 года и ее противоречиях с подавляющим большинством коренных жителей края.

В сентябре 1920 года, на IX конференции РКП(б), где в бурных дискуссиях искали виновников недавнего поражения Красной армии под Варшавой, Легошу неожиданно передали письмо от делегата конференции Григория Зайцева.

«Глубокоуважаемый товарищ Владимир Ильич! – писал делегат. – Во вчерашних прениях по докладу ЦК никто не сказал ни слова (по понятным причинам), кто ставился во главе Советской власти в занятых Красной Армией польских городах и местечках. Между тем и это надо знать, чтобы сделать правильные выводы.

По сообщениям приезжавших в Харьков и Киев из Луцка, Ровно (и других мест того направления) товарищей, видно между прочим, что проходившие эти города войсковые части Красной Армии почти не выделяли мало-мальски ответственных коммунистов и во главе местных советских учреждений стояли примазавшиеся молодые люди (преимущественно из еврейской среды), которые своими антисоветскими действиями (варварскими реквизициями и учетами) в кратчайшее время дискредитировали Советскую власть в глазах местного населения. Последнее к возвращению Красной Армии сильно изменило свое отношение к ней и даже было часто радо возвращению поляков.

Украина сейчас представляет также гнетущее положение в этом отношении. Заполнение партийных и советских организаций работниками из еврейской среды (наиболее способной) – вызывает сильное неудобство не только среди украинского крестьянства (часто активно выступающего против части еврейского населения), но и среди рабочих и красноармейцев (особенно заражены им буденновцы), и даже, к стыду нашему, некоторые партийные товарищи (из бывших боротьбистов и борьбистов).

Вообще это чрезвычайно больной и тонкий вопрос на Украине, играющий сейчас с развитием петлюровской агитации немалую роль. Кажется, ЦК в прошлом году, после захвата Киева Деникиным, обратил на него (вопрос о „еврейском засилье“ в партийных и советских организациях) внимание и решил не возвращать на Украину многих прежних работников, заменив их русскими (преимущественно из Велikorоссии). Видимо, это решение до конца не было проведено, и к нему надо будет еще раз вернуться...» [560]. Письмо Зайцева донесло до Ленина отзвуки событий годичной давности.

В январе – феврале 1919 года советские войска заняли Харьков, Киев и всю Левобережную Украину. Развивая успех, Красная армия в марте – апреле оттеснила петлюровцев на запад и овладела большей частью Правобережной Украины. Перед большевиками встала задача незамедлительного создания своего аппарата государственной и партийной власти на вновь приобретенных территориях. Но русские из украинских городов частью давно нашли себе погоны и воевали в составе Добровольческой армии Деникина, а вынужденные остаться мало симпатизировали московскому большевизму и не могли стать источником кадров для новой власти. Украинское крестьянство, помимо того, что было сплошь неграмотным, проявляло абсолютно враждебное отношение к идее «коммунии», которая явилась к ним вслед за армией большевиков.

Выход из затруднительного положения открылся как бы сам собой. С XVIII века, по воле российских самодержцев, разрешивших евреям проживать в империи за «чертой оседлости», Литва, Белоруссия и Украина оказались регионами компактного проживания евреев, которые сохранили свои национально-бытовые особенности и язык. Концентрировались они в городах и местечках, где к началу революции составляли от 30 до 60, а иногда и до 80 %, а в общем – половину всего городского населения бывшей западной окраины империи (2,5 из 4,7 миллионов). Особенно велико число местечек оказалось в Литве, Белоруссии, а также Киевской, Волынской и Подольской губерниях Украины.

Неприятие коренным населением Украины идей и порядка, проводимого большевиками, привело к тому, что в начале 1919 года в составе образованных советских и партийных органов оказались сплошь евреи, как правило люди молодые, не стеснявшиеся пойти против традиционного уклада своих общин. Как отмечал в своем докладе о поездке на Украину ответственный работник продовольственного отдела Московского Совета Н. Матеранский:

«Поскольку на Украине большинство коммунистов евреи, то и оказалось, что

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org всюду у власти в городах и местечках стали коммунисты-евреи и им сочувствующие, да притом неопытные, делающие ряд нетактичных поступков при управлении. Население Украины издавна враждебно настроено к еврейству. Теперь во всех невзгодах и несчастьях население обвиняет первым делом стоящих у власти. А так как всюду царит уверенность, что вся власть в руках евреев, то среди населения в большей степени усиливается антисемитизм. Среди всего населения только и слышно, что они „власти жидовской подчиняться не станут“. И действительно, ряд восстаний имеет своим корнем антисемитизм.

Кроме указанной причины, ненависть к евреям разжигается еще и целым рядом других, и одной из них является роль евреев в продовольствии как спекулянтов. На Украине евреи занимались преимущественно торговлей, и теперь почти весь сохранившийся частный [торговый] аппарат находится у них в руках. Не знаю, по каким причинам, но они пользуются большой протекцией у власти и это дает им возможность играть доминирующую роль в продовольственных заготовках, в скупке, отправке товаров, в повышении цен и вообще в продовольственном вопросе. А так как продовольственный вопрос становится на Украине с каждым днем все острее и цены взвинчиваются, то понятно, что вся ненависть за кризис падает на тех же злосчастных евреев и особенно стоящих у власти, которых население главным образом и обвиняет в самой злостной спекуляции.

Антисемитизм развит во всех слоях населения. Он наблюдается у крестьян, у интеллигенции, у красногвардейцев, обвиняющих евреев в нежелании идти на фронт и умении „пристраиваться“ в тылу, и, как ни странно, даже у русских коммунистов прорывается горечь какой-то обиды и неприязни по отношению к евреям...» [561].

Как совершенно очевидно из доклада Матеранского и целого ряда других документов, в начале 1919 года коммунистическая власть создала благоприятные условия тому, что на Украине сложился некий альянс властных структур со спекулятивными кругами по национальному признаку.

Член коллегии ВЧК Г. С. Мороз во время поездки на западную окраину советской территории был настолько шокирован масштабами открывшегося ему, как он назвал, «советского» антисемитизма, что счел необходимым специально обратиться по этому поводу в ЦК РКП (б). В его записке от 22 апреля 1919 года говорится: «Прямо-таки тяжело дышать», когда въезжаешь в западные губернии.

«То и дело в вагонах, на станциях, в столовых, на базарах и даже в клубах слышишь: „Жида всюду, жида губят Россию. Советская, власть ничего бы, если бы не жида“ и пр.» [562].

«Советский» антисемитизм нашел благодатную почву в пределах бывшей черты оседлости. Как писал в обращении в тот же ЦК РКП (б) член украинской партии боротьбистов Г. Клуный, именно род деятельности, традиционный для еврейской нации, является основной причиной юдофобства села. «В большинстве своем село знает еврея-торговца, который эксплуатировал его всякими способами, особенно торговлей хлебом. Когда селянин кормил произведенным им продуктом еврея, то еврей для него ничего не делал: еврей-ремесленник обслуживал буржуазию (панство) и мещанство (модистки, сапожники и т. п.), а пролетариата еврейского украинское село почти не видело. Поскольку торговлю крестьянин не считает трудом, то и всех евреев не считает трудящимися. Такими взглядами на евреев объясняется озлобление крестьянства „комиссарскими жидами“ и популярная на Украине фраза: „Жида з нас раниш тяглы, та и тепер хотять систы на шию“. Нация, которая стоит в стороне и от культуры масс, и от трудового принципа хозяйственного строительства, становится враждебной для масс, относится ими в класс угнетателей», – заключил Клуный [563].

Центральное бюро еврейских коммунистических секций при ЦК РКП(б) также было вынуждено признать в своих тезисах «О задачах и постановке еврейской работы партии», что сложившаяся на западе страны «заметная разница в отношении к Советской власти в еврейском и нееврейском населении» усилила традиционный антисемитизм [564].

В 1919 году было бы опрометчивым надеяться, что почти поголовно вооруженное украинское крестьянство будет долго терпеть на своей «шии» синдикат советских чиновников и буржуазных спекулянтов. Если еще в 1918 году крестьяне в Подольской и Житомирской губерниях, случалось, выступали против петлюровской директории во главе с еврейскими предводителями, то за пару месяцев Советской власти евреи сумели настолько восстановить против себя украинских мужичков, что месть их была ужасной. В мае – июне 1919 года

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org началась волна страшных еврейских погромов, но, упоминая о них, литература, как правило, просто констатирует факты погромов, не углубляясь в причины, их породившие. Некоторые выдержки из сводок советской военной цензуры, составлявшихся из перлюстрированных частных писем для информирования высшего руководства, и через много лет способны произвести впечатление и дать представление о характере и размахе происходящего:

Киевская губ. 2 мая:

«Раздаются нарекания на Советскую власть за то, что ее представители в большинстве случаев являются евреями. Даже еврейская буржуазия и та заняла у коммунистов самые теплые места»[565].
Умань. 12 мая:

«С каждым днем жизнь ухудшается, порция хлеба уменьшается, все будет получаться по категориям, один будет иметь право есть больше, другой меньше. Вот вам и справедливость. Все обнищали, кроме жидов, они лучше нас одеты, лучше нас едят во сто раз. Лучшие места заняты ими, а русские не могут найти себе должность»[566].
Киевская губ. 20 мая:

«Представители власти взяточничают, наживаются. Кругом недовольство, крестьянские волнения»[567].
Киев. 24 мая:

«В Киеве красные войска собираются громить евреев»[568].
Киев. 24 мая:

«В Брацлаве до 600 жертв евреев»[569].
Киев. 4 июня:

«Кругом Киева происходят почти повсеместно погромы, волна которых еще не остановилась»[570].
Киев. 5 июня:

«Везде ужасные еврейские погромы. Умань несколько раз была взята повстанцами, была резня. Восстают все окружающие села, мужики режут евреев»[571].
Киев. 21 июня:

«Ужасы еврейского погрома в Чернобыле: людей заживо хоронили, бросали в воду, а если они пробовали выплыть, то их укладывали прикладами»[572].
Киев. 8 июня:

«В Усманском и Звенигородском уездах было повстанческое движение. Такого кошмара я еще не испытывал»[573].
Бессарабка. 7 июня:

«Около Киева были страшные погромы, города и местечки, населенные евреями, почти уничтожены, неузнаваемы. Радомысл, Черкассы – там, говорят, было что-то невероятное»[574].
Жестокость, с которой повстанцы расправлялись с евреями – советскими и партийными функционерами, была исключительной даже для гражданской войны. С легкой руки мужицких батек и казацких атаманов пошло гулять понятие «коммунистический суп». Так называлась дикая расправа, во время которой нескольких еврейских коммунистов заживо варили в большом котле на центральной площади местечка и заставляли всех остальных евреев есть его содержимое. На улицах городов и поселков появилось множество немых, которые лишились способности говорить во время подобных процедур.

Волна погромов прокатилась по всей Украине, были города и местечки, где погромы повторялись по несколько раз. Там царил мертвая тишина. Особенно пострадал Гайсин, в котором банды Воыльца вырезали до 2000 человек. Банды этого атамана появлялись и в местечке Тростянец, Брацлаве, где вырезали еще сотни мужчин, женщин и детей. Банды Ангела, Ковтумы, Вернигоры, Зеленого, Близнюка, Черного избивали еврейское население с жестокостью, превосходящей все прошлые погромы. Елисаветград, Александрия, Бердичев, Казатин, Черкассы, Райгород, Генлик, Браилов, Малиновка, Суслицы, Золотоноша, Помощная, Знаменка – здесь убивали так много, что трупы валялись на улицах неубранными по несколько дней. Еврейское население бежало куда глаза глядят, но их преследовали по пятам, останавливали поезда, пароходы,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org связанных пачками укладывали на рельсы и пускали паровоз, выбрасывали в воду и т. д. и т. п.

Повстанческое движение в тылу Красной армии способствовало тому, что малочисленные войска бывшего Украинского фронта начали быстро откатываться на север под напором сил Деникина и Петлюры. Современники этих событий замечали, что все перевороты и смены властей на Украине начинались резней. С деникинцами было то же, что и с другими. Пока они находились в пределах Дона, Кубани, Крыма и даже в Харькове – все обстояло более-менее спокойно для евреев. Но как только белые армии вступали на коренную Украину и встречали готовую почву, то с энтузиазмом и размахом присоединялись к погромам[575].

Охваченные страхом партийные и советские функционеры пешком и конно, на крышах вагонов и как угодно панически устремились в великорусские губернии, поближе к Москве.

В самой Москве уже давно было известно об усилении напряженности в межнациональных отношениях на Украине, но там до поры надеялись ограничиться указаниями на необходимость усиления агитации и пропаганды против антисемитских настроений, что просто свидетельствовало о непонимании всей остроты сложившейся ситуации на местах. Между тем в известной записке член коллегии ВЧК Г. С. Мороз предлагал ЦК в первую очередь убрать евреев с ответственных «комиссарских» постов в пределах бывшей черты оседлости и заменить их русскими из внутренних губерний. Во-вторых, он указывал, что необходимо призвать евреев-коммунистов в ряды Красной армии в качестве простых солдат, поскольку «до сего времени евреев-коммунистов в Красной армии рядовых нет»[576].

«Думаю, что настоящий доклад не вызовет обвинений меня в чем-либо. Нахожу нужным отметить, что я сам еврей... Как бы мне не хотелось писать обо всем изложенном, но преданность Революции подсказывает мне это сделать», – заключил высокопоставленный чекист.

После начала погромов уже сам комиссар по еврейским делам при Наркомнаце С. М. Диманштейн 11 мая внес в Оргбюро ЦК предложение о формировании еврейских частей в Красной армии и просил обязательно принимать во внимание национальный состав населения при назначении ответственных руководителей[577]. Но тогда это прозвучало с запозданием, еврейские погромы остановить уже было нельзя.

Если говорить относительно формирования частей, то вопрос о вливании заметного количества евреев в ряды Красной армии поднимался в ЦК большевиков неоднократно в течение всей гражданской войны, неоднократно же выносились соответствующие постановления, и надо понимать, безрезультатно, провоцируя все новые и новые обращения в ЦК. Причины такой немощности, поразившей всесильный ЦК, были разнообразны. Разумеется, прежде всего это естественное нежелание призываемых призываться в серые ряды, но главное даже не в этом. Главное в том, что в самой, крестьянской по составу Красной армии антисемитизм переливался через край и господствовал там едва ли не в большей степени, чем среди тех повстанцев и белых армий, против которых она вела боевые действия.

В докладе ЦК партии от немецкого коммуниста Ф. Шефера, выполнявшего в 1919 году какое-то секретное поручение в Одессе, описан почти анекдотический случай, когда он в августе – сентябре, нелегально пробираясь из Одессы в Москву, прошел через территорию Махно, миновал кордоны петлюровцев и деникинцев и даже побывал за границей – в Румынии. Не раз его, плохо говорящего по-русски, принимали за еврея, хотели ограбить и поставить к стенке. В конце концов, преодолев все опасности, пройдя линию фронта «с радостью приветствовал, – как он пишет, – патруль нашей победоносной 44-й дивизии», наступавшей на Житомир. Но... «радость оказалась преждевременной», так как красноармейцы, в свою очередь приняв Шефера за еврея, наконец-таки ограбили его и едва не убили[578].

Антисемитизм был лейтмотивом известной «стрекопытовщины», мятежа 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии, вспыхнувшего в марте девятнадцатого года в Гомеле. Как подчеркивалось в документах следствия, части бригады были «поголовно заражены юдофобством»[579]. Относительно кровавого погрома в местечке Золотоноша в мае того же года, то, как впоследствии установили органы ЧК, в избиении евреев были повинны вовсе не отряды изменника

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org Григорьева, а отступавшие красноармейцы бригады Богунского[580]. Из героической истории гражданской войны всем известна знаменитая конармия Буденного, ее доблестный боевой путь. Малоизвестно было только то, что буденновцы в Красной армии выделялись особенно яростным антисемитизмом, не уступая в этом отношении казачьей донской армии Деникина. Лишь недавно появились добросовестные работы, описывающие эту сторону боевого пути красного казачества[581].

В разгар гражданской войны ЦК РКП (б) совсем отказался от мысли призывать евреев в Красную армию обычным порядком. 6 августа 1919 года Оргбюро ЦК специально указало ЦК КП(б)У на желательность сосредоточения красноармейцев-евреев в отдельных ротах, «ввиду антисемитизма, господствующего в армии»[582]. Правда, сосредотачивать было особенно-то и некого. В следующем, 1920 году, 3 июня, в разгар польской кампании, мы вновь застаем Оргбюро ломающим головы над заявлениями т. т. Троцкого и Розенгольца о «необходимости мобилизации максимального количества еврейских рабочих» для пополнения войск Юго-Западного и Западного фронтов[583]. Розенголец и Троцкий указывали, что на этих фронтах «повторяется все та же история: крайне ничтожное число евреев в действующих частях», отсюда неизбежное развитие антисемитизма и исползующая его удачная агитация поляков, разлагающая красноармейцев.

Все лето 1919 года продолжалось бегство еврейских коммунистов с Украины по мере развития наступления сил южной контрреволюции. 7 сентября А. Иоффе писал Ленину из Чернигова:

«Качество украинских совработников, даже коммунистов, настолько невысоко, что они вносят не оздоровление, а еще большее разложение. Известно ведь, что на Украине первыми бегут исполкомы и парткомы и этим, рикошетом, вносят панику в армию. И тут никакими репрессиями не помочь, сразу по крайней мере. Расстреливается их достаточное количество, но пользы пока незаметно»[584].

В целях борьбы с украинскими паникерами и дезертирами ЦК РКП(б) 16 сентября разослал по губерниям циркуляр, которым предписывалось всех коммунистов, приезжающих с Украины без разрешения ЦК КП(б)У, под предлогом доклада или сдачи дел, «считать дезертирами и подлежащими немедленному аресту»[585].

Позднее, в конце 1919 года, учитывая печальный опыт весны, большевики при своем втором вступлении на Украину стали действовать более осторожно и основательно. Подготовка началась еще летом. И августа Оргбюро ЦК, заслушав сообщение из ЦК КП(б)У о положении дел на Украине, поручило Каменеву переговорить с Лениным по вопросам, поднятым украинским ЦК: о его роспуске и отзыве ряда работников с Украины и замене их кадрами из России[586].

Беседа Каменева с Лениным имела серьезные последствия, Ленин был глубоко обеспокоен украинскими делами. В декабре 1919 года, ЦК партии в соответствии с постановлением VIII конференции РКП(б), текст которого написал лично Ленин, выпустил ряд распоряжений в целях предотвращения «наводнения советских учреждений элементами украинского городского мещанства, чуждого понимания условий быта широких крестьянских масс и нередко прикрывающегося знаменем коммунизма»[587]. В частности, комитеты партии в великорусских губерниях обязывались экстренно откомандировать на Украину по несколько ответственных работников губернского и уездного масштабов[588]. Все рекомендованные для работы на Украине должны были специально пройти проверку в аппарате ЦК партии на предмет их национальности и прошлых «заслуг». Кроме того, особым циркуляром ЦК категорически воспретил самовольное возвращение на Украину работавших там ранее партийных и советских функционеров: «Никто из членов партии не может ехать на Украину для партийной или советской работы без разрешения ЦК», – гласил циркуляр[589].

Но как заметил делегат IX партконференции Зайцев в известном письме к Ленину: «Это решение до конца не было проведено». Некоторые факты позволяют думать, что оно вообще было проигнорировано еврейскими работниками. Например, судя по списку откомандированных Гомельским губкомом для работы на Украине за декабрь 1919 – январь 1920 года, туда вернулось много давних знакомцев украинского селянства. Заклучая из фамилий, в числе 47 человек – 30 явно еврейской национальности[590].

Старые кадры вновь встретились на украинской земле и попытались установить плотный заслон направленным туда по решению ЦК коммунистам из великорусских

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org губерний. Таковых всего насчитывалось около 800 человек: основная масса рядовых работников, одна треть – уездного и несколько десятков – губернского масштаба. Прибыв на места, все они, как правило, оказались на должностях, несоответствующих их опыту и назначению. Предсовнаркома Украины Х. Раковский сетовал в своих докладах Ленину, что повсеместно существует враждебное отношение к работникам, прибывшим с севера, особенно в Одессе[591].

Мероприятия московского ЦК большевиков в области кадровой политики на первых порах привели к тому, что межнациональные противоречия на Украине дополнились острой борьбой уже на всех уровнях партийно-государственного аппарата. На IX партийной конференции Зиновьев туманно упоминал, что в начале 1920 года на Украине без принципиальных причин создались две враждующие группировки[592]. Очевидно, все же причины были принципиальными, поскольку заставили Кремль произвести новую грандиозную перетряску кадров. Вновь украинский ЦК был распущен, всецело расформированы большинство губернских комитетов партии и советских исполкомов. Однако и после таких решительных действий до умиротворения национальных страстей было весьма и весьма далеко. Очередная перетасовка имела своим результатом лишь то, что в ряде мест получили приоритет ярко выраженные антисемитские группировки.

Например, некий Вайнберг в 1920 году сообщал в ЦК РКП (б) об отсутствии в Киеве евреев-коммунистов и характеризовал Киевский губком как «в целом антисемитский», который к еврейской работе относится «по-петлюровски»[593]. Это в Киеве, а в провинции украинские эсеры отмечали, что между коммунистами развивается «страшная грызня» на национальной почве. Так, «председатель Полтавского губревкома не стесняясь выступает против евреев-коммунистов». «Вообще, надо сказать, на Украине и в особенности в деревнях, в уездных городах да местечках развился и окреп зловещий, погромный антисемитизм, – подчеркивали они в своей конфиденциальной переписке в начале 1921 года. – И сейчас во многих важных частях (буденновцы), на многих заводах и во всех деревнях – евреям выступать нельзя»[594]. Надо заметить, что буденновцы вообще весьма характерно отличились под занавес войны, дав повод к длительному расследованию, которое тянулось несколько месяцев. Во время переброски с Юго-Западного на врангелевский фронт части Первой Конной в октябре 1920 года громили все подряд попадавшие им на марше местечки: Зозов, Вахновка, Россоша, Спиченцы, Пелисков, Ильинцы, Дашев, Прилуки – отовсюду поступали сообщения о повальных грабежах и убийствах еврейского населения – десятками и сотнями[595].

Уходила в прошлое гражданская война, близился конец политики военного коммунизма, однако и в новый исторический период общество уносило с собой застарелые национальные противоречия.

Избранная библиография (монографии, статьи, материалы)

Айхенвальд А. Военный коммунизм // Большая Советская энциклопедия. Т. 12. М., 1928.

Альский А. О. Наши финансы за время гражданской войны и НЭПа. М., 1925.

Амбариумов Е. А. Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // Вопросы истории. 1984. № 4.

Амбарцумов Е. А. Ленин и путь к социализму. М., 1982.

Андреев В. М. Прозрачность и крестьянство // Исторические записки. Т. 97. 1976.

Атлас З. В. Социалистическая денежная система. М., 1969.

Атлас З. В. Из истории развития товарообмена между городом и деревней (1918–1921) // Вопросы экономики. 1967. № 9.

Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти // Исторические записки. Т. 61. 1957.

Боевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Бахтин М. И. Начало великого пути. Из истории социалистического преобразования деревни. М., 1979.

Берхин И. Б. Ленинский план построения социализма. М., 1960.

Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970.

Биллик В. И. В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917–1921 гг. и о повороте к НЭПу // Исторические записки. Т. 80. 1967.

Бордюгов Г. А., Козлов В. А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991.

Бочкарев А. Военный коммунизм // Исторический журнал. 1939. 1429.

Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995.

Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3.

Бухарин Н. И. Теория пролетарской диктатуры // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Н. К Экономика переходного периода. Часть I. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

Бычков С. Организационное строительство продорганов до НЭПа (опыт исторической оценки) // Продовольствие и революция. 1923. № 5–6.

Вайсберг Р. Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925.

Ваксер А. З., Скляр Л. Ф. Против извращения истории классовой борьбы в СССР при переходе к НЭПу // Критика новейшей буржуазной историографии. М., Л., 1961.

Варга Е. Переходный период от капитализма к социализму // Коммунистический Интернационал. 1928. № 23–24.

Варга Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. М., 1922.

Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1. 1917–1920. л., 1957.

Винокур Л. Аппарат продорганов // На новых путях (работа продовольственных органов). М., 1923.

Волин М. От военного коммунизма к НЭПу. М., 1941.

Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Наркомата по продовольствию за 1918/19 г. М., 1919.

Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921–1923 гг. М., 1969.

Генкина Э. Б. К истории выработки ленинского плана социалистического строительства // Вестник Московского университета. 1947. № 11.

Германов Л. (М. Фрумкин). Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М., 1922.

Гимпельсон Е. Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. М., 1977.

Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг.

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org М., 1995.
- Гладков И. А. Вопросы планирования сельского хозяйства в 1918–1920 гг. М., 1951.
- Гладков И. А., В. И. Ленин – организатор социалистической экономики. М., 1960.
- Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917–1920. М., 1956.
- Гончаров А. Д., Луняков П. И. В. И. Ленин и крестьянство. М, 1976.
- Гуров П. Я., Гончаров А. Д. Ленинская аграрная политика. М., 1973.
- Гусев С. И. ___ съезд Российской коммунистической партии. (Краткий отчет.) Пятигорск, 1920.
- Давыдов М. И. Борьба за хлеб. М., 1971.
- Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.
- Два года диктатуры пролетариата. 1917–1919. Сборн. статей. М, 1919.
- Дмитренко В. П. Некоторые итоги обобществления товарообмена в 1917–1920 гг. // Исторические записки. Т. 79. 1966.
- Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986.
- Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ: 1917–1932 гг.) М, 1966. за 5 лет. 1917–1922. Сборник ЦК РКП(б). М., 1922.
- Зиновьев Г. Е. Крестьяне и Советская власть: Беспартийные съезды крестьян. Пг., 1920.
- Зиновьев Г. Е. Новые задачи нашей партии. От войны к хозяйству. Пг., 1920.
- Игнатъев В. Д. О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти (ноябрь 1917 г. – март 1921 г.). М, 1948.
- Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922. М., 1974.
- Ирошников М. П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. И. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. л., 1980.
- История ВКП(б). Т. IV. Под общей редакцией Е. Ярославского. М., л., 1929.
- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1946.
- История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986.
- История социалистической экономики. Т. 1. М., 1976.
- Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
- Кабьипов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного возрождения. М., 1988.
- Каменев Л. Б. 8 лет Октябрьской революции. М., л., 1925.
- Капелюш Ф. «Военный социализм» и продналог. (Переход к продналогу в Германии.) // Новый путь. Пг. 1921. № 5–43.
- Квиринг Э. И. Очерки развития промышленности СССР. 1917–1927. М, л., 1929.
- Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М, 1920.

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
- Кондратьев И. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.
- Кондуфор Ю. Ю. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства на Украине в период гражданской войны. (В ходе проведения продовольственной политики 1918–1920 гг.) Киев, 1964.
- Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск, 1995.
- Крииман Л. Н. Героический период Великой русской революции. М., 1926.
- Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. 1 ноября 1917–1 июля 1920 г. М., 1920.
- Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969.
- Луначарский А. В., Покровский М. Н. Семь лет пролетарской диктатуры. М., 1925.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. Социализм. М., 1956.
- Матюгин А. А. О хронологических рамках перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике // Вопросы истории КПСС. 1967. № 3.
- Мау В. А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993.
- Милютин В. П. История экономического развития СССР. (1917–1927.) М., Л., 1929.
- Мутовкин Н. С. Политика Коммунистической партии по отношению к крестьянству (1918–1920 гг.). М., 1974.
- Народный комиссариат финансов. 1917–7 ноября – 25 октября – 1922. М., 1922.
- Олесеюк Е. В. Разработка экономической политики Коммунистической партии в трудах В. И. Ленина (1917–1921 гг.). Ростов-на-Дону, 1977.
- Орлов Н. А. Девять месяцев продовольственной работы Советской власти. М., 1918.
- Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920.
- Осинский Н. Строительство социализма. М., 1918.
- От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937. Т. 1. М., 1981.
- Павлюченков С. А. Крестьянский бред, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.
- Павлюченков С. А. Политика военного коммунизма – «великий поход» за идею // Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2 М., 1996.
- Пешков Ю. С. В. И. Ленин о сущности политики «военного коммунизма». М., 1975.
- Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975.
- Покровский М. Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 14.
- Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.
- Поляков Ю. А. Сельское хозяйство Советской страны накануне перехода к НЭПу // Исторические записки. Т. 74.
- Присяжный Н. С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России. (Историко-экономический анализ 1918–1921 гг.) Ростов-на-Дону, 1994.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства
Советской власти. М., 1920.

Радек К. Пути русской революции // Красная новь. 1921. № 4.

Рыков А. И. Статьи и речи. Т. 1. М., л., 1926.

Савельев М. Вехи экономической политики за пять лет // Коммунистическая
революция. 1922. № 13–14.

Сарабьянов Вл. Экономика и экономическая политика СССР. М., 1924.

Селунская В. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за
социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917–1934
гг.). М.Ф 1961.

Соколов С. А. В. И. Ленин и хозяйственное строительство в годы гражданской
войны. Саратов, 1969.

Стрижков Ю. К. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. Т. 71. М., 1962.

Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и
иностранной интервенции. 1917–1921. М., 1973.

Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного
Комиссариата по Продовольствию за 1919–1920 год. М., 1920.

Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. Иг., 1920.

Троцкий А. Д. Моя жизнь. М., 1991.

Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство (1918–1920). М., 1959.

Фортулатова Е. Крестьянство как союзник рабочего класса. л., 1926.

Хлеб и революция. Продовольственная политика Коммунистической партии и
Советского правительства в 1917–1922 гг. М., 1972.

Четвертая годовщина Наркомпрода. М, 1921.

Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне. ЦЧО в эпоху «военного
коммунизма». Воронеж, 1930.

Шлихтер А. Г. Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы
Советской власти. М., 1975.

Эволюция классов в русской революции. М., 1922.

Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками.
1917–1922. Документы и материалы. М., 1996.

Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне. 1917–1920. М., 1980.

Юровский Л. И. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928.

Ярославский Е. М. История ВКП(б). Ч. 2. М., 1933.

Bettleheim C. Class Struggles in the USSR, 1917–1923. N.Y., 1976.

Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution,
1917–1921. N.Y. 1989.

LihL. Bolshevik Razverstka and War Communism // Slavic Review. v. 45. Nr.
4. 1986.

LihL. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990.

Malles. The Economic Organisation of War Communism. 1918–1921. N.Y., 1985.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosofff.org
Mawdsley K. The Russian Civil War. L., 1987.

Nove A. An Economic History of the USSR. N.Y., 1986.

Party, State and Society in the Russian Civil War.
Bloomington-Indianapolis, 1989.

Patenaude B. Peasants into Russians: The Utopian Essence of War Communism
// The Russian Review. 1995. October.

Remington T. F. Building Socialism in Bolshevik Russia. Ideology and
Industrial Organisation. 1917-1921. Pittsburgh, 1984.

Shahin T. The Awkward Class. Political sociology, of peasantry in a
developing society: Russia 1910-1925. Oxf., 1972.

Siegelbaum L. Soviet State and Society Between Revolutions, 1918-1929. N.Y.,
1992.

Stites R. Revolutionary Dreams, Utopian Visions and Experimental life in
the Russian Revolution. N.Y., 1989.

Указатель имен

А

Абрамович Р. (Рейн Р. А.) – 59, 66.

Аванесов В. А. – 166.

Австриейх – 246.

Айхенвальд А. – 18, 40, 250.

Аладжалов – 123.

Альский А. О. – 191.

Амбарцумов Е. А. – 37, 41, 43.

Ангел – 258.

Андреев А. А. – 177.

Антонов А. С. – 157.

Антонов-Овсеенко В. А. – 118.

Анучин С. А. – 218.

Артем (Сергеев Ф. А.) – 189.

Афанасьев – 208.

Б

Бакунин М. А. – 121.

Батис Э. И. – 195.

Белобородое А. Г. – 171, 217-219.

Березов – 209.

Берхин И. Б. – 23, 41, 42.

Биксон – 246.

Биллик В. И. – 41.

Близнюк – 258.

Богданов А. А. – 51, 105.

Богунский – 260.

Богуславский – 214.

Бойков П. – 113.

Бокий Г. И. – 112.

Бонч-Бруевич В. Д. – 245.

Бордюгов Г. А. – 27–29, 37, 42, 44.

Бочкарев М. – 41.

Бош Е. Б. – 208.

Брюханов Н. П. – 218.

Бугаев Е. – 36, 44.

Буденный С. М. – 216, 220, 260.

Булдаков В. П. – 25, 30, 42, 43.

Бухарин Н. И. – 38, 62, 80, 86, 96, 167, 180, 183, 226, 227.

Быков А. – 211.

В

Вайнберг – 262.

Вайсберг Р. Е. – 40.

Вардин (Мгеладзе) И. В. – 183.

Варейкис И. М. – 17.

Веселов С. В. – 33, 43.

Вернигора – 258.

Вильсон В. – 79.

Винниченко В. К. – 70, 100, 106, 108.

Владимиров М. П. – 192.

Владимирский М. Ф. – 187.

Воднев – 138.

Володарский В. (Гольдштейн М. М.) – 73.

Вольнец – 258.

Вольский В. К. – 164.

Врангель П. Н. – 99, 136, 137, 218–220, 223, 224.

Врачев И. Я. – 115, 244.

Г

Гавен Ю. П. – 225.

Генис В. Л. – 227, 263.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Генкина Э. Б. – 41.

Германов Л. – см. Фрумкин М. И.

Гете И. В. – 91.

Гиммер Р. – см. Himmer R.

Гимпельсон Е. Г. – 30, 32, 33, 41–44.

Гладков И. А. – 41.

Гопнер Д. Ю. – 119, 120.

Гоптаев А. – 211.

Горелов В. – 211.

Горинов М. М. – 44.

Горький М. – 110.

Григорьев Н. А. – 260.

Громан В. Г. – 49.

Грум-Гржимайло В. Е. – 158.

Д

Давыдов А. Ю. – 30, 35, 42, 43.

Дали С. – 45.

Дан (Гурвич) Ф. И. – 85.

Данилов Н. И. – 245.

Данишевский К. Х. – 98, 103, 167.

Дементьев Н. Е. – 26, 42.

Деникин А. И. – 19, 81, 85, 90, 111, 116–118, 125, 149, 209, 252, 254, 258, 260.

Дзержинский Ф. Э. – 85, 151, 171, 206–208, 241.

Диманштейн С. М. – 259.

Дмитренко В. П. – 23, 25, 41, 42, 44.

Драгомиров – 150.

Дробижев В. З. – 36, 43.

Дутов А. И. – 61.

Дыбенко П. Е. – 119.

Е

Евдокимов Е. Г. – 225.

Елизарова А. И. – 253.

Есиков С. А. – 39, 44.

Екатерина II – 51.

Ермолова М. Н. – 247.

Зайцев Г. – 253, 254, 261.

Залуцкий П. А. – 134.

Зеленый – 258.

Землячка – см. Самойлова Р. С.

Зиновьев Г. Е. – 67, 145, 161, 174, 178, 180–182, 194, 195, 197, 208, 232, 252, 262.

Зорин (Гомбарг) С. С. – 104, 156.

Зубов П. (Анненский) – 141.

И

Игнатов Е. Н. – 184.

Ионов А. – 121.

Иоффе А. А. – 106, 260.

Ирицкий – 209.

Кабанов В. В. – 25, 30, 41–43.

Калинин М. И. – 112, 135, 147, 217.

Каменев Л. Б. – 73, 76, 77, 171, 182, 197, 198, 239, 252, 261.

Канищев В. В. – 39, 44.

Квиринг Э. И. – 19, 41.

Керенский А. Ф. – 49.

Киселев А. С. – 191.

Клунный Г. – 256.

Ключевский В. О. – 55.

Ковтума – 258.

Козлов В. А. – 27–29, 42.

Кокошкин Ф. Ф. – 204.

Коллонтай А. М. – 191.

Колчак А. В. – 19, 79, 81, 82, 84, 111, 117, 125, 126, 149, 150, 156, 252.

Копылов Н. В. – 151, 180.

Кормилицын – 208.

Корнилов Л. Г. – 209.

Косарев В. М. – 142.

Котеленец Е. А. – 37, 44.

Красин Л. Б. – 148.

Краснов П. Н. – 61, 79, 209, 213.

Крестинский Н. Н. – 35, 123, 168, 171, 172, 177, 179, 180, 196, 220, 226.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Крицман Л. Н. – 19, 41.

Крыленко Н. В. – 34, 82, 116, 210, 236.

Кубяк Н. А. – 191.

Кузовков Д. В. – 18, 40.

Кун Б. – 220, 225.

Куприн А. И. – 234.

Кураев В. В. – 114.

Кутепов А. П. – 223.

Кутузов И. И. – 191.

Куценко – 223.

Кюстин де А. – 46.

Л

Ларин Ю. (Лурье М. А.) – 19, 40, 92, 93, 238–240.

Лацис М. Я. (Судрабс Я. Ф.) – 203.

Лебедев – 158, 459.

Ленин В. И. – 8, 9, 11, 16–18, 21, 24, 25, 28, 30, 32, 34, 37, 40, 42, 50, 55, 56, 58, 59, 61, 64, 73, 74, 77, 79, 83, 85, 88, 89, 92–94, 96, 98–100, 102, 104, 108, 115, 116, 118, 126, 129, 130, 137, 138, 149, 162, 166, 170, 172, 174, 177, 182, 184, 186, 188, 194, 201, 204, 205, 207, 209, 214, 216, 217, 226, 227, 231, 233, 239, 240, 245, 248, 249, 252, 253, 260, 261, 263.

Леонов С. В. – 30, 31, 42–44.

Леонтьев К. Н. – 7, 13.

Леонтьевский – 132.

Лешковская Е. К. – 247.

ли л. – см. Lih L.

либкнехт К. – 205.

лисицын Н. – 184.

Луначарский А. В. – 57, 106, 208, 247.

Лутовинов Ю. Х. – 191.

Люксембург Р. – 205.

Лященко П. И. – 41.

М

Майзель Б. Н. – 240, 241.

Манцев В. Н. – 225.

Маркс К. – 7, 12, 13, 84, 105, 143, 146.

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) – 88, 106.

Матеранский Н. – 255, 256.

Мау В. А. – 255, 256.

Махно Н. И. – 84, 118–121, 136.

Медведев С. П. – 191.

Меерзон Ж. – 191.

Мезкев – 156.

Мельунов С. П. – 205, 211, 222, 224, 227, 228.

Мельник В. – 41.

Мельников И. – 211.

Мельников М. – 211.

Мельников Ф. – 211.

Мессинг С. А. – 239.

Милюков П. Н. – 55, 105.

Милютин В. П. – 17, 62, 88, 107.

Миронов Ф. К. ~ 216.

Михайлов В. М. – 196.

Михайловский – 240.

Молотов В. М. – 195, 226.

Монисов – 246.

Мороз Г. С. – 256, 259.

Муравьев М. А. – 106.

Муралов Н. И. – 126.

Муранов М. К. – 171.

Муртазин – 105.

Мэтьюз М. – 244, 250.

Мясников (Мясникян) А. Ф. – 235.

Мясников Г. И. – 147, 162, 195, 201.

Н

Невский В. И. (Кривобоков Ф. И.) – 113.

Нежинский Л. Н. – 42.

Николай II – 129, 149.

Новгородцева К. Т. – 167.

Ногин В. П. – 107.

О

Овсянников – 207.

Обломов – 158.

Объедков 157, 158.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Осинский Н. (Оболенский В. В.) – 69, 83, 92, 169, 172, 173, 183–186, 188,
190, 199, 200.

П

Павлюченков С. А. – 44, 249.

Пасманник – 242.

Патенауд Б. – см. Patenaude В.

Пельше – 236.

Петерс Я. Х. – 241.

Петлюра С. В. – 116, 258.

Петр I – 14.

Петренко – 209.

Петровский Д. А. – 134.

Подвойский Н. И. – 71, 115, 135, 146.

Подщеколдин А. М. – 37, 44, 201.

Покровский М. Н. – 18, 40, 42, 91.

Поляков Ю. А. – 26, 41, 42.

Попов Н. Н. – 18, 40, 41.

Потресов А. Н. – 207.

Правдин О. А. – 247.

Преображенский Е. А. – 81, 83, 101, 135, 141, 172, 177, 189.

Присяжный Н. С. – 35, 39, 43.

Протасов Л. Г. – 39, 44.

Пугачев – 158.

Р

Радек К. Б. – 18, 20, 40.

Радус-Зенькович В. А. – 85, 210.

Раковский Х. Г. – 114, 123, 150, 171, 262.

Раскольников Ф. Ф. – 195.

Рассел Б. – 163.

Рафес М. Г. – 97.

Рейнгольд И. И. – 215, 216.

Риттих А. А. – 49, 77.

Робеспьер – 51, 52.

Розенберг У. – 43.

Розенгольц А. П. – 260.

Рохович Г. Я. – 102.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Рудзутак Я. Э. – 176, 177.

Рыков А. И. – 61, 65, 92, 93, 126, 172, 177, 179, 181.

Рязанов (Гольдендах) Д. Б. – 150, 181.

С

Салтыков-Щедрин М. Е. – 15, 25.

Самойлова (Залкинд) Р. С. (Землячка) – 219, 220, 222–225.

Сапронов Т. В. – 90, 91, 185–187.

Сарабьянов В. Л. – 41.

Свердлов Я. М. – 65, 112, 167–170, 172, 213, 244.

Свидерский А. И. – 29, 64.

Сергеев – 156.

Серебряков Л. П. – 171, 172, 177.

Середа С. П. – 114.

Симонов Н. С. – 37, 44.

Скоропадский П. П. – 253.

Слепков А. Н. – 139, 142, 160, 165.

Смидович Л. Г. – 111, 112, 122, 137, 150.

Смилга И. Т. – 217.

Смирнов И. Н. – 98, 108, 126, 139.

Соколов С. А. – 41.

Сокольников (Бриллиант) Г. Я. – 185, 213, 214.

Сосновский Л. С. – 163.

Спирин Л. М. – 41.

Сталин И. В. – 11, 19, 38, 41, 166, 171–173, 196–198, 217, 222, 225, 248.

Стасова Е. Д. – 112, 170, 171, 199, 206, 217.

Стеклов (Нахамкис) Ю. М. – 82, 83.

Субботин В. – 211.

Суворова Л. И. – 33, 34, 43.

Султан-Галиев М. Х. – 220, 222–224.

Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) – 47.

Сырцов С. И. – 84, 213, 214.

Т

Толоконцев А. Ф. – 192.

Томский (Ефремов) М. П. – 151, 177, 178.

Трифонов В. А. – 214.

Троцкий Л. Д. – 18, 19, 40, 41, 52, 58, 59, 65, 66, 80, 93–95, 97–99, 101,

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
105, 107, 137, 138, 147, 167, 171, 174, 176, 182, 194, 198, 200, 214, 219,
225, 248, 252, 260.

Трукан Г. А. – 43.

Тухачевский М. К. – 98, 162.

У

Ульянов Д. И. – 225.

Уншлихт И. С. – 157.

Урицкий М. С. – 73, 168, 205.

Устинов А. М. – 72, 106.

Ф

Файджес О. – см. Figes O.

Флеровский И. – 18, 40.

Фрумкин М. И. – 27, 29, 75, 107, 218.

Фурманов Д. А. – 192.

Ц

Цакунов С. В. – 44.

Цюрупа А. Д. – 38, 58, 64, 171, 204, 231, 237, 248, 249.

Цюрюпа В. А. – 38, 44.

Ч

Черемухин Н. А. – 208–211.

Черный – 258.

Чечек С. – 71.

Чичерин Г. В. – 79, 119.

Чуев Ф. – 228.

Чуцкаев С. Е. – 247.

Ш

Шаповалов А. – 220.

Шевоцуков П. – 27, 42.

Шефер Ф. – 259, 260.

Шингарев А. И. – 49, 204.

Шлихтер А. Г. – 24, 231.

Шляпников А. Г. – 162, 191–194.

Шолохов М. А. – 252.

Шуваев – 129.

Щ

Щетинов Ю. А. – 39, 40, 44.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Э

Энгельс Ф. – 7, 47, 86, 89, 105.

Ю

Юденич Н. Н. – 90, 117, 207.

Южин А. И. – 247.

Юренев (Кротовский) К. К. – 107, 185, 190, 200, 201.

Юрков И. А. – 41.

Я

Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) – 18, 20, 40, 142, 195.

A-Z

Figes O. – 36, 43.

Himmer R. – 38, 44.

Lih L. – 33, 43.

Patenaude B. – 36, 43.

Siegelbaum L. – 43.

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

2

Там же. Т. 43. С. 159.

3

РЦХИДНИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2. Л. 115.

4

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 309.

5

Там же. С. 151.

6

Радек К. Пути русской революции // Красная новь. 1921. № 4. С. 186–187.

7

Вайсберг Р. Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 9.

8

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Айхенвальд А. Военный коммунизм // БСЭ. Т. 12. М., 1928. С. 368–383;
Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы.
М., 1925; Покровский М. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. №
14. С. 10–19; Попов Н. Н. Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии
(большевиков). М., Л., 1926; Троцкий Л. Д. Речь на IV конгрессе Коминтерна
// Бюллетень IV конгресса Коминтерна. 1922. № 10. С. 4; Флеровский И.
Октябрьская революция и новая экономическая политика. М., 1923; История
ВКП(б). Т. IV. Под общей редакцией Е. Ярославского. М., Л., 1929.

9

Ларин Ю. Классовая смывка // Правда. 1923. 15 апреля; Его же. Вопросы
крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 132; Его же. Автобиография // Деятели
СССР и революционного движения России. Энциклопед. словарь Гранат. М. f
1989. С. 486.

10

Десятый съезд РКП(б). Стен, отчет. М. f 1963. С. 349.

11

Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 57–58; Его же. Сочинения. Т. XVIII.
Ч. 2. М., Л., 1926. С. 543–544; Его же. Моя жизнь. М., 1991. С. 441.

12

Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 37.

13

Крицман Л. Героический период великой русской революции. М., Л., 1926. С.
77.

14

Квириг Э. И. Очерки развития промышленности в СССР. 1917–1927. М., Л.,
1929. С. 38.

15

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 251. Л. 102 об.

16

Указ. соч. С. 397.

17

Берхин И. Б. Ленинский план построения социализма. М., 1960;

Биллик В. И. В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической
политики в 1917–1921 гг. и о повороте к НЭПу // Исторические записки. Т.
80. 1967;

Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921–1923 гг. М.,
1969;

Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917–1920. М., 1956;

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. Социализм. М., 1956;

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967;

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968 и др.

18

Первая, робкая попытка реанимации ленинских высказываний об имевших место в период военного коммунизма ошибочных расчетах возможности непосредственного перехода к социализму прозвучала несколько ранее, уже в период послевоенного смягчения сталинского режима. См.: Генкина Э. Б. К истории выработки ленинского плана социалистического строительства // Вестник Московского ун-та. 1947. № 11. С. 34.

19

Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

20

Амбарцумов Е. А. Ленин и путь к социализму. М., 1982;

Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. № 1. 1986;

Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988;

Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне. 1917–1920. М., 1980.

21

Мельник В. Продразверстка до ее декретирования // Проблемы экономики. 1935. № 6.

22

Попов Н. Н. Указ. соч. С. 232.

23

Сарабьянов В. Л. Популярные очерки по экономической политике. М., Л., 1925. С. 28.

24

Бочкарев М. Военный коммунизм // Исторический журнал. 1939. № 9. С. 140.

25

В. И. Ленин и хозяйственное строительство в годы гражданской войны. Саратов. 1969. С. 48. (Он же в другой работе говорит поистине чудесные вещи: «Политики „военного коммунизма“ вообще нельзя обнаружить до введения продовольственной разверстки». См. «К вопросу о сущности политики „военного коммунизма“» в кн. «В. И. Ленин о некоторых проблемах истории». Саратов. 1970. с. 46.)

26

Покровский М. Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 14. С. 16.

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
27
- Мау В. А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 57.
- 28
- Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», НЭП... // История СССР. 1990. № 3. С. 6.
- 29
- Берхин И. Б. Так что же такое «военный коммунизм»? // История СССР. 1990. № 3. С. 139.
- 30
- Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 4.
- 31
- Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45.
- 32
- Там же. С. 42. См. другие публикации Булдакова и Кабанова по вопросам военного коммунизма: «Военный коммунизм»: агрессия идеи // Вестник высшей школы. 1990. № 11; Жив ли «военный коммунизм»? // Военный коммунизм: как это было. М., 1991; Истоки и смысл «военного коммунизма» // Татьянин день. 1992. № 3; Диктатура доктрины // Родина. 1992. № 3.
- 33
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 265.
- 34
- Поляков Ю. А. Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 107.
- 35
- Дементьев Н. Е. К оценке земельной и продовольственной политики – Советской власти в 1917–1918 годах // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 204.
- 36
- Шевоцуков П. Гражданская война. Взгляд через десятилетия // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 76.
- 37
- ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 265. Л. 17.
- 38
- Цит. по «Наше Отечество. Опыт политической истории». Т. 2. М., 1991. С. 42.
- 39

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 115.

40

Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 196.

41

История Отечества: люди, идеи, решения. С. 49.

42

Там же. С. 52.

43

Там же. С. 56–57.

44

Там же. С. 55.

45

Там же. С. 56.

46

Цит. по «Наше Отечество. Опыт политической истории». С. 42.

47

История Отечества: люди, идеи, решения. С. 61.

48

Там же.

49

ЦГАМО. Ф. 2052. Оп. 1. Д. 68. Л. 13 об.

50

Бордюгов Г. А. Козлов В. А. История и конъюнктура. С. 300.

51

См.: Берхин И. Б. Так что же такое «военный коммунизм»? // История СССР. 1990. № 3. С. 131–132;

Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 46;

Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 107;

Нежинский Л. Н. Внешняя политика Советского государства в 1917–1921 годах:

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? // История СССР.
1991. № 6. С. 5;

Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное
развитие. С. 43, 56;

Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 8;

Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность
(1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 41;

Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994. С. 54; и др.

52

Давыдов А. Ю. Указ. соч. С. 46.

53

Леонов С. В. Указ. соч. С. 41.

54

Гимпельсон Е. Г. К вопросу о «военном коммунизме» // Вопросы истории КПСС.
1986. № 6. С. 73.

55

Его же. Формирование советской политической системы. М., 1995. С. 96.

56

Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное
развитие. С. 56.

57

Наше Отечество. Опыт политической истории. С. 76.

58

Леонов С. В. Указ. соч. С. 45.

59

Гимпельсон Е. Г. Влияние гражданской войны на формирование советской
политической системы. 1918–1920 гг. // История СССР. № 5. С. 3.

60

Его же. Формирование советской политической системы. С. 112.

61

Его же. Влияние гражданской войны... С. 4.

62

Там же. С. 8.

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
- 63
Его же. Формирование советской политической системы. С. 47.
- 64
Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990.
- 65
Веселов С. В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 26.
- 66
Суворова Л. И. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4.
- 67
Там же. С. 55.
- 68
Там же. С. 51.
- 69
РЦХИДНИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 30. Л. 114.
- 70
Там же. Ф. 17. Оп. 66. Д. 65. Л. 54.
- 71
Суворова Л. И. Указ. соч. С. 50.
- 72
РЦХИДНИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 30. Л. 92.
- 73
Давыдов А. Ю. Указ. соч.
- 74
Там же. С. 47.
- 75
Присяжный Н. С. Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов н/Д, 1994. С. 6.
- 76

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. С. 3.

77

Siegelbaum L. Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929. N.Y., 1992; Defining and Ignoring Labor Discipline in the Early Soviet Period: The Comrades – Disciplinary Courts, 1918–1922 // Slavic Review, 1992, winter.

78

Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. N.Y., 1989.

79

Patenaude B. Peasants into Russians: The Utopian Essence of War Communism // The Russian Review. 1995. October.

80

Розенберг У, Дробижев В. 3. Социально-экономическое положение и политика Советского государства при переходе к НЭПу // История СССР. 1989. № 4. С. 118.

81

Амбарцумов Е. А. Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // Вопросы истории. 1984. № 4.

82

Там же. С. 19.

83

Бугаев Е. Странная позиция // Коммунист. 1984. № 14. С. 122.

84

Там же. С. 126.

85

Бордюгов Г., Котеленец Е., Подщеколдин А., Симонов Н. От какого «единства» мы отказываемся? // Учительская газета. 1990. 5 июня. № 23.

86

Павлюченков С. А. С чего начинался НЭП // Неделя. 1989. № 15; Его же. Почему вспыхнула «антоновщина»? Дополнительные штрихи к истории восстания // Неделя. 1989. № 44; Его же. Начало борьбы за НЭП // Аргументы и факты. 1990. № 5; Его же. С чего начинался НЭП // Трудные вопросы истории. М., 1991; Его же. Военный коммунизм: свобода или необходимость // Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991; Его же. Десятилетие борьбы. Внутривнутрипартийная оппозиция в РКП(б) в период военного коммунизма и НЭПа // Власть и оппозиция. М., 1995.

87

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 12; Горинов М. М. Цакунов С. В. Ленинская концепция НЭПа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 23; Леонов С. В. Указ. соч. С. 42; Гимпельсон Е. Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29.

88

Himmer R. The Transition from War Communism to the New Economic Policy: An Analysis of Stalin's Views // The Russian Review. 1994. October.

89

Цюрупа В. А. Колокола памяти. М., 1986. С. 88.

90

пленум ЦК РКП(б) 13 апреля 1919 г. (РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 2. д. 26. л. 18 об.)

91

Есиков С. А. Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7; Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский НЭП» (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920-1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4.

92

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994.

93

Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. № 4-7.

94

Щетинов Ю. А. За кулисами Кронштадтского восстания 1921 г. // Вестник Московского университета. История. 1995. № 2, 3.

95

Там же. № 2. С. 5.

96

Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М., 1931. С. 386.

97

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 527.

98

Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. С. 386.

99

Цит. по Мау В. А. Реформы и догмы. М., 1993. С. 40.

100

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

101

Там же. С. 193.

102

Там же. С. 191.

103

Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 348.

104

Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., 1918. С. 157.

105

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.

106

Троцкий Л. 1905. М., 1922. С. 15.

107

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. С. 113–114.

108

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 266.

109

Там же. С. 268.

110

Луначарский А. В., Покровский М. И. Семь лет пролетарской диктатуры. М., 1925. С. 23.

111

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 30.

112

РЦХИДНИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

113

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 197–198.

114

Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959. С. 77.

115

Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 102.

116

ЦГАМО. ф. 66. Оп. 7. д. 8. л. 283. То, что подобные заявления не были пустой фразой, подтверждают события у берегов Черного моря. В марте 1918 года, ввиду того, что рабочие Одессы вынесли резолюцию против Советской власти, войска Южного фронта под командованием М. А. Муравьева отошли на заранее подготовленные позиции, после чего немцы заняли Одессу. (Знамя труда. 1918. 20 марта.)

117

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 265.

118

РГАЭ. ф. 3429. Оп. 1. д. 34. л. 53, 54.

119

Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1920. С. 250.

120

Там же. С. 254.

121

Там же. С. 294, 389.

122

РГАЭ. ф. 1943. Оп. 1. д. 141. л. 74–76; РЦХИДНИ. ф. 19. Оп. 1. д. 112. л. 2.

123

Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет. С. 331.

124

Восьмой съезд РКП(б). протоколы. М., 1959. С. 290.

125

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 65. д. 61. л. 157.

126

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 14. Д. 1. Л. 71.

127

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 46. Л. 1.

128

Там же. Оп. 65. Д. 1. Л. 25.

129

Там же. Д. 2. Л. 86 об.

130

Там же. Д. 52. Л. 59.

131

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 134. Л. 113.

132

Винниченко В. К. Из дневников // Дружба народов. 1989. № 12. С. 177.

133

Появление декрета 28 июня было связано с еще одним немаловажным обстоятельством. 9 июля 1918 года во время беседы с представителями германского правительства, выразившими неудовольствие декретом, представитель Наркоминдел А. А. Иоффе заявил, что декрет издан для борьбы против намечавшейся на 2 июля всеобщей стачки. Дабы все рабочие оказались на государственной службе и потеряли право бастовать. (См. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1132.)

134

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 4. Л. 13.

135

РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 491. Л. 15.

136

Устинов А. О земле и крестьянстве. М., 1919. С. 27.

137

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 31.

138

Там же. С. 45.

139

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Ленинский сборник. Т. XVIII. М., 1931. С. 143.

140

Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 267.

141

Там же. С. 179.

142

Германов Л. (Фрумкин М.) Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 67.

143

Экономическая жизнь. Приложение. 1919. № 1. С. 6.

144

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 44. Л. 386–388.

145

Союз потребителей. 1919. № 6–7. С. 3.

146

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2. Л. 7, 10.

147

Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 145.

148

Троцкий Л. Сочинения. Т. XVII. Ч. 2. М., Л., 1926. С. 539.

149

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 147, 148.

150

Там же. Л. 155.

151

Там же. Л. 145.

152

Там же. Л. 141 б–142.

153

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Там же. л. 143.

154

Там же. Оп. 84. д. 39. л. 61.

155

Там же. д. 33. л. 15.

156

Там же. д. 26. л. 2 об.

157

Там же. д. 46. л. 13.

158

Там же. д. 19. л. 49.

159

Там же.

160

Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1921. С. 43.

161

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 112. д. 9. л. 70–71.

162

Там же. Оп. 65. д. 61. л. 150.

163

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 350.

164

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. д. 279. л. 134.

165

Там же. Оп. 12. д. 87. л. 116.

166

Там же. Оп. 112. д. 12. л. 3; д. 66. л. 2, 87–88.

167

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Юренев К. Наши нестроения. К вопросу о преодолении элементов упадка в РКП. Курск, 1920. С. 6.

168

Речи В. И. Ленина, В. Милютина, В. Ногина на 3-м съезде рабочей кооперации. М., 1919. С. 39.

169

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 6-7.

170

Бюллетень Наркомпрода. 1919. 29 октября. С. 2.

171

Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 66.

172

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1235. Л. 8.

173

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 123.

174

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 22. Д. 1. Л. 53.

175

Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1991. С. 440.

176

РЦХИДНИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

177

Комсомольская правда. 1988. 2 октября.

178

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 364. Л. 2.

179

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 55. Л. 24 об.

180

Там же. Оп. 84. Д. 93. Л. 52.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
181

Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 32.

182

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 325.

183

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 527. Л. 35.

184

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11735. Л. 3.

185

Там же. Д. 15487. Л. 5.

186

Там же. Д. 16249. Л. 5.

187

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 22. Л. 2.

188

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 30.

189

Винниченко В. К. Указ. соч. С. 174.

190

Там же. С. 181.

191

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 134. Л. 115.

192

Там же. Ф. 17. Оп. 86. Д. 203. Л. 3.

193

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 200.

194

Там же. Т. 42. С. 178.

195

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1319. Л. 9.

196

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 198. Л. 2.

197

Предсибревкома И. Н. Смирнов в начале 1921 года оценивал советские вооруженные силы в Сибири и на Дальнем Востоке в количестве около 400.000 человек. (Доклад В. И. Ленину от 1 января 1921 года. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16768. Л. 4.)

198

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 527. Л. 38.

199

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 1.

200

Там же. Д. 198. Л. 1.

201

Архив Русской революции. Т. 12. М, 1991. С. 128.

202

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 107.

203

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 184. Л. 3.

204

Знамя труда. 1918. 20 апреля.

205

Архив Русской революции. Т. И. М., 1991. С. 87.

206

???

207

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 65. Л. 24 об.

208

Там же. Л. 25.

209

Там же. л. 28.

210

Там же. л. 19.

211

Там же. Оп. 5. д. 35. л. 7.

212

Там же. д. 216. л. 51.

213

Там же. ф. 2. оіп 1. д. 11782. л. 3.

214

Там же. д. 35. л. 62.

215

Там же. ф. 4. Оп. 2. д. 374. л. 135.

216

Там же. ф. 2. Оп. 1. д. 11900. л. 31.

217

Там же. ф. 17. Оп. 84. д. 29. л. 6.

218

Там же. д. 28. л. 7.

219

Там же. Оп. 65. д. 453. л. 169 об.

220

Там же. л. 173 об.

221

Там же. Оп. 84. д. 26. л. 2.

222

Там же. д. 139. л. 67.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
223

Архив Русской революции. Т. 11. М., 1991. С. 131.

224

Там же.

225

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 28. Л. 21.

226

Там же. Оп. 65. Д. 4. Л. 35.

227

Там же.

228

Там же. Д. 52. Л. 30 об.

229

Там же. Д. 7. Л. 157.

230

Там же. Д. 52. Л. 30 об.

231

Там же. Оп. 5. Д. 209. Л. 164 об. (Протокол Мстиславского уездного собрания волостных руководителей по работе в деревне. Смоленская губерния, январь 1920 г.)

232

Там же. Оп. 84. Д. 7. Л. 15 об.

233

Там же. Д. 93. Л. (Из сводки № 66 для членов ЦК. Информационный отдел ЦК КП(б)У, 8 июля 1920 г.)

234

Там же. Оп. 65. Д. 65. Л. 25.

235

Там же. Оп. 112. Д. 64. Л. 96.

236

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11782. Л. 9.

237

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 62.

238

Там же. Оп. 60. Д. 9. Л. 39.

239

Там же. Оп. 66. Д. 84. Л. 84.

240

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2615. Л. 9 об.

241

Там же. Л. 10.

242

Там же. Л. 16.

243

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10493. Л. 1-3.

244

Преображенский Е. Экономика и политика сибирской контрреволюции // Правда. Еженедельное приложение. 1919. № 2. 2 февраля.

245

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 497. (Протоколы 2 Сибирского областного совещания РКП(б). 31 июля – 4 августа 1920 г.)

246

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11735. Л. 4 об.

247

Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 89 об.

248

Там же. Л. 86 об.

249

Там же. Л. 114 об.

250

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. д. 52. л. 75. (Доклад о деятельности Крестецкого уездного комитета РКП(б). 2 июля 1919 г.)

251

Там же. д. 453. л. и.

252

Там же. д. 168. л. 9.

253

Там же. д. 453. л. 72.

254

Зубов П. (Анненский). Годы борьбы // 3 * / 2 года Советской власти в Тверской губернии. Тверь, 1921. С. 12.

255

РЦХИДНИ. ф. 5. Оп. 2. д. 10. л. 7.

256

Там же. ф. 17. Оп. 65. д. 453. л. 108 об.

257

Там же. Оп. 11. д. 7. л. 13.

258

Там же. Оп. 84. д. 139. л. 29.

259

Там же. ф. 2. Оп. 1. д. 15573. л. 1.

260

Там же. ф. 17. Оп. 12. д. 519. л. 7 об.

261

Там же. л. 8.

262

Там же. д. 380. л. 145 об.

263

Там же. л. 201.

264

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Там же. д. 466. л. 6.

265

Там же. д. 76. л. 45.

266

Там же. л. 123.

267

Там же. л. 51, 55.

268

Там же. л. 132.

269

Там же. л. 151.

270

Там же. д. 80. л. 6.

271

Там же. Оп. 84. д. 138. л. 17.

272

Там же. Оп. 33. д. 30. л. 112 об.

273

Там же. л. 78.

274

Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 11–12. с. 9–15.

275

Третий Всероссийский съезд РКСМ. Стенографический отчет. М, л., 1926. с. 325.

276

Известия Народного комиссариата по продовольствию. 1920. № 1–2. с. 36–37.

277

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 65. д. 140. л. 18.

278

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. д. 453. л. 113.
- 279
Там же. Оп. 12. д. 79. л. 108.
- 280
Там же. Оп. 84. д. 138. л. 20.
- 281
Там же. Ф. 5. Оп. 1. д. 2618. л. 15 об.
- 282
Стенографические отчеты заседаний Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 6 марта по 14 декабря 1920 г. М., 1921. С. 273.
- 283
Там же. С. 230.
- 284
Там же. С. 243.
- 285
РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. д. 2618. л. 24.
- 286
Там же. Ф. 17. Оп. 84. д. 187. л. 1-2.
- 287
Там же.
- 288
Там же. Ф. 2, Оп. 1. д. 17054. л. 1.
- 289
Там же. Ф. 17. Оп. 84. д. 200. л. 18. (письмо члена Сиббюро ЦК РКП(б) В. М. Косарева Е. Ярославскому, 21 марта 1921 г.)
- 290
Слепков А. Кронштадтский мятеж. М., л., 1928. С. 13.
- 291
ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 7. д. 8. л. 11.

292

Там же. Оп. 30. д. 12. л. 49.

293

Там же. Оп. 7. д. 8. л. 12.

294

Знамя труда. 1918. 17 мая.

295

Там же. 1918. 25 мая.

296

ГАРФ. ф. 130. Оп. 2. д. 705. л. 308.

297

Известия Наркомпрода. 1918. № 6-7. с. 35.

298

Знамя труда. 1918. 22 мая.

299

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 84. д. 4. л. 13 об.

300

Там же. л. 14.

301

ГАРФ. ф. 1235. Оп. 21. д. 18. л. 5-6.

302

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 5. д. 209. л. 2 об.

303

Там же. Оп. 65. д. 453. л. 126.

304

Екатеринбургский областной архив. ф. 41. Оп. 2. д. 418. л. 83 об.

305

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 84. д. 43. л. 20.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
306

Там же. л. 21-22.

307

Там же.

308

РГАЭ. ф. 1884. Оп. 28. д. 1. л. 19.

309

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 65. д. 7. л. 146.

310

Там же. д. 141. л. 42.

311

Там же.

312

Там же. д. 453. л. 123 об.

313

Там же.

314

Там же. ф. 2. Оп. 1. д. 11782. л. 5 об.

315

Там же. ф. 17. Оп. 65. д. 65. л. 26.

316

Там же. Оп. 84. д. 56. л. 1.

317

Там же. Оп. 65. д. 7. л. 141 об.

318

Там же. Оп. 112. д. 4. л. 55.

319

Там же. Оп. 4. д. 82. л. 1.

320

Там же. л. 1 об.

321

Там же. Оп. 112. д. 3. л. 17.

322

Там же. Оп. 65. д. 86. л. 9 об.

323

Там же. Оп. 12. д. 640. л. 36.

324

Там же. Оп. 65. д. 489. л. 2.

325

Там же. Оп. 12. д. 188. л. 12.

326

Там же. л. 14.

327

Там же. д. 191. л. 12.

328

Там же. д. 188. л. 15.

329

Там же. Оп. 65. д. 327. л. 14.

330

Там же. ф. 2. Оп. 1. д. 11957. л. 8.

331

Там же. л. 5.

332

РГАЭ. ф. 3429. Оп. 1. д. 1302. л. 34.

333

РЦХИДНИ. ф. 5. Оп. 1. д. 2618. д. 1.

334

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 70 об.

335

Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2. Л. 186.

336

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 8.

337

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1431. Л. 146.

338

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 68. Л. 4.

339

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2617. Л. 31.

340

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15337. Л. 4–5.

341

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2617. Л. 17–18.

342

Там же. Д. 2615. Л. 20 об.

343

Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 82 об.

344

Там же. Оп. 12. Д. 695. Л. 5 об.

345

Там же. Оп. 84. Д. 26. Л. 5.

346

Там же. Оп. 112. Д. 72. Л. 37.

347

Там же.

348

Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М. (1990). С. 294.

349

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 263. Л. 82.

350

Союз потребителей. 1919. № 6–7. С. 26.

351

Слепков А. Кронштадтский мятеж. М., л., 1928. С. 8–9.

352

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Л. 97.

353

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Л. 100.

354

Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 22. Л. 44.

355

Вопросы истории. 1994. № 6. С. 27.

356

Екатеринбургский областной архив. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 84.

357

Правда. 1920. 25 июля.

358

Исторический архив. 1993. № 3. С. 146.

359

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

360

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М, 1959. С. 178.

361

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 527. Л. 13.

362

Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 120.

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
363
Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 183.
- 364
Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 499.
- 365
Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 165.
- 366
РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 150.
- 367
Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177.
- 368
Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. С. 23.
- 369
Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 499.
- 370
Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 187.
- 371
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 78–79.
- 372
Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 165.
- 373
Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. (1960. С. 507–508.
- 374
Там же. С. 38.
- 375
Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 161.
- 376
РЦХИДНИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. и.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 160.

378

Отношения Ленина и Осинского всегда были непростыми. Н. Осинский (В. В. Оболенский) принадлежал к числу «неудобных» работников. В 1918 году он, будучи первым председателем Президиума ВСНХ, не ужился в Смольном, входил в левую оппозицию по вопросу о Брестском мире, в 1919 году был организатором и одним из лидеров внутрипартийной группировки демократического централизма, которая в весьма жестких выражениях подвергала критике как ЦК, так и самого Ленина. Являясь чрезвычайно инициативной личностью, Осинский вечно влезал в оппозицию, постоянно к чему-то призывал, раскачивал устоявшееся и расшатывал авторитеты. В то же время этим-то он и был ценен: выступая с критикой, загадывая вперед, он брал на себя нелегкий и неблагодарный труд первопроходца во многих делах. После 1918 года Ленин не подпускал Осинского к высшим партийно-государственным должностям, держал на отдалении, в провинции, но всегда внимательно выслушивал, точнее – прочитывал, его соображения, поскольку личные беседы у них, как правило, не получались и Осинский предпочитал обращаться к Ленину посредством бумаги и чернил. Благодаря сохранившимся в архивах листочкам записок и писем Осинского выясняется, что он находился у истоков самых фундаментальных и важных мероприятий политики военного коммунизма. Этот лидер группировки именно «демократического» централизма и борец против бюрократии с трибуны VIII съезда партии настаивал на создании таких явно «демократических» партийных учреждений, как постоянные бюро ЦК. Он был инициатором образованных в 1919 году и эффективно зарекомендовавших себя губернских продовольственных совещаний, органов, усовершенствовавших репрессивную политику продовольственной диктатуры. Его записка периода декабря 1919 года содержит идеи по обоснованию введения милитаризации промышленного труда (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11935. л. 3). Наконец, во второй половине 20-го года Осинский выступил в качестве инициатора и разработчика epochального военно-коммунистического проекта по применению государственного принуждения в крестьянском сельском хозяйстве. И этот «синодик» охватывает только основные заслуги Осинского по проектированию и проведению политики военного коммунизма.

379

Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 95.

380

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1253. л. 6.

381

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 15.

382

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 442.

383

Его же. К истории русской революции. М., 1990. С. 196.

384

Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 346.

385

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 234.
- 386
Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.). Стенографический отчет. М., 1921. С. 67.
- 387
Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 323.
- 388
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 270.
- 389
Там же. С. 235.
- 390
Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 323.
- 391
РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 452. Л. 36.
- 392
Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
- 393
Экономическая жизнь. 1920. 9 ноября.
- 394
Девятая конференция РКП(б). Протоколы. С. 279.
- 395
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 247.
- 396
Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 393.
- 397
Там же. С. 367.
- 398
Там же. С. 88.
- 399

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
РЦХИДНИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 20. Л. 139.

400

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 225.

401

Правда. 1919. 1 января.

402

Правда. 1919. 15 января.

403

Там же.

404

Правда. Еженедельное приложение. 1919. 26 января.

405

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 428.

406

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 189.

407

Там же. С. 196.

408

Там же. С. 426.

409

Юренев К. Наши нестроения. К вопросу о преодолении элементов упадка в РКП.
Курск, 1920. С. 7, 19.

410

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 243.

411

Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 66.

412

Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 51.

413

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Там же. С. 51, 64.

414

Там же. С. 64.

415

Юренев К. Указ. соч. С. 31.

416

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 134. Л. 113–120.

417

Там же. Л. 114.

418

Там же. Л. 119.

419

Там же. Л. 120.

420

Там же. Ф. 17. Оп. 86. Д. 203. Л. 3.

421

Там же.

422

Там же. Оп. 112. Д. 93. Л. 64.

423

Там же.

424

Там же. Л. 66.

425

Там же. Л. 67.

426

Юренев К. Указ. соч. С. 40.

427

428

Там же.

429

Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 228. Л. 176.

430

Правда. 1921. 25 января.

431

Там же.

432

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 199. Л. 3.

433

Там же. Оп. 12. Д. 466. Л. 56–57.

434

Там же. Л. 58 об.

435

Там же. Оп. 84. Д. 199. Л. 8.

436

Там же. Д. 229. Л. 2–3.

437

Екатеринбургский областной архив. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 84. (Под финской историей Мясников имеет в виду кровавые события в Петрограде, в августе 1920 года, когда молодые члены финской компартии, обвинив свое руководство в злоупотреблениях и разложении, совершили террористический акт, расстреляв несколько человек из ЦК партии.)

438

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 238.

439

Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы. 1920–1921 гг. М. (Л., 1927. С. 119.

440

Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет; . С. 390, 394.

441

Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 63.

442

443

Красный террор. 1918. 1 ноября.

444

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1111. Л. 41.

445

Знамя труда. 1918. 6 марта.

446

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 598. Л. 83.

447

Там же. Д. 81. Л. 49.

448

Там же. Оп. 112. Д. 8. Л. 131.

449

Там же. Д. 9. Л. 48.

450

Там же. Оп. 65. Д. 5. Л. 121.

451

Там же. Д. 337. Л. 76.

452

Там же. Оп. 112. Д. 9. Л. 66.

453

Там же. Л. 62.

454

Там же. Оп. 65. Д. 5. Л. 109.

455

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Там же. Оп. 84. д. 138. л. 27.

456

Там же. л. 24, 15. ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. д. 72. л. 5.

457

456???

458

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. д. 7. л. 157.

459

Там же. Оп. 112. д. 9. л. 81.

460

РГАЭ. Ф. 478. Оп. 16. д. 23. л. 25.

461

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. д. 26. л. 23.

462

Там же. Оп. 65. д. 63. л. 13.

463

Там же. д. 61. л. 94.

464

Там же.

465

Там же. л. 148.

466

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 7.

467

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. д. 61. л. 210.

468

Там же. л. 215.

469

470

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 61. Л. 170.

471

Там же. Л. 173.

472

Там же. Д. 34. Л. 85.

473

Там же. Л. 86.

474

Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 39.

475

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9983. Л. 2.

476

Генис В. Л. Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1.

477

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 106. Л. 7.

478

Там же.

479

Там же. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1.

480

Там же. Оп. 112. Д. 9. Л. 88.

481

Там же. Л. 96.

482

Там же. Оп. 84. Д. 138. Л. 22.

483

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. д. 76. л. 5.

484

Там же. л. 16.

485

Там же. л. 6.

486

Там же. д. 47. л. 2.

487

Там же. д. 76. л. 13.

488

Там же. л. 12. Репрессии коснулись и терского казачества. После восстания в Грозненском округе, в октябре 1920 года, были выселены казачьи станицы Калиновская (по переписи 1916 года насчитывавшая 1382 двора и 7799 душ); Ермоловская (768, 3517); Закань-Юртовская (Романовская) (697, 3575); Самашкинская (651, 3286); Михайловская (706, 3629). Мужское население этих станиц в возрасте от 18 до 50 лет было отправлено в Донбасс, частью – в Бакинскую губернию. Все остальное население «поприютилось» как смогло в станицах Моздокского и других округов (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. д. 296. л. 41.).

489

Там же. д, 21. л. 29.

490

Там же. Оп. 12. д. 276. л. 3.

491

Там же. Оп. 13. д. 498. л. 89.

492

Там же. Оп. 12. д. 27. л. 39.

493

Там же. Оп. 84. д. 21. л. 25 об.

494

Там же. л. 20.

495

Там же. л. 26 об.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
496

Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 68.

497

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 498. Л. 91.

498

Там же. Оп. 84. Д. 21. Л. 29 об.

499

Там же. Оп. 13. Д. 498. Л. 91.

500

Там же. Д. 500. Л. 2.

501

Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 66.

502

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 39.

503

Там же. Оп. 13. Д. 498. Л. 91.

504

Там же. Д. 500. Л. 2.

505

Там же. Д. 499. Л. 84.

506

Там же. Оп. 84. Д. 21. Л. 27.

507

Там же. Оп. 3. Д. 37. Л. 1.

508

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 184.

509

Московские ведомости. 1915. 1 апреля.

510

- Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Там же. 1917. 18 февраля.
- 511
Там же. 1915. 1 апреля.
- 512
РЦХИДНИ. ф. 158. Оп. 1. д. 1. л. 10.
- 513
Союз потребителей. 1919. № 8. С. 2. Поданным кооперативных организаций, за весь 1918 год гражданам 3-й категории в Москве было выдано по 33 1/а фунта всех нормированных продуктов, 30 фунтов картофеля и 12 яиц.
- 514
РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 2. д. 26. л. 18.
- 515
ЦГАМО. ф. 66. Оп. 12. д. 40. л. 17.
- 516
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 168.
- 517
Там же.
- 518
См.: Павлюченков С. А. Крестьянский бреет, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. по.
- 519
ЦГАМО. ф. 66. Оп. 14. д. 4. л. 86.
- 520
Это ясно из протоколов Президиума Моссовета, постановившего 13 августа 1919 года провести на сей предмет расследование и наказать виновных. (ЦГАМО. ф. 66. Оп. 14. д. 8. л. 69, 118.)
- 521
РЦХИДНИ. ф. 94. Оп. 2. д. 30. л. 121.
- 522
Например, в ноябре 1920 года из числа торговцев были изъяты лица, подлежащие трудовой повинности, – мужчины до 50 и женщины до 40 лет. (ЦГАМО. ф. 66. Оп. 14. д. 23. л. 47.)

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
523

Союз потребителей. 1919. № 8. С. 36.

524

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 39. Л. 49.

525

Стенографические отчеты заседаний пленумов Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 6 марта по 14 декабря 1920 года. М., 1921. С. 140.

526

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 292. Л. 68.

527

РЦХИДНИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 30. Л. 114.

528

Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об.

529

Систематический сборник... по продовольственному делу. Кн. 2. Нижний Новгород, 1920. С. 253.

530

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 65. Л. 53 об.

531

Там же.

532

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 864. Л. 15.

533

Там же. Оп. 2. Д. 302. Л. 351.

534

Там же. Оп. 1. Д. 864. Л. 15.

535

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14521. Л. 1.

536

Стенографические отчеты заседаний пленумов Московского Совета рабочих,
Страница 188

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
крестьянских и красноармейских депутатов с 6 марта по 14 декабря 1920 года.
М., 1921. С. 121.

537

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16249. Л. 1-2, 3.

538

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Л. 98.

539

Там же. Д. 76. Л. 2.

540

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 66. Л. 2.

541

Айхенвальд А. Военный коммунизм // Большая Советская энциклопедия. Т. 12.
М., 1928. С. 374.

542

Рабочий мир. 1919. № 6. С. 30.

543

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы
истории. 1992. № 2-3. С. 45.

544

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 374. Л. 109.

545

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 268. Л. 19-21.

546

РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 525. Л. 13, 15.

547

Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9794. Л. 1.

548

Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 4. Л. 86.

549

Там же. Л. 105.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
550

Там же. л. 106.

551

ГАРФ. ф. 130. Оп. 3. д. 299. л. по, 114.

552

Деятели СССР и революционного движения России. // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 762.

553

ГАРФ. ф. 130. Оп. 3. д. 299. л. 3.

554

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 84. д. 111. л. 8 об., 13.

555

Там же. л. 34.

556

ГАРФ. ф. Р-1318. Оп. 1. д. 407. л. 104.

557

См. РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 84. д. 28. л. 30.

558

Там же.

559

ГАРФ. ф. Р-1318. Оп. 1. д. 573. л. 46.

560

РЦХИДНИ. ф. 2. Оп. 1. д. 15487. л. 3-4.

561

ГАРФ. ф. 1235. Оп. 94. д. 143. л. 8.

562

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 66. д. 65. л. 27.

563

Там же. ф. 2. Оп. 1. д. 11900. л. 6.

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
564

Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 92. Л. 67 об.

565

Там же. Д. 141. Л. 25. 11–12. Там же.; 13. Там же. Л. 25 об. 14–19. Там же.

566

???

567

???

568

???

569

???

570

???

571

???

572

???

573

???

574

???

575

Там же. Оп. 84. Д. 272. Л. 97.

576

Там же. Оп. 66. Д. 65. Л. 27.

577

Там же. Оп. 112. Д. 4. Л. 25.

578

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org

Там же. Оп. 65. д. 4. л. 107.

579

Там же. Оп. 84. д. 17. л. 45.

580

Там же. ф. 5. Оп. 1. д. 2615. л. 10 об.

581

Генис В. Л. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12/

582

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 112. д. 7. л. 8.

583

Там же. д. 34. л. 3.

584

Там же. Оп. 84. д. 12. л. 21 об.

585

Там же. Оп. 65. д. 2. л. 118.

586

Там же. Оп. 112. д. 7. л. 16.

587

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. с. 336.

588

РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 65. д. 2. л. 173.

589

Там же. л. 171.

590

Там же. д. 320. л. 3.

591

Там же. д. 384. л. 17 об.

592

Военный коммунизм в России власть и массы. С. А. Павлюченков filosoff.org
Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 198.

593

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 110.

594

Там же. Д. 272. Л. 97.

595

Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 86. Л. 56.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!